

**Протоиерей Александр ДЕРЖАВИН,
магистр богословия**

ЧЕТИИ-МИНЕИ СЯТТЕЛЯ ДИМИТРИЯ, МИТРОПОЛИТА РОСТОВСКОГО, КАК ЦЕРКОВНОИСТОРИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАМЯТНИК*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

Характеристику Четних-Миней, как памятника литературного, всего удобнее начать с рассмотрения их состава. В первой главе первой части мы говорили, что во времена древнехристианские в Четии-Миней входил только агиологический материал, то есть жития святых, и лишь впоследствии он начал дополняться произведениями дидактического и повествовательного характера. Такие произведения сначала помещались в конце книг, в виде приложения, а затем стали переноситься в отдел житий и располагаться вместе с последними под числами месяца. Митрополит Макарий особенно расширил состав Четних-Миней: в его Миней вошли почти все «чтомыя на Руси книги». После митрополита Макария состав Четних-Миней опять начинает упрощаться; Милютинские и Тулуповские Четии-Миней уже не только не стремятся быть энциклопедией славянской письменности своего времени, но сокращают и дидактический элемент, принимая его в очень ограниченном количестве.

Святитель Димитрий не внес чего-либо нового в эту область своей работой. Его Четии-Миней, как и Миней послемакарьевские, содержат и дидактический и повествовательный материал, но по количеству статей он значительно меньше агиологического. В четырех тримесечных книгах насчитывается до 664 житий святых, тогда как слов, сказаний и повестей только 67. По времени и месту подвижничества святых — жития разделяются на четыре группы: первая (24 жития) обнимает жизнь и подвиги святых ветхозаветных, вторая (571 житие) — общехристианских, третья (65 житий) — русских и четвертая (4 жития) — южнославянских.

Из произведений дидактического и правоучительного характера в Четии-Миней внесены: 22 слова, посвященные истории и прославлению важнейших христианских праздников и некоторых святых; 22 сказания о различных воспоминаемых Церковью священных событиях и чудесных проявлениях милости Божией к человеческому роду; 6 заимствованных из Богослужебных книг, синаксарей и 7 назидательных повестей, взятых из второй части Пролога. Как агиологический, так и

* Окончание. Начало в сборнике 15.

дидактический материал расположен в Четних-Минейх в порядке месяцеслова и составляет их основное, главное содержание.

Второй, дополнительной частью содержания Четних-Миней являются авторские заметки, которые печатаются обыкновенно в конце каждого дня и составляют особенность рассматриваемого нами памятника. В эти заметки Святитель Димитрий, во-первых, вносит месяцеслов, то есть имена всех тех святых, которым не посвящено отдельных житий, но память которых празднуется Церковью в тот же день года. В сентябре этот месяцеслов состоит из одного только перечня святых, а затем содержание его расширяется и углубляется; к именам святых присоединяются иногда краткие, иногда довольно подробные сведения об их жизни и подвигах, так что в большинстве случаев этот месяцеслов напоминает так называемые святы с летописью, то есть с краткими сказаниями о святых. Во-вторых, в тех же заметках Святитель Димитрий нередко разрешает различные недоумения, могущие возникнуть у читателей во время чтения житий; исправляет ошибки и противоречия своих источников и предлагает разнообразные, находящиеся в той или иной связи с житиями сведения по истории, географии и церковной жизни.

Если, помещая месяцеслов, Святитель Димитрий старался придать своим Четним-Минейам характер весьма нужной справочной книги по общехристианской и русской агиологии, то заметками на этот месяцеслов он оказал большую услугу своим преемникам по разработке агиологического материала. Для нас эти заметки важны еще и потому, что в некоторых случаях они знакомят нас с той сложной работой, какую пришлось выполнить Святителю Димитрию при составлении Четних-Миней, и свидетельствуют о нем, как ученом писателе. В дальнейшем многими из этих заметок мы воспользуемся.

Работой над месяцесловом Святитель Димитрий, по всей вероятности, начинал каждую книгу Четних-Миней. В подтверждение этого можно привести и априорные соображения и фактические данные. Не распределив памятей святых по дням годам и не изучив их основательно, едва ли можно было и приступить к составлению житий. Из истории написания Четних-Миней мы отчасти знаем, как много затруднений доставляли Святителю Димитрию запутанность и разногласия наших месяцесловов и как еще в самом начале работы он старался преодолеть их. Составление в 1687 г. «Ономастикона» было первым плодом этих усилий и ярким фактом, свидетельствующим о серьезных занятиях Святителя над месяцесловом. Оставшиеся после Святителя рукописи еще сильнее подтверждают нашу мысль. В одной из них — б. Типографской (№ 420) находятся два месяцеслова: один — краткий, имеющий по одной, по две памяти на каждый день целого года (лл. 12—24), другой на три месяца, июнь, июль и август, но зато более полный и богатый памятями (л. 457 и д.). Время составления первого месяцеслова не обозначено, но, по всей вероятности, он написан был очень рано, может быть в первые дни работы над Четними-Минейми; второй имеет хронологическую дату в начале июля — «Апп. 1703—7bris», т. е. месяцеслов на июль составлялся в сентябре 1703 г., а это как раз было время, когда святитель приступал к написанию июльской книги житий святых.

Несомненно, составление и других книг предвлялось такой же работой над месяцесловом. Это обязывает и нас начать свой разбор Четних-Миней также с месяцеслова, как естественного их плана и первого основания. Итак, какими же источниками воспользовался Святитель Димитрий при составлении месяцеслова Четних-Миней и в чем состояла над ним его работа?

В первой главе первой части мы привели список тех церковно-богослужебных книг, при которых печатались месяцесловы, и сказали

несколько слов об их отдельных изданиях. Из четии-минейных заметок и рукописей видно, что Святитель Димитрий воспользовался почти всеми этими книгами и изданиями. В Четиих-Минеях мы встречаем ссылки на месяцесловы: Московский¹, Киевский², Львовский³ и Виленский⁴, один раз упоминается «великий месяцеслов» и несколько раз вообще «месяцесловы», без обозначения места их составления и издания⁵.

Рукописи дополняют этот список и дают ему большую определенность. В Московской Синодальной типографии, в рукописи № 420, на 264 л. есть статья Святителя Димитрия, посвященная вопросу «о лете скончания преподобной Марии Египетской»; в ней упоминаются месяцесловы: «великий Московский», напечатанный в 1684 г.⁶, другой Московский: «аки бы исправнейший», изданный в 1689 г., затем месяцесловы: Киевский, Львовский, Виленский и Черниговский, но годы их издания не указаны⁷. В другой рукописи, хранившейся в Московской Патриаршей библиотеке (№ 139), в «каталоге епископов и патриархов Византийских» (лл. 124—160), делаются ссылки на месяцесловы украинские: Львовский, Киевский, изданный в 1691 г.⁸, Виленский и Черниговский, которым противопоставляются московские месяцесловы и прологи; здесь же упоминается «большой Киево-Печерский месяцеслов за архимандрита Иннокентия Гизеля в лето 1682 напечатанный»⁹.

В заметках Четиих-Миней и в том Прологе, которым пользовался Святитель Димитрий, также приводятся сведения и указываются ссылки на месяцесловы при Полууставе¹⁰, Трефологионе¹¹, месячных Миней¹² и Миней митрополита Макария¹³. При полууставах почти всегда печатался отдельный месяцеслов¹⁴; что касается остальных книг, то они важны были тем, что в служебных Минеях и Трефологионах находились службы святым, а иногда краткие о них сведения¹⁵; а в Четиих-Минеях Макарьевских, в их житиях, прологах и патериках, давался такой богатейший материал по христианской агиологии, какого в других славянских книгах не было. Однако чаще всего в заметках Святителя Димитрия в Четиих-Минеях ссылки сделаны не на эти книги, а на Пролог, который упоминается здесь иногда по нескольку раз в день. Очевидно, с этой книгой особенно часто справлялся Святитель, составляя свой месяцеслов. Не встречаются в Четиих-Минеях ссылки на месяцесловы при Евангелиях, Апостолах, Следованной Псалтири, Часословах, Требниках и Служебниках, но эти книги так были употребительны, что Святитель Димитрий всегда имел возможность ими пользоваться. Если он не упоминает их, то, вероятно, потому, что не нашел в них чего-либо оригинального и достойного замечания. Из всего нами сказанного видно, что Святитель Димитрий, работая над месяцесловом, имел очень много источников. Что же из себя представляли эти источники? Как мы должны охарактеризовать находящиеся в них месяцесловы?

Известный исследователь христианского месяцеслова архиепископ Сергей в своем труде «Полный месяцеслов Востока» подробно описывает много рукописных месяцесловов, находящихся как при Богослужебных книгах, так и в специально посвященных им сборниках; печатным изданиям он уделяет сравнительно мало внимания. Это объясняется тем, что ко времени появления на Руси книгопечатания в нашей церковной практике получил преобладание так называемый Иерусалимский устав, и издатели различных Богослужебных книг старались согласовать месяцесловы их с месяцесловом этого устава. Поэтому особенно крупных, интересных для архиепископа Сергея разностей между ними не было, но из этого не следует, что месяцесловы эти были между собою вполне согласованы. Печатаемые с рукописей лицами малоопытными и недостаточно подготовленными, месяцесло-

вы эти имели массу ошибок, повторений и противоречий частного характера, и вот эти-то их особенности сильно затруднили работу Святителя Димитрия. Так как в заметках Святителя чаще всего встречаются ссылки на месяцесловы при Полууставе, Прологе и в отдельных специальных изданиях, то эти книги мы и подвергнем более детальному анализу.

Первое печатное издание Святцев вышло в Москве в 1628 г. О последующих изданиях 1639, 1646, 1659, 1662 гг. архиепископ Сергей говорит, что одни из них подобны (например, изд. 1639 и 1646 гг.), другие имеют немало особенностей и дополнений. Дополнения относятся, главным образом, к празднованиям русским святым, особенности заключаются в приурочении памятей святых к тем или иным дням года. Киевские святцы, которыми чаще пользовался Святитель Димитрий, хотя и имели одинаковую с Московскими основу, однако во многом от них и разнились. Это произошло от того, что составители Киевских святцев внесли в них некоторые памяти святых из рукописных стишных Прологов. Пролог первый раз напечатан в 1641 г. Несмотря на то, что издатели стремились согласовать его месяцеслов с месяцесловом Иерусалимского устава, совершенного подобия между ними нет, а в последующих изданиях количество этих разногласий еще более увеличивается. Нет поэтому сходства и между отдельными изданиями Пролога. Преосвященный Сергей в особом приложении к своему исследованию подробно перечисляет все те разности, какие существуют в этих изданиях, и указывает причины их. Из его работы видно, что таких разностей было довольно много. Уставы и полууставы, хотя и были скопированы с Иерусалимского, однако имели несколько редакций, и месяцесловы их также разнились один от другого. Кроме того, по словам архиепископа Сергия, во дни Святителя Димитрия в некоторых южнорусских монастырях применялся еще Студийский устав, месяцеслов которого имел значительные разности в сравнении с уставом Иерусалимским. Преосвященный Сергей говорит, что они замечены им в 144 случаях и состоят в прибавлении или отсутствии памятей святых в одном уставе сравнительно с другим и в различном времени их празднования¹⁶.

Из этой краткой характеристики месяцесловов видно, что даже в различных изданиях одной и той же книги они имели немало особенностей. Если же мы станем сравнивать месяцесловы различных книг, тогда количество этих особенностей еще более увеличится. Поэтому, чтобы составить свой месяцеслов по указанным источникам, Святителю Димитрию необходимо было так или иначе примирить эти разности. Здесь возможны были два пути: можно было из всех имеющихся под руками месяцесловов выбрать какой-либо один и без изменений перенести его в Четии-Минеи; но можно было ко всем этим месяцесловам отнестись критически и на их основе выработать свой, исправленный и проверенный. Святитель сначала выбрал первый путь,— он взял месяцеслов Пролога и в сентябре буквально повторил его в своих Четиих-Минеях, но потом, пользуясь тем же Прологом, стал отнестись к нему критически и внес в его месяцеслов много поправок, изменений и дополнений.

В пользу того, что именно Пролог был положен Святителем Димитрием в основу месяцеслова Четиих-Миней, можно привести и внешние и внутренние доказательства. Об этом свидетельствует, например, такой опытный отечественный агиолог, как Преосвященный Сергей. В своем исследовании он прямо говорит, что «основой памятей святых служил Святителю Димитрию славянский печатный Пролог»¹⁷. По Прологу в 1687 г. составил Святитель свой «Ономастикон». В сентябрьской Минеи, как мы говорили, месяцеслов представляет буквальное повторение святцев Пролога, а в дальнейшем, хотя такого пол-

ного сходства и нет, однако ссылки на Пролог делаются почти ежедневно, причем некоторые из них прямо отсылают к Прологу, как руководству и источнику сведений о святых. Мы приведем здесь из этих заметок те, где эта руководящая роль Пролога особенно ярко сказывается. Так, 17 июля, после жития святого мученика Серапиона, Святитель пишет в своем месяцеслове: «В месяцесловах Киевском, Львовском и Виленском в сей день положена память святого Иосифа исповедника, епископа Фессалонитского... а в Прологу память его ианнуария в 26 день, тамо и мы его воспоминаухом»¹⁸. Подобная же заметка встречается 7 августа: «В месяцесловах Киевском и Львовском в сей день положена память святой царицы Пульхерии, мы же тоя житие положихом сентября в 10 день», опять следуя Прологу, где под этим числом воспоминается святая¹⁹. Иногда эта верность Прологу сохраняется даже тогда, когда исторические данные указывали другой день памяти святого. В этом отношении характерны следующие замечания: «О святой праведной Марфе, матери Симеона Дивногорца, ведати буди, яко преставися в пятый день сего месяца. А понеже во Миней служба ей в сей день четвертый положена, такжеже и в Прологу синаксарий сего дня чтется, убо и мы житие ея в сем же четвертом дни полагаем»²⁰. Здесь, как видим, поместить житие преподобной Марфы 4 июля заставили Святителя Димитрия, кроме Пролога, и месячные Миней. А вот другой пример, где та же самая роль принадлежит уже одному Прологу: после жития святого мученика Саввы Готфского, 15 апреля, Святитель замечает: «Утоплен бысть святыи апреля в 12 день, иже бе пятый день по Пасце и приличнее в той баше день памяти его совершатися, но понеже в Прологу под сим 15 числом память его положена, убо и zde страдание его такжеде полагается»²¹. 12 апреля, после жития преподобной Афанасии, Святитель говорит, что он положил ее память под этим числом на основании Пролога и Четиих-Миней митрополита Макария, хотя «сея преподобныя Афанасии память почитати приличнее есть августа в 14 день, в навечерие Успения Пресвятыя Богородицы, когда та святая преставися»²².

Какое же издание Пролога было в руках Святителя Димитрия? Этот вопрос легко разрешается, потому что тот экземпляр Пролога, которым пользовался Святитель, сохранился до нашего времени и прежде находился в библиотеке Московской духовной академии. Этот экземпляр, состоящий из 4 книг, изданных в Москве в 1685 г., на обратной стороне переплета всех четырех частей имеет следующую, сделанную рукою Святителя Димитрия, надпись: «От книг иерея Василия Батуринского замковаго бе, ныне же есть иеромонаха Димитрия Савича житии святых списателя». Профессор И. А. Шляпкин разъясняет нам эту надпись. В своем исследовании о Святителе Димитрии он приводит одну надпись, снятую им с экземпляра старинного Пролога, пожертвованного И. П. Филатовым в Ростовский Спасо-Иаковлевский монастырь: «Я иеромонах Димитрий Савич игумен святого Николы Крупицкого Батуринского сию книгу мне из обители Печерской данную даю взамену за ново выданныи Прологи честному господину отцу Василию пресвитерови церкви Воздвижения Креста Господня в замку Батуринском. Року 1688-го февраля 25-го»²³. Экземпляр Пролога, хранившийся в Спасо-Иаковлевском монастыре, издан в 1675—77 гг. Следовательно, до 25 февраля 1688 г. Святитель Димитрий пользовался Прологом, изданным в 1675—77 гг., а в этот день променял его на новый, изданный в 1685 г., получив его от батуринского священника о. Василия.

Пролог, хранившийся в библиотеке Московской духовной академии, весьма интересен и важен для нас: на полях его книг, на отдельных приклеенных к листам бумажках и в тексте имеется множество надписей и пометок, сделанных рукою неутомимого труженика Святителя Димитрия. Эти надписи и заметки всего лучше показывают, что Про-

лог был для Святителя настольной, необходимой книгой и, действительно, послужил основой для месяцеслова Четиих-Миней. С другой стороны, из тех же заметок мы видим, как постепенно всё шире и шире разрасталась критическая работа Святителя над месяцесловом Пролога, как всё с большею и большею самостоятельностью он относился к нему и, на основе его, создавал свой исправленный и проверенный месяцеслов. Заметки в Прологе являются наглядным доказательством этого и, благодаря им, вся сложная и трудная работа Святителя Димитрия при составлении месяцеслова Четиих-Миней представляется нам в значительной ясности и полноте.

Методы источниковедческого анализа Святителя

Нам думается, к этой работе побудил великого труженика прежде всего сам Пролог своими повторениями, неясностями, а иногда и прямо ошибками. Особенно частые недоумения должны были вызывать у Святителя памяти тех святых, о которых не сообщалось в Прологе никаких других сведений, кроме наименования: «святой», «мученик», «преподобный». А таких памятней было очень много, и они представляли из себя целое море имен, весьма часто подобных одно другому и одинаковых.

Случались странности и в синаксарях: иногда одному и тому же святому написаны были различные синаксари, иногда — наоборот — один и тот же синаксарь сопровождал памяти разных святых. Чтобы разобраться во всех этих рано замеченных неправильностях и ориентироваться в огромном количестве имен, Святитель и составил по Прологу «Ономастикон». Но «Ономастикон» не устранил, да и не мог устранить всех затруднений, так как составлен был по одному Прологу.

Обращение к другим славянским месяцесловам не только не разъясняло, а порою лишь запутывало дело, потому что новые сведения там редко удавалось найти, а недоумения с именами и празднованиями они только увеличивали. Чтобы выйти из затруднений и составить правильный, строго проверенный месяцеслов, оставался только один путь: нужно было ясно определить, кто разумеется под тем или другим именем в месяцеслове — какая личность, какие ее труды и подвиги, нужно было, как выражается Святитель Димитрий, узнать «чин жития святого и образ его смерти»²⁴. По этому пути он и пошел. Прежде всего Святитель подверг месяцеслов Пролога внимательнейшему, детальному рассмотрению. Об этой его работе свидетельствуют те многочисленные, занесенные им на поля книг заметки, в которых он указывает, когда повторяется в Прологе память того или иного святого и встречается еще раз его имя. Перечислить все подобного рода заметки невозможно, — ими пестрят листы Пролога (...). Некоторые из них носят утвердительный характер, а некоторые лишь предположения, — Святитель еще не уверился, он только «мнит», догадывается. Очевидно, заметки эти делались во время самой работы, при внимательном сравнении синаксарей. Но не только месяцеслов и синаксари подверг Святитель Димитрий такому рассмотрению, он, как видно из его Пролога, не пропускал там ни одной статьи и везде отмечал встречающиеся имена, чтобы потом сравнить их со сказаниями синаксарей и таким образом лучше определить личность святого. Так, например, читая 3 июня «слово от патерика о некоем пустынноце, иже согрешив покаяся», Святитель подчеркивает слова: «видех раба Божия нага» и на поле делает заметку: «сей июня 12-го, в житии преподобного Онуфрия, Тимофеем именуется»²⁵; октября 10-го, в слове о поставлении епископов упоминается папа Лев, Святитель на поле замечает: «сей февраля 18-го»²⁶; мая 5-го, в слове от патерика упоминается Виссарийон, — на поле: «память его июня 6-го и мая 23-го о нем слово»²⁷.

Но и такое тщательное изучение Пролога не разрешало всех недоумений. Чтобы достигнуть намеченной цели и хорошо уяснить себе лич-

ность святых, упоминаемых в месяцеслове, Святитель Димитрий обратился к другим источникам, не только славянским, но и иностранным. Из первых в заметках Пролога наиболее часто упоминаются Четии-Миней митрополита Макария, несомненно, потому, что вместе с памятями святых они давали и полные жития их. Особенно много ссылок на Великие Четии-Миней в Мартовской четверти Пролога. Из иностранных изданий Святитель Димитрий ссылается на сочинение Лаврентия Сурия, на *Vitae Sanctorum Patrum*, на историков — Евсевия, Созомена, Никифора Каллиста и Феодорита, на *Martyrologium Romanum*, а чаще всего на *Acta Sanctorum* Болландистов (...) ²⁸. В стремлении определить личность святого Святитель Димитрий не ограничивался одним каким-либо источником, а изучал его житие по нескольким книгам. Особенно большую помощь оказали ему в этой работе *Acta Sanctorum*, — по ним проверено большинство памятней святых, находящихся в Прологе. Даже в первых трех месяцах мы встречаем ссылки на *Acta Sanctorum*; очевидно, Святитель сделал их тогда, когда готовил Четии-Миней ко второму изданию. Кроме *Acta Sanctorum*, Святитель довольно часто обращался еще к Римскому Мартирологу. Правда, в Прологе на него не много указаний, но зато в том списке святых, который составлен Святителем на месяцы июнь, июль и август, это издание упоминается почти ежедневно ²⁹. Очевидно, и эта книга была постоянным справочным пособием при работе Святителя Димитрия над месяцесловом.

Но иногда все поиски оставались тщетными, и Святителю не удавалось точно определить личность святых. Например, 27 марта страдания святых мучеников Мануила и Феодосия. Синаксарь в Прологе написан в самых общих чертах. Святитель долго старался более точно определить, кто были эти святые, когда и от кого они пострадали, но, не найдя ничего, написал на поле в Прологе: «нет сих нигде» ³⁰; апреля 19-го память преподобного Никифора игумена, — «о сих не обретох» ³¹.

Из приведенных выдержек, думается, можно понять, каких великих трудов стоило Святителю Димитрию составление месяцеслова. Сколько книг должен был он просмотреть, сколько потратить времени на сравнение и изучение различных сведений, чтобы иметь возможность написать те замечания, которые так часто встречаются в месяцеслове Четиих-Миней. Такая тщательная работа не должна была пропасть даром: благодаря ей Святитель точно установил памяти многих святых и хорошо познакомился с их личностью. Это тотчас же сказалось на его работе.

Сознавая по собственному опыту, как важно для разумного пользования месяцесловом знакомство с личностью святых, Святитель решил не ограничиваться в Четиих-Минейх одним перечислением их памятней и с октября месяца стал присоединять к памятням краткие биографические сведения о святых. Для сентябрьских памятней то же самое он сделал, готовя Четии-Миней для второго издания. Большею частью эти сведения заимствованы из изученного и проверенного теперь Пролога, но в тех случаях, когда Пролог не давал ничего, кроме имен святых, или сообщал о них неверные сведения, Святитель обращался и к другим, как славянским, так и иностранным источникам и по ним дополнял Пролог и исправлял его ошибки. По объему все заметки о святых в месяцеслове Четиих-Миней можно разделить на полные и краткие. В первых сообщаются довольно подробные сведения о святых, так что эти заметки можно считать как бы дополнением к Четиим-Минейх. Некоторые из них писались не только для справок, но и для назидательного чтения и по размерам значительно превосходят проложные синаксари. Краткие заметки указывают только «чин жития и образ смерти» святого, то есть ограничиваются самыми необходимыми сведениями о нем. Таких заметок большинство. На основании некото-

рых из них мы можем судить, как дорожил Святитель всем, что удалось ему узнать о святом. Например, 6 апреля, указывая память святой мученицы Платониды, он выписывает о ней стихи из Пролога Макарьевских Честних-Миней, очевидно, никаких других сведений о святой Святителю не удалось найти³². В других случаях, приводя о святом те сведения, какие давали источники, Святитель пишет, что большего ничего он не мог найти, и этим как бы извиняется за скудость сообщаемых сведений. Так, 12 августа, сказав о святых мучениках Памфилии и Капитоне, что они «мечем скончашася», Святитель далее прибавляет: «о них же более обрести ничего не возмогохом»³³, или 2 августа о святом Василии юродивом Московском Святитель пишет: «зри о нем в Прологу, а в Великой Минее-Четии ничтоже о нем обретохом»³⁴. В последнем случае, как видим, не сообщая ничего о святом, Святитель отсылает читателя к Прологу. Подобные замечки встречаются в месяцеслове Четних-Миней также довольно часто, причем, кроме Пролога, указываются и другие, большею частью славянские же источники. Не знакомя с личностью святых, эти ссылки всё же давали возможность любознательному читателю получить сведения о них из других книг и таким образом выполняли ту цель, которая поставлена была Святителем для месяцеслова Четних-Миней. Только под некоторыми, сравнительно очень редкими числами, Святитель приводил памяти святых без всяких ссылок и биографических данных. В таких случаях он обыкновенно указывал, что полагает эти памяти потому, что они есть в Прологе, или высказывал предположение, не допущена ли здесь Прологом ошибка. Например, 8 марта Святитель пишет: «в той же день — сие имать Пролог — преп. Дометий в мире скончася, его же жития не возмогохом обрести. Есть августа месяца в 7 день преп. мученик Дометий, но той мученический конец прият»³⁵. Или — 9 марта: «сие Пролог zde воспоминает св. Тарасия, но не известует когдо, ибо в месяцеслове обретается Тарасий св. разве един, иже февраля 25-го, патриарх Цареградский»³⁶. Августа 18-го положена в Прологе память патриархов Цареградских Иоанна и Георгия, но «без синаксаря, самыи токмо имена. Неведомо убо, которого Иоанна и которого Георгия, понеже мнози в патриарсех Иоанны бяху, такожде и Георгий не един бе»³⁷.

Основательно изучив упоминаемых в Прологе святых, Святитель Димитрий выяснил для себя и то, когда здесь повторяется память святого и по какому поводу. Этим результатом своих трудов он также поделился с читателями Четних-Миней, отметив в месяцеслове весьма многие из таких повторений. Большая часть относящихся сюда заметок перенесена в Четии-Миней со страниц Пролога, но здесь они получили совсем иной смысл и характер. В Прологе эти отметки делались во время работы по ознакомлению с личностями святых, поэтому некоторые из них выражены в предположительной форме, а иные потом и совсем зачеркнуты, как ошибочные. Заметки в Четних-Миней — результат уже законченной работы; в большинстве случаев они вполне определены и правильны. По характеру и способу выражения их можно разделить на три группы: в одних случаях повторения памяти святых признаются Святителем законными, и поэтому в заметках просто отмечается, когда еще раз воспоминается память того же святого. Например, 6 сентября после памяти святого Кирилла Гортинского Святитель пишет: «сей же св. Кирилл и вторицею в Прологе воспоминается июня 14-го». В других заметках память святого как бы переносится на другое число, и поэтому они имеют иную формулировку. Например, 7 сентября, по поводу памяти святого Стефана, папы Римского, Святитель замечает: «в Прологе положена память Стефана, папы Римского, но та будет августа месяца во 2 день». Заметки третьего рода носят условный характер: в некоторых случаях Святитель не мог достигнуть положительного

результата и поэтому, отмечая в Четних-Минях повторение памяти святого, высказывался нерешительно, в форме личного мнения или предположения. Например, 13 сентября, по поводу памяти преподобного Петра, Святитель пишет: «сей же мнится быти, иже и выше, сего же месяца в 5 день, иже в Афире», или под тем же числом немного ниже: «зде же воспоминает Пролог св. м. Стратоника, но той един мнится быти, иже и выше бе, в 9 день сего месяца»³⁸. Июля 3-го: «Пролог полагает Феодота, Феодотии и иже с ними, но от тех Феодот и Феодотия мнятся тии, иже будут утро, о прочих же ничесого обрести возмогохом»³⁹.

Подобного рода отметками устанавливалась в Прологе масса таких повторений памяти святых, которые перенесены были сюда из разных месяцесловов и не вызывались какими-либо событиями в жизни или в истории прославления святого. Поэтому Святитель некоторые из этих повторений и совсем опускал, не делая об этом никаких отметок в Четних-Минях. Но зато Пролог Святителя своими замечками на полях объясняет нам многие из этих пропусков. Из сделанных нами и находящихся в Прологе объяснений видно, что пропуски памяти святых вызывались, главным образом, их повторениями; приводя эти памяти в одном месте, Святитель считал, что в другом месте он может и не упоминать о них. Почему в этих случаях он поступил именно так, то есть пропустил памяти, а не внес их в месяцеслов с указанием когда им приличнее быть, как делал в других подобных случаях, — неизвестно. У самого Святителя нет на это никаких указаний, а делать по этому поводу какие-либо свои предположения едва ли уместно. Ясно только одно, что в начале занятий над Четними-Минями у Святителя не было определенного решения относительно их месяцеслова, и поэтому, во время работы, под влиянием тех или других источников, приемы составления его подвергались различным изменениям.

Изучение месяцеслова Пролога дало и еще один положительный результат, — оно помогло Святителю Димитрию установить различие между одноименными святыми, нередко встречающимися в Прологе, и эти новые сведения он также занес в заметки Четних-Миней. Устанавливая различие, Святитель указал и те основания, которые приводили к этому, а в некоторых случаях «введения ради разнствия, да всякому оно яве будет», поместил в Четних-Минях и полные жития святых, посящих одинаковые имена. Такие случаи довольно часто встречаются в последней четверти Четних-Миней; в первых книгах их мало, да и, вообще, нужда в работе подобного рода признана была Святителем Димитрием довольно поздно.

Первую заметку с таким содержанием мы встречаем в месяцеслове под первым числом января, где различаются два Василия Анкирских. Как видно из надписей в Прологе⁴⁰, различие сделано здесь на основании *Acta Sanctorum*, и нам думается, что этот источник навел Святителя на мысль вносить подобные замечания в Четни-Миней.

Вот, например, заметка 4 апреля после жития преподобного Иосифа, творца канонов: «Ведати подобает, яко два в святых обретаются Иосифа песнописца. Первый Иосиф брат родной преподобного Феодора Студита, епископ Селунский, сего-же память Ианнуария 26-го. Другий же Иосиф сей преподобный, сосудохранитель великие Церкве бывый, а творенные ими каноны познаваются сице: идеже в начале канона написано: творение кир Иосифа, разумей быти первого Иосифа святого, брата Студитова, епископа Селунского; то бо слово «кир» знаменем есть великого сапа и власти, якоже епископства. А идеже написано просто, без приложения «кир», творение Иосифово, разумей быти сего второго Иосифа преподобного, иже не бе епископ, но точию иеромонах и игумен и сосудохранитель великие Константинопольские

церкве»⁴¹. Различие сделано на основании Acta Sanctorum, где в апреле есть житие преподобного Иосифа песнописца⁴².

На основании тех же книг 24 марта различаются Артемон, епископ Селевкий Писидийских, и апостол Артема. «Ведати потребно, — пишет Святитель после жития епископа Артемона, — яко ни есть св. Артема, един от 70 апостолов, св. апостолом Павлом в послании к Титу, в главе 3-ей воспоминовенный, епископ в Листре бывший, а ин есть сей святой Артемон, не от числа 70-ти апостолов и не в Листре, а в Селевкий Писидийстей первый бывший епископ»⁴³. Насколько серьезны бывали иногда подобные заметки, видно из того, что, например, 13 июня, различая святых Пафнутиев, Святитель приводит восемь лиц, причем ссылается на различные источники⁴⁴. А сколько труда требовали они от него, доказывается, например, тем, что для различения двух пророков Михеев (14 августа) Святитель посылал письмо в Москву к Феологу и просил его сделать необходимые для работы справки⁴⁵. Но любовь к делу и стремление дать в своем труде проверенные, точные сведения превозмогали всё, и Святитель не останавливался ни пред какими трудностями.

Старательное изучение Пролога и сравнение его с другими пособиями дало не одни только указанные нами результаты, — оно открыло еще много погрешностей Пролога, и Святителю Димитрию пришлось исправлять их.

Значительное влияние на работу над месяцесловом оказывали прежде всего Четии-Минеи митрополита Московского Макария. Из замечаний видно, что Святитель по этим Минеям постоянно проверял месяцеслов Пролога.

Значительно большее влияние на переработку месяцеслова Пролога оказывали служебные Минеи. Святитель весьма усердно пользовался ими при своей работе. Можно даже сказать, что в некоторых случаях он смотрел на Минеи, как на руководство. К последнему побуждала Святителя задача его великого труда. Эта задача состояла в том, чтобы дать «украинскому» народу назидательные чтения из житий святых на каждый день года. Так как предполагалось, что эти чтения будут иметь не только домашнее, но и церковное употребление, то желательно было, чтобы они согласовались с содержанием дневных церковных служб, то есть были посвящены тем же святым, которых воспоминала и прославляла в этот день святая Церковь. Для достижения этой цели естественнее всего было следовать в распределении памятей святых по дням года служебным Минеям, — и влияние их, действительно, сильно сказывается на порядке и расположении житий святых, а следовательно, и памятей их в Четиих-Минеях. Мы видим, что на первом месте стоят здесь всегда памяти и жития тех святых, которым есть служба в Минеи. Святитель не отступает от этого правила даже тогда, когда для жития воспоминаемого Церковью святого у него не находится материала. В таких случаях он обыкновенно излагает о святом только те сведения, какие можно было почерпнуть из Миней. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть Четии-Минеи хотя бы за следующие числа: 15 октября, 8 января и 23 августа. Здесь порядок дня начинается с небольших житий: Евфимия Нового, Георгия Хозевита и мученика Луппа, которые составлены исключительно по служебным Минеям. После жития Евфимия Нового находится даже следующее замечание Святителя: «жития сего преп. Евфимия Нового не обретохом более нигде же, точию еже от службы в Минеи ему положеной уведети возмогохом, сие зде положихом»⁴⁶.

Далее, если в Минеи полагалась служба такому святому, житие которого было дано уже ранее, Святитель Димитрий никогда не пропускал его памяти в Четиих-Минеях, а всегда ставил на своем месте,

указывая, где надо искать житие святого. Так, 2 мая Святитель, начиная день, заносит память Святителя Афанасия Великого, но не дает его жития, а замечает: «житие его зри ианнуария в 18 день»⁴⁷. Или 25 мая — третье обретение главы святого Иоанна Предтечи, — Святитель, указывая празднование, отмечает, что о всех обретениях «пространно писася февруария в 24 день»⁴⁸.

Подобные же указания памятней без житий можно видеть под 25 июля и 13 августа.

Сказалось такое отношение к служебным Минеям и на пользование месяцесловом Пролога. Если там памяти святых перечислялись в другом порядке и не соответствовали служебным Минеям, Святитель восстанавливал этот порядок и сначала помещал памяти тех святых, которые имели службу.

Те же Миней помогали Святителю Димитрию определять личность святого и открывать ошибки Пролога. Так, о преподобном Харимоне (16 августа) Святитель замечает, что он упоминается в Лавсанке, Азбучном Патерике и в Постной Трениди, в Сырную субботу на 6 песний канона, указывая этим те источники, по которым он знакомился со святым. А 14 августа, из заметки о пророке Михее, мы видим, что поводом к различению его от другого Михея и исправлению ошибки Пролога послужила и минейная служба⁴⁹. Из сказанного видно, что в работе Святителя над месяцесловом служебные Миней имели большое значение.

Меньшее влияние оказали здесь различные как великорусские, так и украинские месяцесловы, хотя Святитель усердно просматривал и их, делая, где нужно, ссылки на эти книги в заметках. Одни из этих заметок направлены против месяцесловов, — Святитель указывает их ошибки и объясняет, почему им не следует. Так, например, 18 июня он пишет, что в Львовском Трефологионе и в месяцеслове в сей день положена память мучеников Исавра, Василия, Иннокентия, Ермия, Феликса и Перегриния (в Киевском месяцеслове — одного Иннокентия), но «тыи вси будут июля 6-го», как в Прологе⁵⁰. Или 13 июля: «в Киевских месяцесловах положена еще память Иосифа исповедника, епископа Фессалонитского, а в Прологу память его ианнуария в 26 день, тамо и мы его воспомянухом».

В других случаях Святитель только упоминает, когда память святого почитается месяцесловами, не высказывая никаких суждений.

Но иногда указания месяцесловов получали в глазах Святителя и большее значение, так что он под влиянием их переносил памяти святых с одного числа на другое. Например, помещая память святого Ионы Савваитского 22 сентября вместо 21-го, где ее полагает Пролог, Святитель во 2-м издании Четних-Миней 21 сентября делает заметку: «в месяцеслове память его утро» и, следовательно, предпочитает Прологу месяцеслов⁵¹. Но подобные последним примеры сравнительно очень редки, и поэтому можно утверждать, что различные сборники памятней святых оказывали небольшое влияние на работу над месяцесловом.

Немалое значение здесь имели и иностранные, именно — латинские источники. Святитель Димитрий очень скоро оценил их высокое научное достоинство и не боялся пользоваться ими. По некоторым из этих источников, как мы видели, он проверил почти все памяти святых в Прологе и во многих местах исправил его ошибки. Эти исправления в одних случаях касались наименования святых и времени празднования их памятней, в других относились к тем историческим сведениям, какие давались о святых в синаксарях Пролога.

Самую существенную особенность месяцеслова Четних-Миней сравнительно с месяцесловом Пролога составляют, однако, не эти исправления и изменения, а те дополнения памятней святых, которые Святитель Димитрий внес сюда из разных источников. Сделать эти допол-

нения Святителя побудила, с одной стороны, та задача, какая была поставлена перед его трудом, с другой, — несомненное влияние на это оказали и находящиеся под руками Святителя различные месяцесловы. Исполняя желание родной — Украинской Церкви, Святитель должен был дать в Четиих-Минеях назидательные и достаточные чтения из жизни святых на каждый день года. А так как некоторые дни церковного года были бедны памятями святых, или хотя и имели их, но такие, для которых не находилось нигде материала и полных сведений, то Святителю Димитрию поневоле приходилось дополнять эти дни новыми памятями, чтобы дневное чтение не оказалось скудным. Наиболее веское подтверждение этого мы имеем в рукописях Святителя, именно — в том месяцеслове на месяцы июнь, июль и август, который являлся как бы планом, распределяющим памяти и жития по дням этих месяцев. В этом месяцеслове нас прежде всего поражает то, что Святитель Димитрий, указывая материал для составления житий, всегда обозначает, сколько будет его количеством. Например, «1-го июня, св. Иустин Философ. Surius, t. 2, f. 703 лист с лишком»; 2-го числа — св. Никифора, — «у Чете нет. Зри Surius, t. 2, f. 262 листа два с трошкой»; 3-го числа — св. Лукиана, — «Только взменка в Прологе» и т. д.⁵² На первый взгляд эти добавления кажутся ненужными и лишними, но для Святителя они имели важное значение, — по ним он судил, достаточно или мало будет имеющегося у него материала для заполнения дня.

Замечательно, что и другой подобный месяцеслов, составленный в начале работы, имеет такие же отметки⁵³. Просматривая эти месяцесловы, мы еще более убеждаемся в справедливости сделанного нами предположения. О чем, например, свидетельствуют встречающиеся там такие замечания: «в сем дню (13 июля) только трудности много, а писать мало что, потребно будет чим-нибудь наполнити»⁵⁴ или 28 июля: «сей день наполнити треба чим?»⁵⁵ Без сомнения, эти замечания свидетельствуют о том, что Святитель находил собранный им материал недостаточным для дневного чтения и делал для себя отметки, чтобы потом дополнить такие дни новыми жизнеописаниями. По первому месяцеслову мы можем проследить и дальнейшую работу Святителя в этом направлении. Например, 4 июня, указав, что для жития Святителя Митрофана, патриарха Цареградского, нет нигде никаких сведений, кроме Пролога, Святитель ищет материал для жития воспоминаемого в этот же день мученика Астия в мучимологии. О Прологе он пишет: «взменка о нем в сей книге (Прологе) июля 7-го», но, видя, что материала мало и жития по нему не составишь, решает внести в этот день памяти новых святых и в рукописи отмечает: «Hic Concoradio et Frontasio». В Четиих-Минеях 4 июня мы, действительно, и находим житие святых мучеников Конкордия и Фронтасия, памятней которых в Прологе нет⁵⁶.

5 июня, отметив, что о святом Дорофее Тирском «несть ничего, только взменка о нем in Niciphore et Cornelio a Lapide», что также нет сведений о святом мученике Маркиане и иже с ним, а о Феодоре чудотворце лишь «трошечки in Vitis Sanctorum Patrum», Святитель помещает здесь еще память святого князя Игоря Ольговича, о котором в Прологе «лист», и, сознавая, что материала всё же недостаточно, пишет далее под тем же числом: «в Четьх взменкуется преп. Ануфа чудотворец et in Vitis ss. pp. est quidam Anups (f. 469 et 476). De illo vide ibi, et hic pone illius пред Игорем, может быть с пол листа»⁵⁷. В Четиих-Минеях и внесена под 5 июня память святого Ануфия исповедника с житием, заимствованным из Vitis ss. pp.

Иногда Святитель намечал внесение новой памяти, но потом менял свое решение. Например, не найдя ничего для жития св. Тихона Амафунтского (16 июня) и отметив, что о святом Тихоне Луховском в

Прологе лишь «трохи», Святитель Димитрий пишет: «*Hic ponendus Левкий. Acta SS. янв. I, 667 и 669, гл. 4*). Но жития святителя Левкия под 16 июня нет, здесь вместо него дано жизнеописание священномученика Тигрия пресвитера и мученика Евтропия чтеца, взятое из тех же Актов. А святитель Левкий помещен под 20-м числом того же месяца, где также было мало материала, и Святитель искал, чем бы его дополнить. Так, сначала он отметил: «*Hic ergo ponendus est s. m. Margellinus (?) a s. Grigorio Dialog. Act. SS. янв. I, 590*», затем: «*et Anastasis (л. 701 о сем св. Григорий) et Arcadius л. 721*»... Но, очевидно, все эти жития не удовлетворили его, и он решил перенести сюда Левкия. Об этом свидетельствует последняя пометка за этот день: «зде Левкий»⁵⁸. Или — 22 июня Святитель решает: «*Hic ponendus s. m. Пофит*», но потом зачеркивает эту надпись и после приписывает: «июля 1-го positus»⁵⁹.

В том случае, если предположения о недостатке материала не оправдывались, Святитель и совсем опускал те памяти, которые он предполагал было внести. Например, 9 июня Святитель пишет: «после Кирилла Аттика бы воспомянути, *qui янв. I, 473*» (очевидно, *Acta SS.*), но так как помещенные под этим числом жития святителя Кирилла Александрийского и преподобного Кирилла Белоозерского оказались довольно большими, то память и житие Аттика были опущены⁶⁰.

Укажем еще на дополнения, сделанные в те дни, о которых Святитель лишь делал отметку, что их «треба дополнить», но не определял — чем. Такие отметки, кроме указанных выше, встречаются июля 30, августа 17, 22, 24, 25 и 31-го. В Четьих-Минеях 13 июля внесена память и житие Святителя Иулиана, епископа Кеноманийского, 28-го память и житие святого мученика Иулиана, 30-го — священномученика Уалентина епископа и мученика Полихрония; августа 17-го — святого мученика Патрокла, 22-го — святой мученицы Евлалии девы, 24-го — святой мученицы Спры, 25-го — святых мучеников в Едессе пострадавших и 31-го — Святителя Геннадия, патриарха Цареградского, и Святителя Киприана, епископа Карфагенского. Все эти дополнения вызывались, по словам Святителя Димитрия, «скудостью житий восточных святых отец»⁶¹.

Вынужденный делать подобные дополнения, Святитель, конечно, мог воспользоваться и теми месяцесловами, которые были полнее Пролога памятьми святых. Но, давая новые памяти, они не давали житий, и, таким образом, пользуясь ими, нельзя было восполнить недостаток дневного чтения. Святитель должен был искать других пособий. Макарьевские Великие Четьи-Минеи давали в этом отношении богатейший и вполне надежный материал. Однако Святитель Димитрий обратился не к ним, а к изданию Болландистов — *Acta Sanctorum* и оттуда, главным образом, дополнил свои Четьи-Минеи новыми житиями и памятьми. Это издание, после первого же знакомства, произвело сильное впечатление на Святителя Димитрия; он внимательно читал и изучал его и, найдя здесь много житий таких святых, которые в старину почитались и прославлялись, а потом были забыты и исключены из календарей, решил воспользоваться ими для пополнения своих Четьих-Миней. Для этого он составил по Актам особый список таких житий, находящийся в той же (№ 420) рукописи Московской Типографской библиотеки. Список имеет такое заглавие: «*Ex Sanctorum actis. Собрание неких святых древних, невоспомянованных в месяцесловии словенском, ихже житиями возможно будет наполнити дни оскуденнии от жития настоящих святых людей*». Сам по себе этот список представляет разграфленную таблицу, где, после указания месяца и тома издания Болландистов, в первой графе отмечены дни месяца, под которыми следует искать нужные жития святых, во второй — страницы книг, в третьей — имена святых и в четвертой — время их жизни. Например, вот

несколько заметок из второго январского тома Актов: «die 27, folio 761, св. Иулиан, епископ Кеноманийский, во времена апостольская поживый; 31, f. 1125, святой Афанасий, епископ Пелопонийский»...

Таким образом в списке процитированы почти все бывшие у Святителя тома *Acta Sanctorum*, причем во многих местах сделаны отметки о помещениях памяти и жития в Четних-Минеях. Например, к имени Иулиана Кеноманийского — «положимом июля 13-го», к имени святого мученика Патрокла (*ASS*, янв. II, d. 21, f. 342) — «написахом 17-го августа» и т. д. Иногда встречаются здесь отметки и о достоинстве житий. Так, отмечая из второго январского тома житие Афанасия Пелопонийского, Святитель снизу приписывает: «много слов, дела мало», или, из третьего февральского тома выписав целый ряд имен, Святитель против каждого имени замечает: «нечого писать»...⁶²

Внося новые памяти и жития, Святитель только в редких случаях указывал те основания, по которым делал это. Содержание жития, передающее историю жизни и славных подвигов святого, служило достаточным поводом для такого внесения. Что же касается тех мотивов, которые приводятся иногда в Четних-Минеях, то они имеют косвенный и чисто случайный характер. Святитель, например, сообщает, что житие и память нового святого вносятся для того, чтобы лучше различить двух одноименных святых. «Вестно буди, — читаем мы 9 июля, после жития преподобных Патермуфия и Коприя, — яко во отечниках и иные суть теми именами нарицающисия отцы преподобнии Патермуфийи Коприй, в тех же Египетских пустынях жителествовавшии, о их же разнствия да всякому яве будет, судихом и тех жития zde же воспомянути»⁶³. В других случаях Святитель объясняет внесение жития и памяти тем, что имя нового святого упоминается в житии предыдущем. Например, 7 июня имеется такая заметка: «понеже в начале сея о св. Маркелле истории воспомянуся пред ним бывый св. Маркеллин папа, не безместно убо есть о том zde же нечто положить, ово пользы ради, ово же ведення ради разнствия между Маркеллом и Маркеллином»⁶⁴.

Однако такие объяснения, и то далеко не всегда, встречаются лишь там, где вносятся в Четии-Минеи жития новых святых. В тех же случаях, когда прибавляется одна память, без жития, Святитель не дает обыкновенно никаких объяснений, и мы только из его заметок в рукописях и Прологе можем узнать те мотивы, которые побуждали Святителя к этим добавлениям. Собранные нами данные свидетельствуют, что, кроме *Acta Sanctorum*, источниками для пополнения месяцеслова Пролога служили: Макарьевские Великие Четии-Минеи, Минеи служебные, Печерский Патерик и различные святы и месяцесловы, как славянские, так и западные. Преосвященный Сергей в своем труде о месяцеслове святых, говоря о тех заимствованиях, которые внес Святитель Димитрий в свой месяцеслов из латинских источников, добавляет, что этим он как бы заплатил дань кардиналу Баронию, внесшему в Римский мартиролог целые сотни памятней святых из месяцесловов греческих. Нам в этом поступке Святителя Димитрия хотелось бы видеть более глубокую цель и значение. Заимствуя памяти святых из западных источников и пополняя ими православный месяцеслов, Святитель прежде всего показал, как далек он был от тех узких, враждебных к римско-католической Церкви взглядов, которые господствовали в то время в Московской Руси. Сам будучи одним из лучших борцов за Православие в юго-западном крае, Святитель, как видно из его трудов над месяцесловом Четних-Миней, умел отделить ложь Римской Церкви от сохраняемой ею истины. Твердо помня, что обе эти Церкви — Православная и Католическая — составляли в глубокой древности единую нераздельную Церковь, он учил русских православных людей не всё в латинстве считать ересью и заблуждением и при-

зывал их к знакомству и изучению западной науки. Такой взгляд свидетельствует о широком умственном кругозоре смиренного «списателя житий святых» и ставит его в ряды лучших, просвещеннейших людей своего времени.

Та же работа над месяцесловом показывает, что Святитель Димитрий был и патриотом, глубоко чувствующим родство и единство разных русских народностей. Как мы видели, он соединил в своем месяцеслове всех русских святых — и южных и северных. До него в Москве не знали и не почитали почти всех чудотворцев печерских, а на Украине мало известны были святые великороссийские. Во время Святителя Димитрия произошло, как мы знаем, административное и церковное объединение этих доселе разделенных и обособленных областей Русского государства. Но на первых порах объединение носило чисто внешний характер и совершалось не без недоверия с обеих сторон. Чтобы уничтожить это недоверие, нужно было слить обе разрозненные области в духовно; нужно было и украинцам и великороссам показать, что они — родные братья, члены одного, в древности неделимого русского племени. Это, нам думается, и было отчасти сделано Святителем Димитрием. Соединяя в своем великом труде святых великороссийских и южнорусских и, особенно в последнее время, с одинаковой ревностью собирая их жизнеописания, он как бы сливал небесных покровителей Московского и Киевского краев в единое духовное небо, в одну святую семью, — и тем учил великороссов и украинцев чуждаться разделения и смотреть друг на друга, как на братьев, как на людей, имеющих одних и тех же небесных покровителей. Такая работа имела громадное значение для своего времени, и тот, кому дорого единство Православной Церкви и русского народа, не может не благодарить перед священной памятью великого Ростовского Святителя.

Какое же мнение должны мы в заключение высказать о всей работе Святителя Димитрия над месяцесловом, — была ли она шагом вперед, или составленный им месяцеслов являлся только новым видоизменением тех святцев и месяцесловов, которых немало существовало в то время? Раньше мы говорили, что у Святителя было, по-видимому, намерение составить полный, строго проверенный месяцеслов. Он собрал для этого многочисленные источники и старательно изучал их. Но, с одной стороны, противоречия между источниками, а с другой — трудность проверить их, не дали Святителю возможности осуществить свое намерение, и он ограничился только проверкой месяцеслова Пролога, положив его в основание своей работы. В этот месяцеслов он внес много ценных исправлений, которыми воспользовались последующие составители месяцесловов, и дополнил его многими новыми памятниками, хотя эти дополнения вызваны были в большинстве случаев сторонними причинами, а не желанием дать полный месяцеслов святых. Насколько высоко ценилась эта работа Святителя Димитрия, видно из того, что в последующее время все составители месяцесловов, по словам архиепископа Сергия⁶⁵, «следовали уже всегда его Минеем». Нельзя сказать, чтобы эта проверка Пролога всегда была бесполезна. В своем исследовании мы старались указать, по возможности, все ошибки, которые допустил Святитель Димитрий. Но, несмотря на эти ошибки, в этой-то проверке Пролога мы и видим главную заслугу Святителя.

Прежде всего, важно весьма уже и то, как Святитель поставил эту проверку. Мы говорили, что он не ограничился здесь одними славянскими источниками, а привлек и издания западные, латинские. Это был новый и весьма важный прием работы для того времени. Далее, мы указывали, что Святитель проверил по иностранным источникам почти все памяти святых в Прологе и поставил соответствующие заметки в своем экземпляре этой книги и в рукописях. Это была кропот-

двая и труднейшая работа, имеющая громадную научную ценность, но, к сожалению, она до последнего времени оставалась неизвестною. Святитель Димитрий в своих Четиих-Минеях ее не привел, да и не мог привести, — московские охранители Православия тогда окончательно обвинили бы его в латинстве, — и все эти заметки остались в черновых рукописях да на листах Пролога, как ненужные ни для кого, кроме самого писателя житий. Между тем, если бы составленный Святителем месяцеслов был издан со всеми ссылками на иностранные источники, русская агиография уже в XVII в. имела бы такую работу, которая появилась только в 1858 г., в труде протоиерея Д. Вершинского «Месяцеслов католической восточной Церкви». Архиепископ Сергей называет этот труд «достойным уважения» и говорит⁶⁶, что в основание его положены *Acta Sanctorum*.

Насколько же большего уважения и преклонения заслуживает труд великого труженика Святителя Димитрия, который в то время, когда научная разработка агиографического материала еще и не начиналась в России, в тиши своей рабочей кельи исполнил то же самое, и не только по деяниям святых, но и по другим латинским изданиям проверил весь славянский месяцеслов. И не его вина, что этот труд остался никому не известным и поэтому безрезультатным. Это вина наша, которые так мало ценим рукописи, оставшиеся после наших трудолюбивых предков, и неохотно беремся за изучение их.

Глава вторая

Литература в пределах юго-западной России в XVI и XVII вв. жила и развивалась под воздействием трех влияний. Наиболее сильным и преобладающим из них было влияние западное — латинское и польское. Объяснялось это тем, что русские области на Юго-Западе находились под властью Польши и последняя стремилась их ассимилировать, т. е. слить с собой в отношении культуры, религии и языка. Чтобы отстоять свою национальную независимость, русским деятелям той эпохи приходилось применять в борьбе с поляками те же приемы и средства, какие употребляли и они. А поляки в то время уже хорошо усвоили западную латинскую литературу и широко пользовались ею при борьбе с православными. Не удивительно поэтому, что и русские люди стали обращаться к этой же литературе и старались наносить удары своим врагам их же оружием.

Мы говорили, как братства отправляли тогда на Запад способных молодых людей для получения там образования и как митрополит Петр Могила преобразовал Киевскую братскую школу в коллегию по типу иезуитских высших школ, сделав главным предметом в ней язык латинский. Всё это лишь способствовало западному влиянию, и не удивительно поэтому, что по силе и значению оно было первым и наиболее глубоким.

Кроме западного, юго-западная литература знала еще влияния — южное, византийское и славянское, и северо-восточное, или московское. Отстаивая от поляков свою веру и народность, Юго-Западная Русь не могла обойтись одними собственными средствами. Враг был силен и хорошо подготовлен, поэтому русские деятели юго-западного края искали себе поддержки и обращались за помощью туда, где надеялись найти ее. Такими местами были Византия и Москва. От первой Украина зависела в церковном отношении, потому что после разделения русской митрополии на две — Московскую и Киевскую — последняя встала в непосредственную зависимость от константинопольского патриарха и у него, не подчиненного Польше, искала себе опоры и поддержки в борьбе с католичеством. С другой стороны, и византийские патриархи не оставались глухи к этому призыву едино-

верной с ними народности и принимали живое участие в ее судьбе. На этой почве между Юго-Западной Россией и Константинополем возникли и велись самые живые сношения, обуславливавшие греческое и юго-славянское влияния на юго-западную литературу.

Самым слабым было влияние московское. Это объяснялось, с одной стороны, тем, что до XVII в. Московская Русь не обладала самостоятельными источниками просвещения, с другой — и сношения с Москвой в XV и XVI вв. у Юго-Западной России были не такими живыми, как с Западом и Византией. Москва для Юго-Запада имела тогда значение, главным образом, как защитница Православия, как хранительница тех книжных сокровищ, которые передала ей седая старина и которых так мало осталось на Юго-Западе после пережитых им превратностей исторической судьбы. Такие выходцы из Москвы, как князь А. М. Курбский и старец Артемий, могли только поддерживать на Юго-Западе этот взгляд на Москву, и поэтому юго-западная литература не пренебрегала, а с интересом следила и пользовалась всем, что могла дать и давала ей московская печать и письменность.

Исходя из этих общих положений, мы уже заранее, до разбора того или иного произведения юго-западной литературы XVI и XVII вв., можем сказать, что на нем должны отразиться, если не все, то непременно которое-нибудь из трех указанных нами влияний. В первой главе нашего исследования мы говорили⁶⁷, что западное — латинско-польское влияние всего раньше и сильнее сказалось на литературе полемической. В изданиях же и сочинениях основоположительного характера дольше держалось и никогда не теряло значения влияние греческое. Мы уже знаем, что, например, знаменитая Острожская Библия была проверена и отчасти переведена с источников греческих, что «фундатор» ее князь К. К. Острожский «посланными и писанными своими, много стран далеких вселенные проходя, якоже римские пределы, тако и Кандийские острова, паче же много монастырей грецких, сербских и болгарских, даже и до самого апостола наместника и всея Церкви восточные строению чиноначальника, пречестного Иереи архиепископа Константина града, нового Рима... доидох, требуя со тщанием и молением прилежным тако людей, наказанных в писаниях святых, еллинских и словенских, якоже и зводов добре исправленных и порока всякого кроме свидетельствованных»⁶⁸. Примеру князя Острожского следовали и другие издатели книг основоположительного характера, поэтому, выпуская их в свет, старались сравнить и исправить их по греческим оригиналам. Особенно это надо сказать о книгах Богослужбных. Издатели их в «предмовах» и послесловиях почти всегда указывают, что прежде печатания они проверили книгу по греческим текстам⁶⁹. «Аще бо не от того диалекту... исправляти будем», пишут, например, издатели Киевского служебника 1629 г., «то не вемы откуду»... И затем добавляют: «но аще, якоже глаголют, еллинские книги, изряднее же церковнии, и в Венетии изобразуются, ничтоже се по них есть, коеяждо бо книги готовы и исправленны от патриарх святейших зводы тамо даются, и пакы приемлются; а еже верх, митрополит тамо православный жительствует, нареченный Филладельфийский, иже типографию тую в одержании имать»...

Отсюда мы видим, что греческими оригиналами для южнорусских издателей и ученых служили книги, напечатанные в Венеции. Необходимо, впрочем, добавить, что, как ни старались юго-западные защитники Православия, при издании книг основоположительного характера, избегать источников латинских и польских, достигнуть этого вполне они не могли, и западное влияние сначала в незначительном количестве, а потом всё сильнее и сильнее стало сказываться и на этих книгах. Уже в Острожской Библии, в тех чисто научных приемах, какие применял издатель при ее составлении, сказывается влияние За-

пада; несвободны от него совсем и некоторые Богослужебные книги. Научный анализ их показывает, что издатели кое-что вносили в них и из латинских источников, причем это латинское влияние особенно сильно стало сказываться со времени митрополита Петра Могилы.

Четии-Минеи Святителя Димитрия принадлежат к разряду книг основоположного характера. Из печати они вышли в после-Могилянскую эпоху, — и поэтому с полной уверенностью можно предполагать, что на них отразятся все указанные нами влияния — латинское, греческое и московское. При этом последнее должно было получить в Четиих-Минеях большую, сравнительно с ранее вышедшими изданиями, силу, так как Святитель составлял свои книги в то время, когда Украина была присоединена к России и между нею и Москвой завязались самые живые и постоянные сношения.

Приступая в настоящей главе к рассмотрению вопроса об источниках Четиих-Миней Святителя Димитрия, мы уже сейчас, на основании только что сказанного, можем утверждать, что эти источники Святитель должен был получать из Греции, с Запада и из Москвы.

Но прежде чем проверить это утверждение, необходимо разрешить один весьма важный для нас вопрос: да нужна ли такая работа, нужно ли специальное исследование об источниках житий святых в Четиих-Минеях? Составитель их, Святитель Димитрий, не скрыл своих источников, а по примеру других юго-западных писателей подробно и тщательно отметил их в своем великом труде. Он, во-первых, в начале первой и второй тримесячных книг Четиих-Миней поместил обширные списки «учителей, писателей, историков и повествователей, от них же книги эти составлены»; во-вторых, в начале и тексте большинства житий сделал указания, у какого агнографа и из каких книг заимствовано то или другое житие или отдельный эпизод его. Эти цитаты и указания нередко отличаются большою точностью в выражении. Святитель, например, пишет: «отсюду начинается списание от Метафраста»⁷⁰ или: «до зде Метафраст», «до зде Кедрин»⁷¹; или: «сие вне писання Метафрастова»⁷² и т. п. Казалось бы, при такой постановке дела у самого Святителя нет необходимости в особом исследовании и изыскании источников Четиих-Миней. На бесплодность такой работы, по-видимому, намекает и известный биограф Святителя Димитрия профессор И. А. Шляпкин. «Сличение русских житий нами оставлено в стороне, — говорит он в своем исследовании, — да и вряд ли оно даст какие-либо важные результаты, так как источники, какими пользовался Святитель, нам вполне известны из описи его библиотек»⁷³. Такое замечание нам кажется, однако, слишком поспешным и не вполне справедливым, и вот по каким основаниям.

Во-первых, хотя Святитель и указывает источники составленных им житий святых, но делает это не для всех житий и не всегда определенно. В четырех тримесячных книгах Четиих-Миней можно указать несколько сотен таких житий, при которых нет никаких указаний на источники. Наша задача здесь будет состоять в том, чтобы дополнить опущенное Святителем Димитрием — найти источники этих житий. В некоторых и также довольно многочисленных случаях Святитель, указывая источники, выражается так: «от греческих рукописцев»⁷⁴, «от различных писателей»⁷⁵, «от древних мариологов»⁷⁶, «от иных историков достоверных»⁷⁷, «от Четиих-Миней»⁷⁸... Все эти указания в высшей степени неопределенные, и в таких случаях нам придется выяснить эту неопределенность и дать точные сведения о том, что разумел Святитель Димитрий под «греческими рукописцами», какими пользовался он «древними мариологами», каких церковных писателей и агнографов обозначил под именем «прочих различных, иных и достоверных». При некоторых житиях Святителем указано несколько источников, и детального распределения приведенного материала между

ними нет. Здесь необходимо решить, по всем ли указанным агиографам составлены данные жития, или же Святитель воспользовался которым-либо одним из них, а остальных привел только как свидетелей, как лиц, подтверждающих сообщаемые в житии сведения? Но даже и там, где ссылки Святителя вполне ясны и определены и где нет обилия источников, работа по изучению их не кажется нам ненужной и бесплодной. Святитель, например, указывает, что взял житие «от Метафраста»... Интересно определить, в подлиннике или в переводе пользовался он жизнеописаниями святых этого знаменитого греческого агиографа? Мы знаем, что во время Святителя Димитрия многие жития Симеона Метафраста были переведены на славянский язык. Оказали ли эти переводы какое-либо влияние на труд Святителя, или он совершенно не пользовался ими? Всё это вопросы, по нашему мнению, неспростные и для истории литературы небезыңтересные. А без детального разбора житий и рассмотрения их источников на такие вопросы ответа дать нельзя.

Во-вторых, та опись оставшихся после Святителя Димитрия книг, на которую указывает И. А. Шляпкин и которая, по его мнению, разрешает вопрос об источниках Четиих-Миней, на первый взгляд только запутывает дело. Если взять эту опись и сравнить с теми ссылками, которые приводит Святитель в Четиих-Миней, то результат получится далеко не утешительный. В Четиих-Миней мы найдем очень мало книг, которые значатся в описи, и наоборот. Ввиду этого, если взять за руководство опись, придется подвергнуть сомнению показания Святителя Димитрия и в каждом отдельном случае решать, действительно ли он пользовался теми агиографическими сочинениями, которые указал в своих книгах, и если не ими, то какими же, и что побудило его скрыть настоящие источники и показать вместо них другие?

Всё только что сказанное убеждает нас в необходимости предпринятой нами работы. Вернемся поэтому к высказанному нами предположению и постараемся подробно рассмотреть вопрос об источниках Четиих-Миней.

Мы сказали, что эти источники Святитель должен был получать из Греции, с Запада и из Москвы. Посмотрим прежде всего, что говорит нам об этом сам Святитель Димитрий. В двух списках «учителей, писателей, историков и повествователей», находящихся при сентябрьской и декабрьской книгах Четиих-Миней, а также в тех ссылках, какие находятся в начале каждого жития, на полях и в тексте, он указывает множество агиографов и их сочинений, которых можно разбить также на три группы — греческую, латинскую и славянскую. Самая обширная из них — греческая. Святитель называет более 60 представителей греческой богословской литературы, в разное время трудившихся на поприще агиографии. Между ними мы встречаем и таких знаменитых агиографов, как Кирилл Скифопольский, Симеон Метафраст, и других — менее известных и даровитых. Кроме агиографов, в тех же ссылках указываются почти все, в разное время появившиеся греческие патрики и неоднократно упоминаются византийские церковные историки, начиная с Евсевия Кесарийского и кончая Никифором Каллистом. Как же должны мы отнестись к этим сообщаемым в Четиих-Миней сведениям? Следует ли думать, что греческая агиографическая литература в подлиннике была использована Святителем Димитрием или, может быть, он брал ее в переводах, и тогда — в каких: латинских или славянских?

Чтобы ответить на этот вопрос, возьмем одного из указываемых Святителем греческих писателей, именно Симеона Метафраста, и разрешим поставленные вопросы сначала в отношении к нему. Симеона Метафраста мы выбираем потому, что на его труды чаще всего ссыла-

ется Святитель Димитрий и о нем мы располагаем большими по количеству сведениями. Итак, в подлиннике или в переводе пользовался Святитель агиографическими трудами знаменитого Симеона Логофета?

История появления Четних-Миней на Юго-Западе и сами они, в предваряющих жития святых статьях и обращениях к читателю, дают на это ясный и определенный ответ. Из истории возникновения Четних-Миней мы знаем, что еще митрополит Петр Могила «испросил» у Святой Горы Афонской «рукописные греческим диалектом» книги Симеона Метафраста и «усердствовал» перевести и издать их. Правда, мы сделали предположение об утрате ко времени Святителя Димитрия полученных Петром Могилой греческих рукописей, — но Варлаам Ясинский в «предисловии к читателю благочестивому», напечатанном при первой четверти Четних-Миней, упомянув о том же факте получения Петром Могилой греческих рукописей, — далее замечает, что составитель житий святых почерпнул сообщаемые в них сведения «от самих источников», между которыми «первейший и в неложной истории изобильнейший» был Симеон Метафраст. Этим он как бы утверждает факт пользования Святителем Димитрием греческими рукописями с творениями Симеона Метафраста. Ссылки на источники житий, находящиеся в Четних-Миней, дают на интересующий нас вопрос определенный ответ. С одной стороны, они как будто подтверждают сообщение Варлаама Ясинского, — мы встречаем в них нередко упоминание о «рукописцах» или рукописях «греческих», которые называются часто «древними», а в одном месте и прямо «Метафрастовыми»⁷⁹. С другой стороны, прямые ссылки на Метафраста не благоприятствуют этому: чаще всего Святитель пишет, что он заимствовал житие «от Метафраста», не прибавляя — «из рукописей», а один раз, именно 7 января, источником сказания о крестившей Господа руке святого Иоана Предтечи он называет «книги» Метафраста — «от Метафраста книг изъятые». Остановимся на всех этих показаниях Четних-Миней.

Прежде всего, никак нельзя под «греческими рукописцами» разуметь рукописи с творениями Метафраста. Потому, во-первых, что есть жития, где указаны оба эти источника. Например, 24 января, пред житием преп. Евсевия-Ксении Святитель пишет: «из древних рукописцев греческих и из Метафраста исследованное»⁸⁰. Если бы «рукописцы греческие» означали творения Метафраста, тогда подобная формулировка ссылки была бы невозможна. Во-вторых, большая часть ссылок на «рукописцев греческих» находится при таких житиях, которые никогда и никем не приписывались Симеону Метафрасту. Мы, например, встречаем их: 7 февраля пред житием святого Луки Елладского, 20-го пред житием святого Льва Катанского, 6 марта пред житием святых Кононов отца и сына, 7-го при описании страданий святых мучеников Ефрема, Василия, Евгения и еще с ними и т. д. Особенно много таких ссылок в мае, — здесь они указаны при девяти житиях и притом таких святых, памяти которых, как мы определили в главе о месяцеслове, заимствованы Святителем из западных источников, именно из *Acta Sanctorum*. О Метафрасте известно, что свой минологий он составил, главным образом, на первые месяцы года — сентябрь — февраль, — и никто из собирателей его творений не приписывал ему тех житий святых, которые мы перечисляли и при которых в Четних-Миней стоят ссылки: «от рукописцев греческих». Под этой ссылкой, как увидим впоследствии, Святитель скрыл знаменитое издание Болландистов, обозначив его так потому, что указанные жития действительно были заимствованы Болландистами из разных найденных ими греческих рукописей. Что касается ссылки 5 апреля, пред житием святых мучеников Агафодола диакона и Феофила чтеца, — «от рукописцев... Метафрастовых», то формулировка ее объясняется тем, что в «*Acta Sanctorum*» (ap. t. I, f. 321) помещено житие этих святых в редакции Симеона Метафраста.

Знакомясь с прямыми ссылками на Метафраста, мы убеждаемся, что тот сборник, из которого черпал Святитель Димитрий жития этого греческого агиографа, был довольно разнообразен по содержанию. Кроме житий Метафрастовых, в нем были жития, составленные и другими агиографами, а также слова и поучения на разные праздники. Это видно из следующих ссылок: 7 февраля житие святого Парфения Лампсакийского, «списанное Криспином, учеником его, и у Метафраста положенное»; 17 февраля — житие великомученика Феодора Тирона, «писание от очевидного писателя, смотревшего на страдание святого, у Метафраста обретается»; 25 февраля — житие Святителя Тарасия, патриарха Цариградского, «списанное учеником его Игнатием, епископом Никейским, и у Метафраста обретающееся»; 25 марта — слово на праздник Благовещения Божией Матери Святителя Иоанна Златоуста, «обретается у Метафраста»; 21 ноября — слово на праздник Введения во храм Божией Матери Георгия, епископа Никомидийского, «обретается у Метафраста»⁸¹ и т. д.

Собственно. Метафрастовых житий в сборнике было более 150, Святитель Димитрий делает ссылки на них в своих Четвицх-Минеях 163 раза. Отсюда мы видим, что сборник этот был очень значителен по размерам: Симеону Метафрасту в нем приписывалось гораздо большее число житий, чем, например, в Патрологии Миня. Что же это был за сборник?

На этот вопрос помогают нам ответить рукописи Святителя Димитрия. Мы уже говорили, что в Типографском сборнике (№ 420) есть два месяцеслова, — один на весь год, другой — на три летние месяца — июнь, июль и август, с отметками источников, из которых Святитель намерен был заимствовать материал для житий святых. При решении вопроса о Метафрасте особенно важен первый месяцеслов. Он написан на шести листах (18—23) и содержит на каждый месяц — числа дней, памяти святых и ссылки на томы и листы в источниках, нередко с указанием количества заключающегося там материала.

Подобным образом процитированы и все следующие месяцы. Характер ссылок дает основание предполагать, что все они сделаны по какому-то одному агиологическому сборнику, состоявшему из семи томов. А так как в самом начале месяцеслова стоит крупными буквами сделанная надпись «SURIUS», то можно с полной уверенностью утверждать, что все эти отметки сделаны по сочинению латинского аббата Лаврентия Сурия: «*Vitae Sanctorum orientis et occidentis*», вышедшему в первый раз в 1569—75 годах и имевшему несколько изданий. Святитель, как видно по бывшему у него в руках экземпляру Сурия и сохранившемуся в Московской Типографской библиотеке (№ 3261), пользовался вторым изданием этого сборника, напечатанным в 1573—86 гг.⁸² Судя по имеющимся на корешках томов надписям, книги сначала находились в Виленском Свято-Духовском монастыре, затем чрез Кирилла Филимоновича переданы были в монастырь Печерский и отсюда поступили к Святителю Димитрию. Седьмой том имеет надпись: «*ex libris Варлаама Ясинского*» и, по-видимому, принадлежал знаменитому Киевскому митрополиту.

Аббат Лаврентий Сурий составил свой сборник из разных источников. Главным из них были *Vitae Sanctorum* Монсея Липомана, содержащие переведенные на латинский язык жития святых в редакции Симеона Метафраста. Святитель Димитрий придал этому обстоятельству особое значение: в том экземпляре Сурия, который был у него в руках, слова Сурия — «*totum fere Metaphrastem in meos tomos transtuli*» он подчеркнул красными чернилами⁸³. Знакомясь с книгами Сурия, мы, действительно, находим в них очень много Метафрастовых житий. К ним-то преимущественно и относятся ссылки Святителя Димитрия в

Типографской рукописи. Теперь, если мы, пользуясь этими ссылками, станем сравнивать книги Сурия с Четими-Минейми, то у нас получится знаменательное совпадение. Мы увидим, что те жития святых, которые отмечаются в Четних-Минейх, как заимствованные «от Метафраста», то же самое указание имеют и в сборнике Сурия. Например, 2 сентября в Четних-Минейх житие святого мученика Маманта — «от Метафраста», у Сурия (т. IV, с. 754) «*martyrium* того же святого *auctore S. Metaphraste*»; 6 сентября житие святых мучеников Ромила и Евдоксия — «от Метафраста», у Сурия (т. V, с. 111) — «*martyrium auctore Metaphraste*» и т. д. По руководству рукописи подобную параллель можно провести почти чрез все Четии-Минеи, и уже один этот факт невольно наводит на мысль, да не пользовался ли Святитель Димитрий Метафрастом в латинском переводе Липомана из сборника Сурия?

Продолжая сравнение, мы еще более укрепляемся в этой мысли. Книги Сурия не только подтверждают все ясные и определенные ссылки на Метафраста, но и объясняют невольно вызываемые некоторыми из них недоумения. Например, о слове Святителя Иоанна Златоуста на Благовещение Святитель говорит, что оно «обретается у Метафраста». У Сурия находится латинский перевод того же слова с заметкой в начале «*est in Metaphraste*»⁸⁴. 25 февраля о житии Святителя Тарасия, патриарха Царегородского, Святитель говорит, что оно списано учеником его Игнатием и обретается у Метафраста. У Сурия о житии Святителя Тарасия также сказано, что оно — труд ученика Святителя Тарасия монаха Игнатия и имеется у Метафраста.

Разрешаются Сурием и другие, более серьезные недоумения, на которые могут навести ссылки Святителя Димитрия в Четних-Минейх. Например, в первом их издании, 4 сентября, о житии священномученика Вавилы, епископа Никомидийского, Святитель пишет, что оно взято «от Метафраста, в житии святого Артемия, 20-го октября»⁸⁵. Почему так выразился Святитель? Агиологи, занимавшиеся вопросом о творениях Симеона Метафраста, свидетельствуют, что им составлено было особое, самостоятельное житие священномученика Вавилы⁸⁶, но, очевидно, в том сборнике, каким пользовался Святитель Димитрий, его не было. Обращаясь к Сурию, мы действительно не находим у него особого, составленного Метафрастом жития священномученика Вавилы, здесь находится только похвальное ему слово, а Артемиево житие в Метафрастовой редакции у Сурия есть и в нем имеются довольно полные сведения о святом Вавиле⁸⁷.

Знакомая с житием святой первомученицы Феклы (24 сентября), мы убеждаемся, что в основании его лежит Метафрастова редакция жития этой святой, но Святитель почему-то не сделал ссылки на Метафраста и указал другие источники, которыми находящийся в житии материал не исчерпывается. Откуда же взял Святитель Метафрастово житие святой Феклы? Очевидно, не из того сборника, который давал ему Метафрастовы жития святых и где были определенные указания на этого автора. Действительно, Святитель воспользовался житием святой первомученицы из Великих Четних-Миней митрополита Макария, где оно не имеет имени автора, а у Сурия нет полного жития святой Феклы, а приведено только краткое сказание о ней из мартиролога Адона да отрывок из книги о девстве Святителя Амвросия Медиоланского⁸⁸. 11 апреля, помещая в Четних-Минейх житие священномученика Антипы, Святитель пишет, что заимствует его «от Метафраста, греческих рукописцев и Великия Четии-Миней». Под «греческими рукописцами», как мы говорили, надо разуметь изданные Болландистами *Acta Sanctorum*, — здесь помещены акты святого Антипы, написанные, как видно из шестого параграфа их, кем-то из пергамских христиан, очевидцев мучений и смерти святого священномученика. Болландисты поэтому автора актов не указывают, а Святитель Димитрий, который

пользовался теми же актами, но из сборника Сурия, приписывает их Метафрасту, потому что и Сурий усваивает их этому автору⁸⁹. Подобное повторяется и 28 апреля, с житием святых мучеников Максима, Дады и Квинтилиана. Болландисты об их актах прямо говорят, что они не Метафрастовы и что Липоман и Сурий ошибочно приписали их этому автору. Святитель Димитрий, пользовавшийся теми же актами, называет своим источником Метафраста и, следовательно, повторяет ошибку Липомана и Сурия. Почему? Потому, конечно, что он заимствовал акты у Сурия, где они усваиваются Метафрасту⁹⁰. Вообще, если мы признаем издание Сурия тем сборником, из которого Святитель Димитрий брал Метафрастовы жития святых, тогда для нас разрешатся многие недоумения, на которые наводят ссылки в наших Четных-Минеях, и вопрос о том, почему то или иное житие отмечается заимствованным из Метафраста, — получит удовлетворительное разрешение.

Впрочем, необходимо заметить, что между показаниями рукописи, Сурием и Четными-Минеями не всегда наблюдается полное и безусловное тождество. Сурий в своих ссылках на Метафраста допускает неодинаковые выражения: об одних житиях он пишет, что они принадлежат Метафрасту, как автору; о других, что они взяты из Метафраста (*ex Metaphraste*); о третьих, что они имеются у Метафраста (*habetur in Metaphraste*). Так как два последние вида ссылок обычно находятся у житий, которые Метафрасту не принадлежат, то можно думать, что такое видоизменение имело у Сурия смысл, и если ссылки первого рода говорили о Метафрасте, как составителе жития, то вторые и третьи только указывали на присутствие отмеченных ими житий в Минологии Метафраста. Святитель Димитрий дал особую фразировку только ссылкам третьего рода: слова и жития не Метафраста, а других указанных у Сурия авторов он также отмечал как «обретающиеся у Метафраста»; о большинстве же других подобного рода житий он просто писал, что они взяты «от Метафраста». Кроме того, в иных случаях Святитель и совсем опускал в Четных-Минеях имя Метафраста, хотя у Сурия оно и было. Правда, в большинстве случаев Святитель поступал так потому, что, составляя житие, пользовался не Сурием, а другими источниками, но в Четных-Минеях встречаются и такие жития, сравнительный анализ которых устанавливает несомненное заимствование их у Сурия, между тем, в то время как последний усваивает их Метафрасту, Святитель Димитрий такого указания в своих Четных-Минеях не делает. Полагаем, однако, что факты подобного рода не колеблют высказанного нами предположения о том, что источником Метафрастовых житий был для Святителя сборник Сурия. Они указывают только на то, что Святитель Димитрий не всегда буквально повторял Сурия и, вообще, не имел в своей цитации какого-либо одного, раз принятого порядка.

В большее затруднение ставят нас следующие четыре случая: 1 сентября Святитель, указывая источники для жития преподобного Симеона Столпника, упоминает и Симеона Метафраста, между тем у Сурия жития этого святого в редакции Метафраста нет. То же самое приходится сказать и о житиях святых апостолов Евода и Онисифора — 7 сентября, Ксенофонта и Марии — 26 января и святого мученика Харалампия — 10 февраля. Если Святитель брал Метафрастовы жития у Сурия, то как объяснить его ссылки на Метафраста при этих житиях, у Сурия подобных ссылок не имеющих?

Относительно жития святых Ксенофонта и Марии мы можем с определенностью сказать, что в этом случае Святитель указал Метафраста не по Сурию, а по *Acta Sanctorum*, — там находится житие этих святых в редакции Метафраста⁹¹, которое и послужило источником для Святителя. О житиях преподобного Симеона Столпника и апостолов Евода и Онисифора надо заметить, что ссылки на Метафраста при них указаны только во втором издании Четных-Миней и анализ первого жития

показывает, что, при составлении его, Метафрастовой редакции у Святителя не было: те события, которые подробно передаются Метафрастом, на полях означаются заимствованными из других источников, а тех новых фактов, которые сообщает Метафраст, в житии Святителя совсем нет⁹². Мы поэтому полагаем, что Метафраст указан здесь только как свидетель, а не как источник; о том, что и он описал жизнь Симеона Столпника, Святитель мог узнать или из истории Никифора Каллиста⁹³, или из книги Петра Скарги — *Zywoty Świętych*⁹⁴, где Метафраст упоминается как описатель жизни и подвигов этого святого. Что касается жития святых апостолов Евода и Онисифора, то, по нашему мнению, ссылка на Метафраста здесь — простая ошибка типографии: никто никогда не усвоил Метафрасту жития этих святых, и те сведения, какие сообщает о них Святитель Димитрий, вполне исчерпываются историей Никифора Каллиста и Римским мучениковедом⁹⁵. Нет возможности дать такое же определенное суждение о житии священномученика Харалампия. Как показывает сравнительный анализ, оно заимствовано из *Acta Sanctorum* и представляет весьма близкую, почти буквальную передачу этого источника. Но Болландисты усваивают житие «неизвестному автору»⁹⁶; почему Святитель приписал его Метафрасту, — не можем объяснить; может быть, и здесь типографией допущена ошибка.

Приведенных фактов, полагаем, вполне достаточно для подтверждения высказанного нами ранее предположения, и поэтому теперь мы с уверенностью можем сказать, что творениями святого Метафраста Святитель Димитрий пользовался не в подлиннике, а в латинском переводе из сборника Сурия.

В Четиих-Минеях, как мы сказали, ссылки на Метафраста встречаются 163 раза. Это, однако, не значит, что во всех этих случаях Метафраст был действительным источником житий. У Святителя было обыкновение — пользуясь при составлении жития одним источником, в ссылках, кроме него, указывать и другие сочинения, где находились те же или подобные сведения о святом. Делал так Святитель Димитрий для того, чтобы несколькими авторитетами сильнее подтвердить правдивость своего повествования. Поставив девизом своей работы: «не будет ли еже лгати на святого» — и помня Евангельское изречение, что «при устех двою или трех свидетелей станет всяк глагол» (Мф. 18, 16), Святитель, вообще, не ленился находить и подтверждать свои жизнеописания теми источниками, какие были у него под руками, хотя бы ничего из них и не заимствовал. То же наблюдается и с Метафрастом. Некоторые ссылки указывают на него не как на действительный источник, а как на свидетеля, передающего в своих метафразах те же самые сведения о святом. Вообще, говоря о житиях, составленных Святителем Димитрием по Метафрасту, мы находим необходимым разделить их на три группы. К первой относятся жизнеописания, для которых Метафраст послужил главным, а иногда и единственным источником; ко второй — жития, где Метафраст был только одним из нескольких источников, где он дал только часть материала, и, наконец, к третьей — такие жития, при которых Метафраст указан только как свидетель и где его труд не оказал никакого влияния на работу Святителя Димитрия.

Итак, Святитель Димитрий пользовался Метафрастом не в подлиннике, а в латинском переводе из сборника Сурия. Но если мы доказали это по отношению к Метафрасту, то нельзя ли подобное предполагать и о других, указываемых Святителем греческих агиографах? Не заимствованы ли и они из какого-либо латинского сборника, подобного Сурию, или, может быть, из того же Сурия? Рукописи Святителя дают основание для такого предположения. Просматривая по цитатам в начале книги Сурия, мы видим, что Святитель интересовался и отмечались здесь не только Метафрастовы жития. Например, первая же

ссылка, о Симеоне Столпнике, отмечает находящиеся у Сурия (I, 120) 26-ю главу из книги Боголюбивых Феодорита и 13 и 14 главы из первой книги историка Евагрия; ссылка 5 сентября отмечает жизнь святого пророка Захарии, написанную Епифанием Кипрским (Сурий, т. VII, 224) и так далее. Среди этого нового, выбранного у Сурия материала первую и самую значительную группу составляют жития святых, написанные различными агиографами и помещенные Сурием вместе с Метафрастовыми житиями в свой сборник. Во вторую, также довольно большую группу входят отрывки агиографического характера из сочинений различных греческих церковных писателей и историков. К третьей принадлежат слова святых отцов на великие христианские праздники и дни особенно чтимых святых. Последние две группы мы рассмотрим ниже, когда будем говорить о дидактическом элементе в наших Четних-Минеях и о влиянии на работу Святителя сочинений исторических. Там, в соответствующих местах, мы процитируем и Сурия, который в одних случаях облегчал труд Святителя по приисканию нужного материала в первоисточниках, а в других, может быть, и заменял их. Здесь, в примечании мы даем список только тех житий, которые вместе с Метафрастовыми отмечены были Святителем в книгах Сурия и послужили источником житий в наших Четних-Минеях⁹⁶.

Пользуясь сборником Сурия, Святитель Димитрий делал в своих Четних-Минеях самые разнообразные отметки о заимствованных отсюда житиях. Одни он означал именами их авторов, если они указаны были Сурием, причем агиографов латинских, Православной Церкви неизвестных, Святитель обыкновенно не называл; другие относил к первоисточникам — древним мартирологам и рукописям, а если перевод или близкая редакция жития имелись в Макарьевских Минеях, тогда, как на источник своего труда, ссылается на эти Минеи; о третьих говорил сокровенно, как взятых у «достоверных», у «прочих» писателей, или, наконец, совсем не указывал для жития никаких источников. Жизнеописаний, составленных греческими агиографами, Сурий всё же дал не особенно много, — список последних, приведенный в наших Четних-Минеях, его сборником далеко не исчерпывается, и поэтому вопрос о том, пользовался ли Святитель подлинными греческими источниками, при помощи одного только Сурия разрешить нельзя.

Но, кроме Сурия, у Святителя Димитрия были и другие латинские сборники житий святых. Из истории написания Четних-Миней нам известно, что с весны 1693 г. Святитель получил возможность пользоваться знаменитым изданием Болландистов — *Acta Sanctorum*. Оно выслано было ему из Данцига в количестве 18-ти томов, с января по май включительно. В Четних-Минеях мы напрасно стали бы искать ссылок на это издание; как и другие латинские источники, *Acta Sanctorum* там замолчены или скрыты под другими названиями. Определить, для каких житий в Четних-Минеях издание Болландистов послужило источником, возможно только путем анализа житий и сравнения их с Актами. Громадную помощь при этом оказывают рукописи Святителя и принадлежавший ему Пролог. В последнем ссылки на Акты встречаются чуть не на каждом листе, причем очень многие из них относятся к памятям тех святых, которым в Четних-Минеях посвящены особые жития. Немало ссылок на *Acta Sanctorum* находится и во втором месяцеслове святых, на месяцы июнь, июль и август, находившемся в сборнике Московской Типографской библиотеки.

В Прологе ссылки на *Acta Sanctorum* встречаются уже в первой его части, но это, как мы говорили, работа позднейшая, произведенная Святителем во время приготовления своего труда ко второму изданию. Влияние Актов на первое издание Четних-Миней могло сказаться только со второй их части, с месяцев декабря, января и февраля. В декабре ссылки на Акты встречаем 15-го числа — память святого мученика

Елевферия (апрель, т. II, л. 528) и 21-го — память святой мученицы Иулиании (февраль, т. II, л. 868). Но житие Елевферия написано по Метафрасту и Великим Четним-Минеям, и влияния Актов, где находится иная сравнительно с этими источниками редакция жития, на труде Святителя Димитрия незаметно; в житии святой мученицы Иулиании по Актам назван только отец мученицы — Африкан, имени которого ни у Метафраста, ни в Макарьевских Четних-Минеях нет, в остальном содержании жития всецело исчерпывается Метафрастом, служебной Минеей и Трефологом.

В январе ссылок на *Acta Sanctorum* больше; но особенно много их в марте и апреле, в последнем они встречаются в Прологе почти каждый день. Правда, не все эти ссылки указывают на непременно заимствование житий из Актов, — с другой стороны, нам придется указать немало и таких заимствований, для которых нет соответствующих отметок в Прологе, — но всё же эти отметки значительно облегчают нашу работу. Какие же жития заимствованы Святителем из *Acta Sanctorum* и под какими наименованиями отмечены последние в Четних-Минеях?

Об одном из таких наименований мы уже говорили, — это «от греческих рукописцев». Оно встречается в Четних-Минеях 26 раз, и некоторые из заметок в Прологе и месяцеслове ясно показывают, что под этим названием Святитель действительно разумел издание Болландистов. Например, 31 января, пред житием святых бесребренников Кира и Иоанна — Святитель пишет: «от древних греческих рукописцев», — в Прологе имеется ссылка — «*Acta SS.* январь, т. 2, л. 1084», — и анализ жития подтверждает, что оно заимствовано из этого источника⁹⁷. Подобные же примеры встречаются: 22 марта, жития священномученика Василия, пресвитера Анкирского, — в Четних-Минеях — «от рукописцев греческих сокращенно», в Прологе: «*Acta SS.* март, т. III, л. 378, *fuse et pulchre*; 4 апреля, житие святой мученицы Фервуфы, — «от рукописцев греческих и от великия Минеи-Четьи», — *Acta SS.* апрель, т. III, л. 19, 21», из Макарьевских Миней (апрель, об. 50 л. и д.)⁹⁸ взято начало жития и некоторые подробности, остальное заимствовано из Актов; 7 апреля, житие святой мученицы Каллиопии, — «от греческих рукописцев и от великия Минеи-Четьи», — «*Acta SS.* апрель, т. I, л. 659, Четья, л. 197», — в Макарьевских Минеях (апрель, л. 105) перевод тех же Актов, которые и у Болландистов, Святитель руководствовался латинским текстом, о чем свидетельствуют имена и названия, более правильные у него, нежели в Минеях.

Наконец, мысль о тождестве «рукописцев греческих» с *Acta Sanctorum* подтверждает и сравнительный анализ житий. Все жития, имеющие в Четних-Минеях эту пометку, вполне согласны с соответствующими житиями в *Acta Sanctorum* не только в фактах, но иногда и в изложении. Некоторое сомнение возбуждает только страдание святых семи Херсонских епископов (7 марта), так как составленное Святителем повествование имеет существенные различия с латинским текстом. Во-первых, у Святителя вся история излагается подробнее, нежели в Актах. Во-вторых, в Актах преемники епископа Василия скончались «*sexto die marti*», у Святителя: «в седьмой день»; кончина епископа Еферия в Актах описывается так: «*oppressus ab implis, in qua flumen Danaprin projectus, ita martyrii cursum peregit sexto marti*», у Святителя святой Еферий «впаде в недуг и по случаю в остров Аас приплыв, временному житию своему конец, вечная же жизни прият начало». Напротив, последний из епископов Капитон в Актах «*beate ferminavit vitam 22 decembris*», а у Святителя — «прибывший в устье Днепра, потоплен северными 21 декабря»⁹⁹. Очевидно, здесь на содержание оказал влияние другой источник, не указанный Святителем. Предполагаем, что это Макарьевские Четьи-Минеи, где под 7 марта имеется житие святых епископов-мучеников.

Ссылкою «от греческих рукописцев» отмечается лишь одна, сравнительно небольшая часть житий, заимствованных Святителем Димитрием из *Acta Sanctorum*. Остальные взятые оттуда же жития или имеют ссылки на имена тех греческих агиографов, которыми впервые они были составлены, или не имеют никаких указаний на источники. Определить те и другие помогают нам, с одной стороны, цитаты и ссылки в Прологе и рукописях, с другой — сравнительный анализ житий.

В трех рассмотренных нами группах указаны все жития, для которых главнейшим, а в некоторых случаях и единственным источником были *Acta Sanctorum*. Нельзя, однако, думать, что влияние их на наши Четии-Минеи только этими заимствованиями и ограничивалось. Влияние Актов сказалось в частности, в незначительных прибавлениях или в поправках других источников.

И в книгах Сурия, и в *Acta Sanctorum* нет еще многих указываемых Святителем в Четиих-Минеях агиографов и многих произведений греческой агиографической литературы. Сюда относятся, например, все в разное время появившиеся греческие патерики и почти все их авторы. В своих ссылках при житиях Святитель Димитрий довольно часто упоминает Палладия Еленопольского и его книгу «Лавсаик», Иоанна Мосха и его «Лимонарь, или Луг духовный», «Историю Боголюбивых» блаженного Феодорита, епископа Кирского, Руфина, Иеронима и просто патерики — «Скитский», «Синайский», «Азбучный», или «Алфавитный». Откуда их брал Святитель?

Acta Sanctorum и Surius давали иногда отрывки из этих книг, но отрывки случайные и далеко не исчерпывающие того, что указывает Святитель в Четиих-Минеях.

В первой главе исследования мы говорили, что в 1628 г. в Киеве был издан С. Соболев в славянском переводе «Лимонарь, сиречь Цветник», но изданий других греческих патериков ни в Москве, ни на юго-западе России не было. Макарьевские Четии-Минеи давали полное собрание этих патериков, но они не всегда находились в руках Святителя Димитрия, и пользоваться патериками из этих Миней во всякое время он не мог. Можно далее предположить, что у Святителя были рукописи со славянскими переводами патериков; в описи оставшихся после него книг мы встречаем «Патерик Скитский» и «Патерик Алфавитный»¹⁰⁰, но других, упоминаемых Святителем, патериков там нет, — очевидно, он имел их в каком-то особом издании, которое прямо не называет.

Пролог и рукописи Святителя снова помогают нам определить это издание; в них иногда встречаются ссылки на книгу «*Vitae Sanctorum Patrum*»¹⁰¹; часть этих ссылок мы уже приводили, разбирая месяцеслов Четиих-Миней. Теперь обратим внимание на те из них, которые относятся не к памятям, а к житиям святых. Но прежде всего скажем несколько слов о составе и содержании названной книги. Под именем *Vitae ss. patrum* в библиографии известно собрание сочинений агиографического характера, составленное Гернбером Росвейдом и изданное впервые, как свидетельствует архиепископ Сергей¹⁰², в 1615 г. Сборник Росвейда состоит из 10 книг; в первой, *auctore Jeronimo et aliis variis*, собраны жития: Павла Препростого и Иларiona Великого, написанные блаженным Иеронимом, затем — Фабюлы, Павла, что в Риме, Антония Великого — Афанасиево, Онуфрия Великого — Пафнутиево, Авраамия и Марии — Ефремово, Василия Великого — Амфилохиево, Симеона Столпника — Антониево, Иоанна Милостивого — Леонтиево, Варлаама и Иоасафа — Дамаскиново, святой мученицы Пелагии — Иакова, диакона Ефесского, Марии Египетской — Софрониево и 12 житий, принадлежащих неизвестным авторам¹⁰³. Вторую книгу составляет «жизнь пустынных отцев», или история монахов, приписываемая обыкновенно Руфину Аквилейскому¹⁰⁴. Третья книга, озаглавливаемая «*Verba seniorum*», со-

держит различные отрывочные сведения об отшельниках и приписывается тому же Руфину, но, по словам профессора В. Г. Васильевского¹⁰⁵, ему не принадлежит. Профессор Васильевский полагает, что эта книга есть извлечение из так называемого «Великого Лимонаря», где были собраны различные рассказы о святых отцах, современных Антонию Великому и живших после него¹⁰⁶. В четвертой книге, составленной из сочинений Сульпиция Севера и Иоанна Кассиана, содержатся отрывочные сказания о святых отцах и о монастырских уставах. В книгах 5, 6 и 7-й, имеющих одинаковое заглавие — «*Verba seniorum*» и принадлежащих неизвестному автору-греку, собраны изречения святых отцов, разделенные: на 18 частей — в пятой книге, на 4 — в шестой и на 43 главы — в седьмой. Восьмая книга содержит Лавсанк Палладия Еленопольского, где с буквальной точностью повторены почти все рассказы Руфина¹⁰⁷. В девятой книге приведена «История Боголюбивых», составленная Феодоритом¹⁰⁸, а в десятой — «Лимонарь, или Луг духовный» блаженного Иоанна Мосха¹⁰⁹. Заканчивается сборник особым приложением — appendix, где помещен «*Paradisus Geraclidi*» — Гераклидов Рай, содержащий краткие сказания о святых отцах, и Палладиев Лавсанк в новой редакции¹¹⁰. Все эти сочинения приведены в сборнике Росвейда в латинском переводе. Таким образом, и здесь мы будем иметь дело с латинским источником, который в Четиих-Минеях цитируется не прямо, а по вошедшим в его состав первоисточникам.

Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить хотя бы некоторые из ссылок, находящихся в Четиих-Минеях, с указаниями источников житий в Прологе и во втором месяцеслове Типографской рукописи. Например, 13 января о житии преподобного Иакова Низибийского Святитель в Четиих-Минеях пишет, что оно заимствовано из «Истории Боголюбивых» Феодорита, а в Прологе против памяти этого же святого на поле ссылка: «*in Vitis Sanctorum Patrum vide*»¹¹¹; 26 марта житие преподобного Малха — «из Иеронима сокращенное», а в Прологе — «*hinc integra vita in Vitis ss. pp., л. 93*»¹¹²; 14 июля житие преподобного Еллия монаха, в Четиих-Минеях: «Руфин, гл. XI, Палладий в Лавсанке гл. 59-я», а в месяцеслове: «*de illo vide in Vitis ss. pp. и в житии св. м. Евгении*»¹¹³; 3 августа житие Космы, скопца-отшельника, в Четиих-Минеях: «Лимонарь, гл. 40-я», в месяцеслове: «*Vitae ss. pp., лл. 872 и 843*»¹¹⁴ и т. д. Надо, впрочем, заметить, что ссылка на *Vitae Patrum* в Прологе и рукописях не особенно много, так что подобную приведенной нами параллель можно провести далеко не во всех тех случаях, где Святитель ссылается на Патерики или на их авторов. Но так как каждый из этих авторов, хотя бы один раз, цитируется в Прологе и рукописях по *Vitae Patrum*, то мы решаемся утверждать, что и во всех других случаях, когда Святитель ссылается на составителей Патериков, он пользовался ими из сборника Росвейда¹¹⁵.

В Четиих-Минеях сборник этот отмечается неодинаково. Первые двенадцать житий, составители которых известны, имеют ссылку на первоисточники, то есть на имена трудившихся над ними агнографов.

Из житий, написанных неизвестными авторами, Святитель берет только шесть, причем довольно оригинально цитирует некоторые из них. Именно, жития: преподобной Евфросинии (25 сентября) — «от Иеронима и Метафраста», — ЖССОт, кн. I, с. 363—368; Таисии, бывшей блудницы (8 октября), — «от Иеронима», там же с. 374; преподобномученицы Евгении (24 декабря), — «от Иеронима и Метафраста», с. 340—349 и преподобного Пахомия Великого (15 мая), — «от Метафраста и Иеронима, и Великие Минеи-Четии», там же, с. 112—138, он, как видим, усваивает блаженному Иерониму, хотя в латинском оригинале этому учителю Церкви они не приписываются. Предполагаем, что первые жития этой книги, написанные действительно блаженным Иеронимом, дали повод Святителю распространить авторство его и на все вышеука-

занные жития. Житие преподобного Ефрема Сирина, взятое из ЖССОт, кн. I, с. 167—169, Святитель отмечает, как заимствованное «от различных писателей» (28 января), а для жития преподобномученика Епикте-та пресвитера и Астипона монаха (7 июля) — ЖССОт, кн. I, с. 211 — не указывает в Четних-Минеех никаких источников.

Остальной агиографический материал, заимствованный Святителем из того же сборника *Vitae ss. pp.*, в Четних-Минеех отмечается или по тем патерикам, которые собраны у Росвейда, или по их авторам. В тех случаях, когда в различных патериках сообщаются одни и те же сведения о святых, Святитель почти всегда указывает оба такие источника. Так, с Руфином, автором «Жизни пустынных отцов», у него цитируется и Лавсанк Палладия Еленопольского. Книгу Руфина Святитель иногда называет «Египетским патерником». Например, 5 июня, пред житием святого Анувия исповедника, он говорит, что об этом святом пишет «Руфин в патерику Египетском». Но в других случаях, упоминая о том же Египетском патернике, Святитель имя Руфина к нему не присоединяет, и в «Жизни пустынных отцов» таких житий мы большую часть не находим¹¹⁶. Очевидно, под «Египетским патерником» Святитель разумел нечто большее, чем «Жизнь пустынных отцов». А так как с именем Руфина у Святителя (18 июля, жизнь преподобного Памвы) связываются «провещения отеческие», взятые из третьей книги Росвейда, то, следовательно, и эту книгу Святитель усваивает тому же Руфину. Автор «Луга духовного» Иоанн Мосх только раз упоминается в ссылках Четних-Миней — 6 сентября, пред житием святого Давида, «ниже прежде бе разбойник»; в остальных случаях цитируется одно его сочинение, без имени автора¹¹⁷.

Количество житий, составленных Святителем по патерикам, довольно значительно.

Из остальных книг *Vitae Patrum*, где находились разрозненные, отрывочные сведения о святых, Святитель взял немного. Он дополнил отсюда жития святых, написанные по другим отделам того же источника; самостоятельных, особых житий по 3, 4, 5, 6 и 7 книгам *Vitae Patrum* написано только три: 6 июня, преподобного Виссарiona, — «от Патерика Египетского и великие Миней Четьи». ЖССОт, кн. III, в ВЧМ (июнь, л. 109—111) сказание, во многом отличающееся от того, которое в наших Четних-Минеех; 6 июля, преподобного Сисоя Великого, — «от отечников», а во втором месяцеслове: «quare in indice in Vitis ss. pp. Довольно будет. О преставлении его декабря 11-го» — ЖССОт, в разных местах¹¹⁸. 27 августа, преподобного Пимена Великого, — «от Патерика Египетского и Алфавитного собрано сокращенно»; во втором месяцеслове: «In Vitis ss. pp. vide idem Paemen et Pastor» — кн. III, §§ 4, 5, 8, 11, 12, 14, 16, 27, 31, 35, 36, 37, 60, 64, 76, 144, 146, 147, 177, 180 и 183¹¹⁹. Однако, если мы станем детально сравнивать эти жития с указанным источником, то едва ли нам удастся найти здесь все сообщаемые в них сведения. Особенно это надо сказать о житии преподобного Пимена. Но есть в Четних-Минеех и такие жития, для которых в ЖССОт мы не могли найти соответствующего материала. Между тем, Святитель указывает, что они взяты также из Патериков. Таковы: житие святой мученицы Фомаиды (апреля 13), в Четних-Минеех: «от Патерика Скитского»; блаженной Таисии (мая 10), — «от Алфавитного Патерика, знамение i»; преподобного Дулы страстотерпца (июня 15), — «от Патерика азбучного, лит. 4-я» и сведения о рождении и отроческих годах преподобного Онуприя Великого, сообщаемые Святителем 12 июня, после жития преподобного, с пометкой: «от отечников». Очевидно, между патериками и отечниками у Святителя были и такие, которых в ЖССОт нет. Мы, однако, не думаем, чтобы это были греческие патерики. Вероятнее разуметь здесь славянские переводы их, богатое собрание которых давали, например, Великие Макарьевские Четии-Ми-

нен. Здесь как раз находим мы и сведения о всех тех святых¹²⁰, каких не удалось нам найти в ЖССОг. Поэтому источниками этих житий скорее надо считать Великие Четии-Минеи или те патерики — Скитский и Азбучный, — о которых есть упоминание в описи оставшихся после Святителя книг.

К патерикам необходимо отнести и книгу Святителя Григория Двоеслова, папы Римского, — «Диалоги о жизни Итальянских Отцев». Без сомнения, и этой книгой Святитель Димитрий пользовался в латинском оригинале, а не в славянском переводе. За это говорит, во-первых, то, что Диалоги папы Григория в Макарьевских Четних-Минеех находятся в марте месяце, под 11 числом, а этот месяц лишь временно находился в пользовании Святителя; во-вторых, в описи оставшихся после него книг есть и Диалоги в отдельном издании¹²¹.

В латинском переводе пользовался Святитель Димитрий и теми греческими историками, которые указываются в ссылках при житиях. Здесь упоминаются отец церковной истории Евсевий Кесарийский и его преемники — Сократ схоластик, Созомен, Феодорит, епископ Кирский, Евагрий, Феодор чтец и более поздние — Никифор Каллист и Георгий Кедрин, причем последний цитируется как автор «Церковных и гражданских деяний» и «Синописа». Что все они были у Святителя, действительно, в латинском переводе, а не в оригинале, об этом свидетельствуют, во-первых, описи оставшихся после Святителя Димитрия книг, во-вторых, рукописи. В описи упоминаются только латинские издания историков¹²², в рукописях отрывки, выписанные из них, приводятся всегда на латинском языке¹²³.

Святитель Димитрий имел склонность к историческим занятиям. Об этом, кроме известных уже нам фактов его биографии и составленных им исторических трудов, свидетельствуют и Четии-Минеи. В месяцеслове их мы нередко встречаем заметки исторического характера, не имеющие прямого и непосредственного отношения к агнографии. Так, например, 17 декабря, после жития святого пророка Даниила, Святитель дает довольно обширное исследование о вавилонских и персидских царях; 11 мая, после жития святых Кирилла и Мефодия, помещает свою интересную догадку «о козарех»; 11 июля решает вопрос о том, когда и при каком Константинопольском патриархе крестилась благоверная княгиня Ольга; 15-го старается определить год кончины святого равноаностольного князя Владимира и так далее. Попадают вставки исторического характера и в житиях. Наконец, самое количество ссылок на историков — а они встречаются в Четних-Минеех чуть ли не под каждым числом — свидетельствует о том же и указывает, как внимательно Святитель просматривал эти книги и данными истории проверял сказания и повести агнографии.

Особенным уважением и доверием среди историков пользовался у Святителя Димитрия Никифор Каллист. Святитель и в Четних-Минеех, и в рукописях неоднократно называет его «премудрым», «достовернейшим» и его свидетельством особенно дорожит¹²⁴. Может быть, это зависело от того, что Никифор Каллист более, чем другие историки, уделял внимания жизнеописаниям святых, а может быть, тут просто сказался дух времени, усвоенная от наставников и других южнорусских писателей традиция¹²⁵. Вместе с Никифором довольно часто упоминается в Четних-Минеех и Георгий Кедрин.

Какое же значение для Четних-Миней имели исследования историков? Давали ли они Святителю Димитрию новый материал для жизнеописаний святых или только подтверждали и своим авторитетом свидетельствовали то, что сообщали другие источники? Уже на основании разбора рассмотренных нами житий на этот вопрос можно сказать, что историки имели для составления Четних-Миней двойное значение.

В одних случаях они дополняли те источники, по которым Святитель составлял жития святых, в других — он приводил и указывал их только как свидетелей, как лиц, сообщающих те же сведения, о которых шла речь в книгах и сборниках агнографических.

Ссылки на греческих историков носят в Четних-Минях характер определенный и большею частью точный. Но у Святителя Димитрия был еще источник исторического содержания, о котором упоминания в Четних-Минях нет. Это римский кардинал Бароний, автор знаменитых «Церковных летописей» (*Annales ecclesiastici*) в 12 томах и не менее известного Римского мученикословия или мартирология (*Martyrologium Romanum*). О том, что Святитель пользовался сочинениями этого ученого, свидетельствуют рукописи и отметки в Прологе. В рукописях ссылки на Барония встречаются довольно часто и в самых различных статьях, в Прологе их меньше, но зато они здесь имеют отношение к житиям святых и дают нам понять, какое значение имел Бароний, как источник при составлении Четних-Миней. Из этих ссылок видно, что, кроме полного латинского издания «Церковных летописей», у Святителя была и польская переработка их, сделанная иезуитом Петром Скаргой. Но так как эта переработка не имела никакого влияния на Четних-Миней, то о ней говорить мы не станем и займемся исключительно латинским изданием Летописей и Мартирологом.

Annales ecclesiastici — огромное, выдающееся историческое сочинение, излагающее события церковной истории с первых дней христианства. Бароний, описывая эти события, держится строго хронологического порядка, поэтому в его книгах нет связного и непрерывного описания жизни того или иного церковноисторического деятеля, а излагается она отрывками, среди других историй и событий, под соответствующими годами; только деяния мучеников да сказания о христианских праздниках не имеют такого отрывочного характера и передаются большею частью в одном месте и под одним годом. Описывая историю христианской Церкви, Бароний редко говорит своими словами, обыкновенно он приводит выдержки из различных памятников христианской письменности, и поэтому его сборник имеет большую ценность даже в настоящее время. В XVII в. он, без сомнения, имел еще большее значение, следовательно, нет ничего удивительного, что Святитель Димитрий пользовался им при составлении своих Четних-Миней.

Святитель извлек из *Анналов* Барония прежде всего хронологические даты событий. В первом издании Четних-Миней при некоторых житиях на полях встречаются указания, когда жил и подвизался тот или иной угодник Божий. Все эти указания извлечены из книг Барония, которого Святитель считал авторитетом в этом отношении и по которому проверял данные, сообщаемые другими источниками. В подтверждение этого можно указать на следующие факты: в каталоге митрополитов и патриархов Цареградских, определяя время мученической кончины святого апостола Андрея Первозванного — «по брату его, св. Петру, верховному апостолу», Святитель на поле пишет: «ut patet ex 1 tomo Baroni f. 734, ann. 69, n. 34»¹²⁶; в том же каталоге, определяя год смерти Святителя Тарасия, патриарха Цареградского, Святитель в виде основания говорит: «sic Baronius»¹²⁷, а несколько выше, исправив по истории Никифора Каллиста свидетельство других историков, Святитель замечает: «и достоверно есть сие (то есть мнение Никифора) понеже и нини историографы сему согласуют, ut patet Baronius Ann. 488»¹²⁸.

Больше значения имели книги Барония, как сборник разнообразных и большею частью весьма ценных отрывков из различных памятников древнехристианской письменности. Святитель воспользовался многими из этих отрывков и, по принятому обычаю, в своем труде указал первоисточники, а не Барония, у которого их заимствовал. Мы сначала при-

ведем в подтверждение этого несколько интересных фактов из рукописей. Здесь очень часто, при ссылках на того или другого учителя Церкви или церковного историка, можно видеть, что свидетельства их берутся из Барония. Например, в том же каталоге митрополитов и патриархов Цареградских по Баронию цитируются: Свифа, Палладий, Феодор чтец, Феофан Куропалатес, Никита Хоннат¹²⁹. В статье, посвященной рассмотрению сказания преподобного Дорофея о избрании 70-ти апостолов, также по Баронию цитируется Михаил Гликас¹³⁰.

В Четиих-Минеях подобных примеров мы, конечно, не найдем, — здесь Бароний совершенно замолчен, но сравнительный анализ его сборника и некоторых житий свидетельствует о том же. Например, 16 декабря, пред житием святой царицы Феофании, «супружницы бывшие царя Льва премудрого», Святитель Димитрий говорит: «о сей святой писаху Куропалатес, Гликас, Зонара». Из рукописей мы уже знаем, что Гликас и Куропалатес цитировались Святителем по Баронию. Обращаясь к последнему, мы находим в Анналах, в истории царя Льва и его супруги Феофании, буквальные выписки из тех же историков, которые указаны и Святителем. Именно из Гликаса Бароний привел свидетельство о том, чья дочь была царица Феофания и кто были ее родители; из Зонары — рассказ о гневе императора Василия на своего сына Льва; из Куропалатеса — примирение отца с сыном и стремление последнего еще при жизни Феофании поставить храм ее имени¹³¹. Нет сомнения, что Святитель, у которого есть все эти сведения, при составлении жития пользовался Баронием и на основании его указал на Куропалатеса, Гликаса и Зонару, как источники своей работы¹³².

21 января, помещая в Четиих-Минеях житие преподобного Максима исповедника, Святитель говорит: «Анастасий апокрисиарий, ученик его, писал пространно, мы же из него и из иных вкратце zde собрахом». У Сурия жития преподобного Максима исповедника нет; нет его и в тех томах *Acta Sanctorum*, которыми пользовался Святитель; в Макарьевских Четиих-Минеях (январь, л. 726) помещено одно проложное сказание о святом. 13 августа, когда празднуется перенесение мощей преподобного Максима, в Святителевом Прологе встречаем такую заметку: «сего преп. Максима диспут с Пирром vide Baronium, т. VIII, л. 755». Обращаясь к Баронию, находим у него не только диспут с Пирром, но и все житие преподобного, изложенное по частям, под различными годами, с указанием, что писал его Анастасий библиотекарь¹³³.

О житии преподобного Феодора Студита, 11 ноября, Святитель в Четиих-Минеях замечает, что взял его «от ученика святого Михаила монаха». У Сурия жития Феодора Студита нет, в Макарьевских Четиих-Минеях оно есть (ноябрь в. 1, стлб. 335—440), но именем монаха Михаила не надписывается. Опять источником для жития послужил Бароний, у которого Михаил монах не только неоднократно называется автором жития преподобного Феодора, но и приводятся многочисленные выдержки из его труда¹³⁴. Правда, близкое сходство текста в наших и Макарьевских Четиих-Минеях заставляет предполагать, что Святитель руководствовался последним, но есть факты, указывающие и на то, что он обращался и к латинскому тексту. Например, Святитель говорит, что преподобного Феодора, сильно заболевшего после бичевания, ученик его Николай питал ячменной водою: «воду убо ячмену, глаголемую птисану испросив»... В Великих Минеях: «иачну воду испросив, еже наречется хулос»... А у Барония: «ac ptisanae aliquantulum deposeens». Название воды ясно указывает на влияние Барония¹³⁵.

Но жития святых дают нам очень мало примеров подобного рода. Такие богатые агнографическим материалом сборники, как Сурий и особенно *Acta Sanctorum*, могли прекрасно заменять Барония, а пользоваться ими было гораздо удобнее. Поэтому, как мы видели, к Аннанам Святитель обращался только тогда, когда в указанных источниках

не находилось нужного материала или когда этот материал требовал проверки и дополнения. Влияние Барония сильнее наблюдается в тех сказаниях, которыми Святитель заполнил в Четних-Минях дни, посвященные воспоминанию великих христианских праздников. Объясняется это, по всей вероятности, тем, что в других бывших у Святителя источниках исторического материала на эти дни было мало, а Бароний, напротив, очень подробно говорит о всех относящихся сюда евангельских событиях и сообщает о них из различных источников много новых и интересных подробностей. Святитель дорожил этими подробностями и любил помещать их в Четних-Минях. Вот почему так часто и обращался он к Баронию при составлении своих сказаний.

Разберем с этой стороны одно из них, написанное на праздник Рождества Христова. У Барония этому событию посвящена целая глава в несколько отделов. В первом из них идет речь о Вифлееме, об его местоположении, о вертепе; во втором приводятся места из Евангелий, передающие событие рождения Господа Иисуса Христа; в третьем сообщается о волé и осле, находившихся в вертепе в ночь Рождества Христова, и приводится выдержка из сочинений блаженного Иеронима в подтверждение этого; в четвертом передается чудо истечения в вертепе источника воды, подтверждаемое свидетельством Беды; в шестом, седьмом и восьмом идет речь о приснодевстве Богоматери, которое доказывается выдержками из творений святых Епифания Кипрского, Киприана Карфагенского и Зинона Веронского; в 9—13 отделах передаются и разбираются различные апокрифические сказания, связанные с событием Рождества Христова, а в 14-м говорится о пастырях и опять приводится свидетельство о них блаженного Иеронима и Беды.

Если мы сравним с этим повествованием сказание, находящееся под 25 декабря в наших Четних-Минях, то, при всей самостоятельности и особенностях последнего, найдем в нем много общего с тем, что сообщает Бароний. Например, мы встречаем у Святителя ту же выдержку из творений Киприана Карфагенского, тот же рассказ Зинона Веронского, те же почти апокрифические сказания и чудеса, то же свидетельство блаженного Иеронима о вифлеемских пастырях и столпе Адере, даже время Рождества Христова определяется Святителем так же, как и у Барония¹³⁶.

Много заимствований из Барония можно указать и в других праздничных сказаниях. Так, в сказании о поклонении волхвов (25 декабря) по Баронию указываются мнения различных святых отцов о том, кто были волхвы и из какой страны они пришли¹³⁷; в сказании о бегстве Божественного Младенца и Его Матери в Египет — все передаваемые Святителем апокрифические подробности этого события¹³⁸; в слове на Сретение Господне (2 февраля) и в житии святого Симеона Богоприимца — свидетельство Тимофея, пресвитера Иерусалимского, о том, как старец Симеон узнал Богоматерь среди других женщин, так же, как и она, пришедших принять молитву очищения¹³⁹, — и т. д.

Впрочем, не надо думать, что при составлении этих и им подобных сказаний Святитель пользовался исключительно одним Баронием. Мы хотим только сказать, что некоторые места в этих сказаниях, особенно те, где приводятся свидетельства различных древнехристианских писателей, заимствованы Святителем у Барония. Следовательно, Бароний был новым и опять латинским источником, из которого Святитель брал и по которому цитировал греческих отцов Церкви и агнографов.

Но Бароний давал не одни только отрывки или разбитые по различным годам сказания о святых. У него можно было встретить и полные, в одном месте изложенные рассказы о святых, особенно о святых мучениках. Некоторыми из них Святитель также воспользовался, — например, актами святых мучеников Тараха, Прова и Андроника. Здесь находятся и акты святых мучеников и послание об их смерти Макария,

Фелликса и Верия. Святитель и тем и другим пользовался, несомненно, отсюда.

Об этом свидетельствуют следующие факты: у Барония приведены акты неполные, второй допрос мучеников в них почти весь выпущен, кратко передается он и Святителем; у Барония послание трех христиан является самостоятельным, отдельным сочинением, положенным после актов,—такое же положение занимает оно и в сказании Святителя; у Барония на первом допросе святой Тарах говорит, что он рожден in *Claudiopoli civitate Syriae*,—Сирским городом называет Клавдиополь и Святитель Димитрий, между тем как в подлинных актах он именуется Исаврийским; у Святителя, как и у Барония, святому Тараху 65 лет от рождения, в подлиннике ему 60 лет, и т. д.¹⁴⁰

Перейдем к другому сочинению Барония—к Римскому мученико-словию, или Мартирологу. Святитель не только ссылается на него в Четних-Минеях¹⁴¹, но даже указывает в тех списках своих источников, которые напечатаны при первой и второй книгах Четних-Миней. Достаточно часто попадаются ссылки на Мартиролог и в рукописях, особенно во втором месяцеслове Типографского сборника¹⁴². Однако сильного влияния на работу святителя Мартиролог Барония оказать не мог. В нем собраны краткие сказания о святых, передающие лишь важнейшие факты их жизни. Для Святителя Димитрия, стремившегося дать по возможности полные жизнеописания, такой источник был недостаточен, поэтому мы нашли в Четних-Минеях только одно житие, всецело заимствованное из римского Мартиролога. Это житие Иринея, епископа Лионского (23 августа), но и в нем некоторые факты, например, то, что святой «мечем скончася», надо относить к влиянию Пролога¹⁴³. Мартиролог для Святителя был скорее справочной книгой, по которой он проверял и изредка дополнял, главным образом, синаксари нашего славянского Пролога. Из таких поправок и добавлений для примера укажем следующие: 1 сентября, давая в месяцеслове сведения о 40 девах-постницах, Святитель по Мартирологу говорит, что они пострадали «в царство Лукиниевое»¹⁴⁴, тогда же, в заметке о святой мученице Каллисте и братьях ее, Святитель по Мартирологу указывает место их страдания—«Никомидию»¹⁴⁵; 3 сентября, в житии святой мученицы Василиссы из Мартиролога взят ее возраст «девять лет»¹⁴⁶; 2 декабря в житии святой мученицы Миропии—имя ее мучителя «Нумериан»¹⁴⁷; 19 декабря, в житии святого мученика Вонифатия—отечество его «область Тусснйская»¹⁴⁸ и т. д.

Указанными сочинениями, по нашему мнению, исчерпываются основные и важнейшие латинские источники Четних-Миней¹⁴⁹. Мы могли бы теперь перейти к славянским книгам, из которых Святитель заимствовал также много материала для своей работы. Но давно поставленный и до настоящего времени не решенный окончательно вопрос о влиянии на работу Святителя Димитрия житий святых, составленных польским иезуитом Петром Скаргой, заставляет нас внимательно рассмотреть и этот вопрос. Еще Франко в 41 томе Энциклопедии Брокгауза высказал мысль, что основным источником для Святителя Димитрия в его работе над Четними-Минеями были «*Zywoty Swętych*» Скарги. В недавнее время то же мнение поддерживает профессор Львовского университета Пачовский. В своей статье, напечатанной на польском языке, «Жития святых Димитрия Тупталенко», в третьей главе, где определяются источники житий в Четних-Минеях, он говорит, что предисловие Варлаама Ясинского к первой книге Четних-Миней и списки учителей, списателей, историков и повествователей, напечатанные в начале первой и второй книг, а также те заметки, которые автор помещает на полях отдельных житий, дают достаточную информацию об источниках Четних-Миней. Но и Варлаам Ясинский и Димитрий сообщают здесь сведения, главным образом, об источниках восточных; что же касается источни-

ков западных, то в списках названы только некоторые из таких агиографов, но сочинения их не указаны.

Определить западные источники помогает отчасти каталог книг, которые находились в библиотеке Димитрия. Из этого каталога видно, что из западных агиографических сборников Димитрий пользовался трудами Сурия и Acta SS Болландистов. Ссылаясь на вышедшую в 1848 г. книгу «Димитрий, митрополит Ростовский», приписываемую Нечаеву, профессор Пачовский говорит, что из этих латинских сборников Димитрий заимствовал много — не менее 200 житий, но к этим выводам Нечаева нужно относиться с оговоркою, потому что некоторые из этих житий взяты Димитрием не прямо из Сурия и Болландистов, а путем **посредника**. Таким посредствующим звеном и были, по мнению профессора Пачовского, «Zywoty Świętych» Петра Скарги.

Указав далее, что Димитрий еще в Чернигове познакомился с сборником Скарги, профессор Пачовский утверждает, что, принявшись за составление Четних-Миней, Димитрий прямо брал у Скарги уже готовые жития и давал в своих Четних-Минях перевод их. Чтобы подтвердить это положение, профессор Пачовский приводит четыре небольших отрывка из 1-й, 2-й и 3-й книг Четних-Миней на славянском, польском и латинском языках, где славянский текст действительно близок к польскому. На основании такого сравнения, продолжает Пачовский, удалось отыскать немало житий, которые имеют близкое родство с текстом польским. Это родство, впрочем, не везде одинаково. Имеется целый ряд житий, которые всецело заимствованы у Скарги, и есть жития, в которых из польского источника взяты лишь некоторые отдельные части. Впрочем, оговаривается профессор, таких ярко выраженных заимствований не очень много, потому что Димитрий большею частью не следовал за подлинником, как невольник, а стремился к ясности и держался в изложении раз принятого им стиля.

В некоторые, заимствованные у Скарги, жития Димитрий вносил дополнения из других источников. Такие дополнения иногда были очень обширны, и проследить здесь родство с польским оригиналом возможно только путем тщательного сравнения текстов. В подобных житиях дословно переводились, главным образом, монологи и диалоги, в описаниях же и рассказах видна у Димитрия свобода, хотя и здесь зависимость от Скарги обнаруживается часто в одинаковых выражениях и словах.

После этих общих рассуждений профессор Пачовский говорит, что в большей или меньшей зависимости от Скарги имеется в Четних-Минях около 40 житий, и в «додатках» к своей статье указывает, какие именно это жития. Но так как в Четних-Минях Димитрия, продолжает Пачовский, находится всего до 900 житий, то приходится признать, что «Zywoty Świętych» Петра Скарги играли в работе Димитрия роль только эпизодическую и он обращался к ним тогда, когда у него не было будто бы времени и возможности пользоваться основными западными источниками — Сурием и Acta SS.

Этот вывод весьма важен. Он показывает, что и тщательное сравнение житий святых в Четних-Минях и в труде П. Скарги не дало оснований для того, чтобы ставить работу Святителя Димитрия в близкую зависимость от книг Скарги. Поэтому высказанное Франко мнение приходится считать поспешным и неправильным. Профессор Пачовский, заканчивая свою статью, говорит, что всё им изложенное не исчерпывает всецело вопроса об источниках Четних-Миней и что задача эта требует обстоятельного исследования каждого жития в отдельности. Петр Скарга впервые издал «Zywoty Świętych» в Вильно, в 1579 г. Выдающиеся литературные достоинства этого труда и то высокое религиозное воодушевление, какое вложил в него автор, скоро сделали книгу Скарги одною из самых популярных, и поэтому она много раз переиздавалась.

Употреблялись «Żywoty Świętych» и среди русского населения юго-западного края. В первой главе сочинения мы уже отчасти и отмечали, как отражалось их влияние на южнорусской литературе и в церковной жизни. Напечатанная в Киевских Университетских известиях в 1916 г. статья профессора Н. К. Гудзия: «Переводы «Żywoty Świętych» Петра Скарги в юго-западной Руси» указывает, что это влияние было очень значительным¹⁵⁰. Из сообщаемых в статье сведений видно, что сборник Скарги был широко распространен среди православного населения на Юго-Западе и пользовался здесь большим уважением. Святитель Димитрий еще в Чернигове познакомился с ним и, когда ему поручено было от собора Киево-Печерской Лавры писать жития святых, конечно, не мог не принять во внимание такой всем известный и ценный источник.

Что Святитель пользовался «Żywoty Świętych» П. Скарги — в этом не может быть никакого сомнения. Среди оставшихся после Святителя книг мы находим даже два экземпляра этого сборника, — один 1619 г., изданный в Кракове, другой 1700 г.¹⁵¹; на обоих есть надпись, что они принадлежали «Ростовскому Архисерею Димитрию»; в рукописях и Прологе нередко встречаются ссылки на Петра Скаргу.

Но как должны мы смотреть на эти ссылки? Указывают ли они на книгу Скарги, как на действительный источник того или иного жития, или это только отметки трудолюбивого «списателя житий», внимательно просматривавшего всё, что могло дать ему материал для работы? Из всего ранее нами сказанного мы уже знаем, что ссылка в рукописях или в Прологе далеко не всегда указывает на действительный источник жития. Точно установить такой источник можно только путем сравнительного анализа житий. Попробуем же сравнить хотя бы только некоторые из тех житий, которые в Прологе или в рукописи имеют ссылки на «Żywoty Świętych», с соответствующими житиями в этой книге.

11 июня, память святых апостолов Варфоломея и Варнавы, — в Четиих-Минеях: «от св. Иосифа песнописца и от Мартиролога; Никифор к. II, 39, от Евсевия V, 10 и прочих» пред житием Варфоломея, — и «от Деяний апост. и от Александра монаха, и от Мефафраста сокращенне» пред житием Варнавы, но в рукописи указан «Скарга л. 753 и л. 505». Обращаясь к нему, находим у него небольшое сказание об апостоле Варфоломее похвального характера, очень бедное историческими фактами. Святитель мог взять отсюда разве лишь то, что святой Варфоломей из Индии ходил в Армению и обратил здесь в христианство царя Полимния (у Скарги Polemon'a), а также факт смерти апостола в г. Альване. Но это лишь незначительная часть жития. Ясно, что у Святителя были другие источники, более богатые содержанием, чем Скарга¹⁵². То же почти приходится сказать и о житии святого Варнавы. Скарга указывает те же источники, какие и Святитель, и при сравнении в обоих житиях много общего, но Святитель опять сообщает новые факты, которых у Скарги нет (например, сведения о Марии, сестре святого Варнавы), и дает иные имена некоторым лицам. Например, имя Кипрского епископа у Скарги «Антонин», а у Святителя — «Анфимий». Следовательно, и здесь приходится искать другие источники¹⁵³.

14 июня, в житии святого пророка Елисея, несмотря на ссылку на Скаргу, имеющуюся в рукописи, мы находим с польским житием еще менее сходства, чем в житиях, только что разобранных. Скарга, например, сообщает совсем иное чудо из детских лет пророка, нежели Святитель Димитрий, — и составленное последним житие, как показывает его анализ, всё исчерпывается двумя источниками — Священным Писанием (3 и 4 кн. Царств) и Макарьевскими Четьими-Минеями¹⁵⁴, на которые также есть ссылка в месяцеслове.

8 июля, память святого великомученика Прокопия, — в Четиих-Минеях: «от Мефафраста и от великие Минеи-Четыи», но во втором меся-

цеслове, кроме ссылок на Сурня (IV, 116) и Чет'ю (л. 9) есть ссылка и на Скаргу (л. 590). У Скарги сокращенный пересказ того же сказания, которое находится у Сурия под именем Метафрастова. Сравнивая с этим пересказом житие наших Четних-Миней, находим в последнем много новых фактов и подробностей, которые заимствованы не только у Сурия, но и из Макарьевских Миней, где иная редакция жития. Таковы, например, рассказ о явлении святому Прокопию 12 дев и об их мученической кончине; подробности спора Прокопия с Флавяном префектом и т. д.¹⁵⁵ Опять, следовательно, считать Скаргу источником нельзя, хотя в начале оба жития по изложению очень сходны.

17 июля, память святой великомученицы Марины; в Четних-Минях: «от Метафраста сокращенне», в Прологе: *Malgorata Skarga* июля 20, л. 638, та же, бе яже и Марина; в первом месяцеслове: «у Межигорской от Сераффона... глав, на листу начисто... переписано» и опять ссылка на Скаргу; во втором месяцеслове: «eade, quae *Malgorata*, в Чет'е л. 386, листов 6; *Skarga*, л. 638, *Mart. Romanum* июля 20». Сурий хотя и не указан, но там (IV, 274) есть житие Марины с пометкою, что оно «*habetur in Metaphraste*». Сравнивая с последним источником Святителя житие, находим, при общем фактическом сходстве, некоторые особенности, которых у Сурия нет. Одни из них, как оказывается, взяты у Скарги; таковы, например, начало жития, описание встречи святой Марины с Олимврием, слова народа святой мученице...¹⁵⁶

Но других и более значительных особенностей мы напрасно стали бы искать у Скарги. Он писал свой пересказ по тому же Сурью и, значительно сократив его, внес лишь кое-где небольшие видоизменения, которыми Святитель и воспользовался. У последнего житие богаче по содержанию не только жития, составленного Скаргою, но и Сурьева. Так, ни у Сурия, ни у Скарги мы не находим молитвы мученицы, когда ее вел Олимврий в город, ответа ее на лукавый совет народа подчиниться мучителю (л. 464), молитвы ее во время мучений («обыдоша мя врази мои...»), обращения к ней епарха и ее ответа ему («о, мерзкий пёс») и т. д. Все эти и некоторые другие подробности заимствованы Святителем из «мучения св. Марины», находящегося в Макарьевских Минях¹⁵⁷, которые и были вторым главным источником жития.

Продолжать разбор других житий мы не станем. Думается, что уже и сказанного достаточно для того, чтобы видеть, какое значение занимали «*Zywoty Swętych*» Скарги в работе Святителя Димитрия. Они не были здесь главным, руководящим пособием. Для Святителя, который имел Сурия, *Acta Sanctorum*, *Vitae Patrum* и, наконец, Макарьевские Великие Миней, сокращенный пересказ житий, большую часть заимствованных Скаргой у того же Сурия, большого значения иметь не мог. Святитель пользовался им или только как справочником, или как полезным для литературной обработки жития пособием, из которого можно было взять изложение некоторых отделов главного, если он был общим, источника. Поэтому действительным источником для Четних-Миней сборник Скарги был только тогда, когда он сообщал новые факты, каких не было в других, имеющихся у Святителя, источниках. Но таких случаев, без сомнения, было очень мало.

Укажем некоторые из них: 11 ноября о житии святого мученика Викентия диакона Святитель в Четних-Минях пишет, что взял его «от Метафраста»; в первом месяцеслове есть ссылка на Сурия (I, 523), где мучение из Симеона Метафраста. Но если мы станем сравнивать с ним житие, написанное Святителем, то встретим в последнем много новых фактов. Так, Метафраст совершенно не говорит о воспитании Викентия у блаженного Уалерия, о проповедании им слова Божия, по поручению Уалерия. Согласно с Метафрастом начинается лишь с описания гонения на христиан (§ 2 по Метафрасту), но в конце опять встречаются особенности. Метафраст не говорит, что Датиан «повеле дски

железные разжести и приложить к бокам его (Викентия), таже на железной решетке раскаленной положи святого и огонь велик подлагающе, аки снадное мясо печаше мученика». Эти новые факты, равно как и начало жития, взяты из «Żywoty Świętych» Скарги, где житие святого Викентия составлено на основании Метафраста и Августина. Но, кроме этого, рассказ Святителя здесь и в других местах носит следы влияния Скарги, так что только речь, сказанная Викентием Датиану в ответ на его вопрос: «что ныне глаголеши, Викентие? Не видиши-ли, каковыми ранами уязвлено и растерзано тн есть тело?», — которого у Скарги нет, свидетельствует, что Святитель обращался и к Сурню¹⁵⁸.

23 января о житии святого Павлина Милостивого, епископа Ноланского, Святитель замечает: «о сем святом пишет св. Григорий Двоеслов (III, 1) и Августин и Ураний священник»; ссылка на святого Григория есть и в Прологе. Но в «Собеседованиях» Григория находится только вторая часть жития, передающая рассказ святого Павлина о продаже себя в рабство¹⁵⁹. Первой части там нет. Сообщаемые в ней сведения о милосердии святого, об отношении его к своей супруге Тарасии и об удалении в город Нолу, без сомнения, заимствованы у блаженного Августина и священника Урания, которые вместе с Григорием Двоесловом указаны в ссылке при житии. Однако Святитель обращался к ним не непосредственно. В Прологе вместе с «Собеседованиями» святого Григория упоминается еще Скарга (января 22-го). В его книге, под 22 января (стр. 420), также помещено житие Павлина Ноланского и указаны те же, что и у Святителя, источники. Сравнивая оба жития, находим их весьма подобными не только в фактах, но и в изложении. Очевидно, Святитель воспользовался здесь работой Скарги и дал в своих Четиих-Минеях простой перевод на славянский язык не только ее начала, но и всего дальнейшего содержания¹⁶⁰.

Из разобранных нами житий видно, как мало нового материала давали Святителю Димитрию «Żywoty Świętych» Петра Скарги. Он не удовлетворялся ими и предпочитал обращаться к другим, более полным агиологическим сборникам и по ним составлял свои жития, хотя в рукописях отмечал и книгу Скарги. Не удовлетворяла эта книга и руководителей Святителя Димитрия, хотя бы того же Варлаама Ясинского. Иначе было бы непонятно, почему они, имея в руках такой выдающийся и популярный источник, как книги Скарги, всё время старались достать другие агиографические сборники, как западные, так и славянские. Мне думается, что, поручая Святителю Димитрию составление славянских Четиих-Миней, Варлаам Ясинский поставил ему задачей дать не подобный книге Скарги сборник житий, а труд самостоятельный, составленный по всем доступным в то время источникам и более совершенный чем труд Скарги. Святитель Димитрий, по нашему мнению, с успехом выполнил эту задачу, — его Четии-Минеи по богатству содержания гораздо ценнее и шире «Żywoty Świętych» Скарги и не уступают им ни в изяществе изложения, ни в религиозном воодушевлении и теплоте.

Обратимся теперь к славянским источникам Четиих-Миней. Их было больше, нежели иностранных. По одним только ссылкам в Минеях видно, что в руках у Святителя находились почти все существовавшие в его время на Юго-Западе и в Москве печатные агиологические издания и немалое количество рукописей. Между последними важнейшее место занимают Великие Четии-Минеи Московского митрополита Макария. Мы знаем, что Святитель имел возможность пользоваться всеми книгами этого замечательного собрания, и поэтому влияние Макарьевских Миней должно было сказаться на всех частях его труда. Находящиеся при житиях ссылки на источники подтверждают это. Макарьевские Четии-Минеи встречаются здесь почти в каждом месяце,

а при первой и второй книгах имя митрополита Макария, как составителя Великих Четиих-Миней, указывается и в списках тех учителей, списателей, историков и повествователей, по которым Святитель Дмитрий составлял свои жития.

Но в тех же списках, кроме Макарьевских Четиих-Миней, упоминаются и другие «рукописные Четьи». Заканчивая перечисление агиологов, Святитель говорит, что «достоверному списанию житий пособствоваху еще и ннии многие книги», между прочим и Четьи рукописные, «возможные в сия времена у нас обрестися»¹⁶¹. На вопрос о том, что это были за рукописные Четьи? — более определенные, хотя далеко не полные сведения дают рукописи. Там приводятся названия этих Четей и указываются те жития, которыми Святитель намерен был из них воспользоваться. Например, в первом месяцеслове Типографского сборника (№ 420), отметив 23 ноября память святого Григория Акрагантского, Святитель далее пишет: «у Четьи Межигорской л. 211». Ссылки на ту же Межигорскую Четью встречаются в месяцеслове еще восемь раз. Судя по ним, этот сборник, получивший наименование, вероятно, от Межигорского, вблизи Киева, монастыря, был довольно значителен по размерам, и находящийся в нем агиологический материал обнимал несколько месяцев. Кроме «Межигорской», в том же месяцеслове встречаются еще ссылки на «Четью Печерскую», которая называется также «нашей». Например, 28 декабря, память о святых 20 000 мучениках Никомидийских, после ссылки на Сурня, Святитель отмечает: «и у Четьи Печерской, л. 218 с Златоустого»; 23 января, память святого мученика Неофита: «есть у Четьи нашей»; 3 мая, вероятно, эта же Четья-Минея называется — «уставною»: «свв. мм. Тимофея и Мавры у Четей наших уставных барзо хорошо». Если все эти ссылки действительно относятся к одному сборнику, тогда его также надо считать довольно обширным. 19 июля, в том же первом месяцеслове о житии преподобного Дия — Святитель говорит: «с Четьи Новодевичой переписав... гляди в тетрадках» и таким образом дает нам сведения еще о новом рукописном сборнике — о Четьи-Минее Новодевичьей. Эта Четья, по всей вероятности, была не южного, а московского происхождения¹⁶².

В первой части своего исследования мы говорили, что после переселения на север Святитель усердно занялся собиранием рукописей агиологического содержания, и упоминали о «тетрадках дьячка Богоявленского монастыря» и о «Четии-Минее Ярославской Николо-Надеинской». На «Четейку Богоявленскую» ссылается Святитель и во втором месяцеслове Типографского сборника. Отметив здесь 26 июня празднование в честь Тихвинской иконы Божией Матери, он говорит: «зри в Четейке Богоявленской», а о празднике в честь иконы «Одигитрия» пишет: «О Одигитрии в другой Четье Богоявленской». Очевидно, у него было два сборника, полученные из Ростовского Богоявленского монастыря. На «Ярославскую Николо-Надеинскую Четью» Святитель в том же месяцеслове ссылается: 9 августа, память святого апостола Матфия — «в Ярославской лист», 18-го — святых мучеников Флора и Лавра и 19-го — святого мученика Андрея Стратилата — «в Ярославской Николо-Надеинской, л. 9-й»¹⁶³.

Если от этих заметок в рукописях мы обратимся к книгам Святителя и посмотрим, на какие источники ссылается он здесь, при житиях перечисленных нами святых, то увидим следующее: в одних случаях Святитель не указывает никаких источников¹⁶⁴, в других ссылается на Великие Четии-Миней¹⁶⁵, в третьих выражается неопределенно или перечисляет несколько источников¹⁶⁶. Очевидно, ссылки в месяцесловах на различные рукописные Четии-Миней не всегда приводят нас к действительным источникам житий. Указывая, где был материал, они не дают права утверждать, что Святитель отсюда его заимство-

вал. И мы, вообще, полагаем, что Святитель Димитрий обращался к этим Четиим только тогда, когда в других, более авторитетных источниках нужного материала не находилось. Таких случаев едва ли было много. Мы можем указать только два. Из «четейки Богоявленской» заимствовано сказание о Тихвинской иконе Божией Матери (26 июня), имеющее в Четиих-Минеях отметку: «от различных рукописцев», да из Ярославской Николо-Надеинской Четьи взято не имеющее никаких указаний на источники житие преподобного Макария Желтоводского (25 июля), так как в Макарьевских Великих Четних-Минеях ни жития этого святого, ни сказания о Тихвинской иконе Богоматери нет, а во втором месяцеслове Святитель пишет — о первом: «в сборнику Николо-Надеинском Ярославском довольно» и о втором: «из четейки Богоявленской»¹⁶⁷. Что касается остальных праздников и святых, при которых в месяцесловах есть ссылки на рукописные Четии-Минеи, то все относящиеся к ним сказания и жития имеются и в других источниках, главным образом в Макарьевских Четних-Минеях.

Но при решении вопроса о влиянии рукописных Четий на работу Святителя Димитрия не надо забывать, что Макарьевские Минеи не всегда находились у Святителя. До 1691 г. он подолгу работал без них и, может быть, в это время, не находя нужного материала в других источниках, обращался к местным рукописным сборникам. Некоторые, правда, очень незначительные, данные в пользу этого можно указать и в Четних-Минеях. Делая здесь ссылки на Минеи как источники житий, Святитель выражается неодинаково: в одних местах он определенно говорит, что взял житие «от Четьи блаж. Макария митрополита Московского», или — от «от великия Миней-Четьи», в других пишет кратко: «от Четьи» или «от Миней-Четьи». Часть кратких ссылок относится к житиям тех святых, которые в месяцесловах имеют ссылки на рукописные Четьи. Например: 23 ноября, — святого Григория Акрагантийского, — в Четьи-Минее: «списанное Леонтием пресвитером монастыря св. Саввы, иже в Риме, и Симеоном Метафрастом, тоже и Чет'я, мы же сокращенно собрахом», в месяцеслове: «Том 6, л. 562 (по Сурию, где житие Симеона Метафраста) и у Четьи Межигорских, л. 211-й». Невольно является вопрос: не хотел ли Святитель краткою формулировкой ссылки в Четних-Минеях показать, что эти жития он написал не по Макарьевским Великим Четним-Минеям, а по тем рукописным сборникам, которые отмечены в месяцеслове? Анализ житий обнаруживает факты, дающие основание для утвердительного ответа на этот вопрос.

Если мы станем сравнивать написанное Святителем житие святого Григория Акрагантийского с Леонтиевым житием этого святого, находящимся в Великих Четних-Минеях (ноябрь, л. 1087 об.) и с Метафрастовой переделкой его, приведенной у Сурия, то найдем небольшие, но существенные различия. Святитель пишет о святом: «бывшу ему двадцати и двух лет, восхоте ити во Иерусалим», в Макарьевских Минеях (л. 1089, а) и у Метафраста (§ 3) сказано, что святому было восемнадцать лет, когда у него возникло намерение посетить Иерусалим¹⁶⁸. Рассказывая о пребывании святого в Царьграде, Святитель называет патриарха Цареградского «Евтихием», говорит, что святой Григорий присутствовал на «пятом» Вселенском соборе; в Макарьевских Минеях и у Метафраста имени патриарха нет и о том, на котором Вселенском Соборе был святой Григорий, оба эти источника не говорят, но так как еретиками, вызвавшими созыв собора, они называют Кира, Сергия и Павла (Метафраст, § 24, ВЧМ, л. 1097, б), а Метафраст и ересь именует «монофелитскою», то, очевидно, они разумют шестой Вселенский Собор, и Святитель снова делает от них существенное отступление. Эти отступления мы склонны приписывать

влиянию Межигорского сборника, на который есть ссылка в месяцеслове.

Заемствованными из рукописных Четий можно считать и те жития, которые не имеют в Четиях-Минеях никаких указаний на источники, а в рукописях относительно их сделаны ссылки на рукописные Четья. Например, 14 января повесть монаха Аммония об избииении святых отцов в Синае и Раифе не сопровождается в Четии-Минее никакими ссылками на источники, а в первом месяцеслове Святитель пишет: «у Межигоре сей отдел прекрасно». Правда, повесть Аммония есть и в Великих Четиях-Минеях (январь, л. 501) и повествование Святителя с нею вполне согласно, но, с одной стороны, отсутствие ссылки на Минеи при житии, с другой — одобрительная пометка в месяцеслове дают основание предполагать, что эта повесть заимствована не из Великих Четиях-Миней, а из Четья Межигорской.

Выясняя влияние рукописных Четий на работу Святителя, мы до сих пор приводили только те жития святых, относительно которых на этот предмет есть определенные указания в рукописях. Но анализ житий дает право значительно расширить это влияние. Он устанавливает несколько таких случаев, где рассказ Святителя существенно расходится со всеми известными нам источниками, где он сообщает новые, не находящиеся там сведения и факты. Мы думаем, что эти отступления и особенности также заимствованы из рукописных Четиях-Миней, потому что приписывать их фантазии Святителя Димитрия нет никаких оснований.

Разберем для примера некоторые из подобных житий. 9 сентября, в житии святых Богоотцев Иоакима и Анны, Святитель на полях указывает несколько источников¹⁶⁹, но Четиях-Миней между ними не называет. Анализ жития дает основание предполагать, что первая его часть, где дается родословие святых Иоакима и Анны и сообщается об их бедности, богатстве и щедрости, заимствована из Маргарита¹⁷⁰, или из Макарьевских Четиях-Миней, где есть слово святого Епифания на Рождество Пресвятыя Богородицы (т. 1-й, стлб. 363 и т. д.), в котором сообщаются эти сведения. Вторая часть, имеющая характер похвалы Богоотцам, составлена, по нашему мнению, Святителем самостоятельно. Третья часть, где передаются обстоятельства, предшествовавшие рождению святой Девы Марии, имеет своим источником апокрифическое Евангелие апостола Иакова. Под именем «Слова на Рождество Пресвятыя Богородицы» оно помещено в Макарьевских Минеях (там же, стлб. 352 и д.). Но когда мы станем сравнивать это слово с рассказом Святителя, то встретим значительные разности: у Святителя праведного Иоакима в храме встречает архиерей Иссахар, он первый и поносит святого старца, а затем уже и «другий еврей некий», именем Рувим, — в Макарьевских Минеях идет речь только об одном Рувиме (стлб. 352); у Святителя оскорбленный и опечаленный этими порицаниями святой Иоаким идет «в пустыню, к пастырем стад своих», — в Минеях этой подробности нет; у Святителя Архангел, явившийся святой Анне, говорит, что она родит «Дщерь благословенную», которой «наречется имя Мария», — в Минеях Ангел сообщает праведной старице только о том, что она имеет «зачати» и «родити», но кого — не указывает, и поэтому после рождения Анна спрашивает у бабки: «что родих?» (стлб. 353 и 354); у Святителя после благовестия Архангела святая Анна тотчас же идет в Иерусалим, и Иоаким здесь встречает ее «у златых врат», — в Минеях встреча святых Богоотцев происходит в доме Иоакима, а не в храме... Нет сомнения, что Святитель сделал все эти отступления не по своему усмотрению, а под влиянием какого-то источника. Мы таким источником считаем рукописные Четия-Минеи.

19 ноября, о страданиях святых мучеников Романа и Варула Свя-

итель говорит, что взял это сказание от Евсевия (кн. VIII, гл. 12)¹⁷¹, а в месяцеслове делает ссылку на Сурия (т. VI, л. 422), где приведены отрывок из истории Евсевия и слово о мучениках святого Иоанна Златоуста. То же слово в славянском переводе находится и в Четних-Минеях митрополита Макария (ноябрь, л. 1020). Сравнивая рассказ Святителя с этими источниками, находим в нем много новых сведений. Они касаются, главным образом, истории святого отрока Варула. Святитель подробно передает допрос Варула у мучителя Асклипада, описывает страдания отрока и его смерть, рассказывает, как мать поддерживала мужество Варула во время мучений и как увещевала его безбоязненно умереть за Христа. Ни у Евсевия, ни у Златоуста этих подробностей нет, они и не упоминают об отроке. Проложное сказание дает о нем краткие сведения, но по имени не называет. Ясно, что Святитель при составлении этого жития пользовался еще каким-то источником, где были полные акты святых Романа и Варула, — какой же это был источник? Полные акты страдания указанных мучеников находятся в сборнике Момбриция¹⁷². Но у нас нет никаких данных для того, чтобы предполагать пользование Святителем Димитрием этим источником, в рукописях о нем нет нигде и упоминания. Поэтому мы думаем, что Святитель составил житие святых Романа и Варула по славянской рукописной Четии-Минее, содержащей полные акты этих святых в редакции, близкой к той, которая имеется у Момбриция.

Перейдем теперь к главному славянскому источнику Четий-Миней Святителя Димитрия — к Великим Минеям Московского митрополита Макария. Уже одно только количество ссылок на этот источник в Четних-Минеях показывает, какое сильное и глубокое влияние оказали Макарьевские Минеи на работу Святителя. Одних только определенных указаний на них насчитывается более ста. Правда, ссылки в Четних-Минеях не всегда указывают действительные источники житий. На предыдущих страницах мы не раз уже говорили об этом и, определяя источники житий, указывали те случаи, когда Святитель отмечал Великие Четии-Минеи в числе источников, но на деле ничего из них не заимствовал. Но там же приходилось нам встречаться с фактами и иного характера, когда Макарьевские Минеи влияли на работу Святителя, когда по ним видоизменялся и исправлялся материал, взятый из других источников, между тем как в ссылках они не упоминались. Приводить эти факты здесь мы не станем и укажем только те жития, для которых Макарьевские Минеи были главным, а иногда и единственным источником.

В Четних-Минеях эти жития не всегда имеют ссылку на Великие Четии-Минеи. Святитель Димитрий в тех случаях, когда в славянском переводе имелись указания на авторов и составителей житий, большую частью ссылался прямо на первоисточник, или, называя его, говорил и от Четних-Миней, из которых он этот первоисточник заимствовал. Иногда, передавая житие по Четним-Минеям, он в своей работе совсем не указывал никакого источника. В этих случаях заметки в Прологе и месяцесловах дополняют Четии-Минеи, в них нередко делаются определенные указания, что такие жития заимствованы из Великих Четий-Миней. В большинстве случаев, однако, Святитель ссылался на эти Минеи прямо и определенно.

Житиями влияние Четий-Миней митрополита Макария на работу Святителя Димитрия далеко не ограничивается. Из того же источника Святитель взял много и другого материала, — например, слов, отрывков из творений святых отцов и т. п.

Нам надо определить, какие еще рукописи, кроме указанных, служили для Святителя Димитрия источниками при составлении житий святых. При решении этого вопроса мы можем основываться отчасти на свидетельстве Четних-Миней, отчасти на указаниях рукописей. Так,

31 марта, помещая житие священномученика Ипатия, епископа Гангроского, Святитель в Четии-Минее не указывает для него никаких источников, но в первом месяцеслове пишет: «зри в книзе Лествичниковой на концу привязано (?), уставом писаное с житием Златоустого и житие Ипатиево, перш Ипатиево, потом Златоустого». Так как помещенное в Четии-Минее житие полнее проложного сказания, то источником его, кроме служебной Минее, на которую есть ссылка на поле (стихиры на вечерне и 3 п. канона), приходится признать и ту рукопись, о которой говорит Святитель в месяцеслове¹⁷³.

11 мая о житии святых Кирилла и Мефодия Святитель говорит, что оно взято «от различных харатейных Четей сокращенне»; в Прологе и первом месяцеслове есть ссылка на Акты святых (март II, 12), — там находится итальянская легенда о Константине, взятая из известий современника епископа Говдерика, жизнь Кирилла и Мефодия чешско-моравского происхождения и чтения о святых братьях из древних Миней. Сравнительно с этими источниками житие Святителя имеет значительные особенности. Оно, например, весьма подробно передает оба миссионерские путешествия святого Кирилла к хозарам и сарацинам и с особенным вниманием останавливается на спорах, которые вел там святой Кирилл. В Актах этих сведений нет. Они находятся в так называемых Паннонских житиях святых братьев. А так как житие святого Кирилла Паннонской редакции есть в сборнике Типографской библиотеки (№ 420, л. 195), в рукописи, списанной «с библиотеки Хиландарской Лавры Сербской», и имеет отметки, сделанные рукою Святителя, то эту рукопись мы и считаем источником разбираемого жития; Святитель сделал к ней лишь некоторые добавления из Пролога. 3 июня, житие святого царевича Димитрия Угличского; составлено по найденной Святителем, вероятно, в Угличе, рукописной «книжице» и какому-то, конечно, тоже рукописному хронографу¹⁷⁴.

По рукописям составлены также сказания о Донской (19 августа) и Толгской (8 августа) иконах Божией Матери, потому что в ВЧМ и в других известных нам источниках этих сказаний нет¹⁷⁵. Вероятно, главным образом, по рукописям составлял Святитель Димитрий и те жития святых, которые имеют связь с русскими летописями. К таким житиям относятся: 2 мая, сказание о убиении святых братьев Бориса и Глеба, источник ни в Четии-Минее, ни в рукописях не указан; 5 июня, сказание о убиении святого князя Игоря Ольговича и повесть дивна и ужасна о смерти блаженного Константина, митрополита Киевского, — «от летописца Печерского»; 11 июля, житие св. благоверной княгини Ольги, — «от рукописных древних Четей и летописов различных», в Прологе: «житие ее в летописцу», во втором месяцеслове: «в Несторовой летописи при концу, л. 11-й»; 12-го житие святых мучеников Феодора варяга и сына его Иоанна, — «от преп. Нестора, летописца Печерского» и 15 июля, житие святого равноапостольного князя Владимира, — «из летописца русского, преп. Нестора Печерского и от иных книг русских и прочих».

Для большей части этих житий, как мы видим, Святитель Димитрий источником указывает Печерский летописец, который называет «русским, преподобного Нестора». Если под Печерским летописцем разуметь «Повесть временных лет», какую она сохранилась в Лаврентьевской летописи, то придется сказать, что Святитель во многом дополнил ее новыми сведениями, которые заимствовал из других источников, или что тот Летописец, на который ссылается Святитель, был полнее Повести временных лет и не соответствовал летописцу преп. Нестора. Чтобы выяснить это, проанализируем некоторые из этих житий, сравнив их с Повестью временных лет¹⁷⁶.

Возьмем страдание новоявленных мучеников Михаила, князя Черниговского, и боярина его Феодора (20 сентября). Святитель указы-

вает в Четии-Минее два источника — Великие Минее митрополита Макария и летописец Печерский. В Макарьевских Четиих-Минеех находится: а) «страсть» святых мучеников, б) слово о убиении злочестивого царя Батыя и в) слово похвальное (по изд. Археогр. Комиссии стлб. 1298, 1305 и 1308). Н. Серебрянский в своем сочинении «Древнерусские княжеские жития» говорит, что в Макарьевских Четиих-Минеех находится житие этих святых, написанное Пахомием — сербом¹⁷⁷. Сравнивая с этим житием составленное Святителем Димитрием житие, встречаем в последнем ряд фактов, которых в Пахомиевом житии нет. Так, например, нет родословия князя Михаила и характеристики его, как христианина; не сказано, что послы Батыя пришли «соглядати Киев» и что войнство татарское состояло из шестисот тысяч человек; описание разорения Киева татарами в Макарьевских Минеех более кратко; не говорится здесь и о том, что князь Михаил горько плакал, видя разорение своего стольного города, и т. п. Источником этих добавлений, вероятно, был Печерский летописец, а так как в Повести временных лет нет рассказа о нашествии на Русь Батыя (она оканчивается 1117 годом), то, следовательно, Печерский летописец был полнее ее, в нем излагались и дальнейшие события истории Русской земли.

Житие святых мучеников Феодора варяга и сына его Иоанна, заимствованное тоже из «Летописца Печерского преп. Нестора», более других житий соответствует Повести временных лет, собственно, представляет почти буквальную из нее выдержку (ср. Четии-Минее, июль, лл. 434 и 435 и Повесть временных лет под 983 г., с. 58 и 59). На основании этого можно заключить, что хотя Летописец Печерский и был полнее Повести временных лет, но списан был с нее и до 1117 г. являлся ее копией. Это будет для нас еще яснее, когда мы рассмотрим другие жития, имеющие ссылку на Летописец.

Житие княгини Ольги, как указывает Святитель, заимствовано им «от рукописных древних Четей и летописов различных». Печерский летописец здесь не указан, но, несомненно, под «различными летописцами» разумеется и он. Сравнивая составленное Святителем житие княгини Ольги с теми сведениями, которые сообщаются о ней в Повести временных лет, видим, что целые отделы из Повести буквально повторяются и в житии. Таковыми являются рассказы о мести Ольги древлянам за убийство ее мужа Игоря, — о путешествии ее в Царьград и крещении там, о смерти Святослава (Четии-Минее, л. 420 об. и далее и Повесть под 945, 946, 955, 972 гг., с. 40—45 и 53). Но, кроме этих рассказов, в составленном Святителем житии имеется много других сведений, которые собраны из других источников — «из рукописных Ч.-Миней и летописцев». Мы, конечно, не можем сейчас определить, какие это были летописцы и Четии-Минее, но из работы Серебрянского, где разобраны все древние сказания и жития княгини Ольги¹⁷⁸, видим, что в свое повествование Святитель внес сведения, которые находятся в проложных синаксарях и житиях Ольги в Ипатьевской летописи, в Псковских сказаниях, в Степенной книге и в других древних памятниках. Думаю, что Святитель не пользовался всеми этими памятниками непосредственно, а нашел их в разных рукописях, которые были у него под руками.

То же можно сказать и о житии равноапостольного князя Владимира, которое составлено по «летописцу русскому преп. Нестора и по иным русским книгам».

Сравнивая содержание его с Повестью временных лет, видим, что в основной своей части, в рассказах о событиях, предшествовавших крещению Владимира, о его крещении и приведении к вере всей Русской земли, оно вполне соответствует Повести (ср. Четии-Минее 15 июля, лл. 448—456 и Повесть, с. 59—90). О дохристианском периоде

жизни Владимира Святитель хотя следует тоже Повести, но рассказывает сокращенно, заканчивая этот отдел жития такими словами: «о всем житии Владимировом, бывшем в неведении Бога и в нечестии, о братоубийстве и кровопролитиях, о храбрости и многих бранех, о богослужительстве и женонеистовствах его пишется пространно в летописцу св. Нестора Печерского и в иных многих рукописных летописаниях русских и в печатном Синописе Печерском». Из этих рукописных летописей и из Синописиса Святитель внес лично некоторые небольшие добавления как в первую, так и во вторую часть своего жития. Следовательно, и это житие подтверждает наше предположение о тождестве Печерского летописца в начальных историях с Повестью временных лет. Ее поэтому можно считать главным источником трех последних житий.

Что касается жития благоверных князей Бориса и Глеба, которое мы не разбирали, то оно составлено по «Сказанию» неизвестного автора и по «Чтению о жизни и погублении» из Нестора, а не по Печерскому летописцу; Святитель в Четин-Минее совсем не указал его источников.

Печатные славянские издания, которыми пользовался Святитель Димитрий, работая над Четими-Минеем, были многочисленны. В ссылках на источники и в примечаниях к житиям встречаются указания на самые разнообразные книги, обращавшиеся в Москве и на Юго-Западе в то время. Мы рассмотрим из них только те, которые дали или все, или основную, важнейшую часть содержания житий.

Из таких книг, прежде всего, заслуживает внимания славянский печатный Пролог. Он был, как мы уже знаем, руководственной книгой для Святителя при установлении дней празднования памяти святых, он же сообщал о последних и первоначальные сведения. Святитель Димитрий дорожил этими сведениями,— и в тех случаях, когда Пролог сообщал что-либо новое, сравнительно с другими источниками, не забывал вносить эти факты в свое повествование, а иногда даже целые отделы житий излагал словами Пролога. Заимствованные из Пролога жития можно разделить на три группы, сообразно с тем характером, какой носит это заимствование. Именно,— к первой группе относятся жития, которые представляют из себя близкую, иногда даже буквальную передачу проложных синаксарей, без всяких более или менее существенных изменений и дополнений; ко второй — жития, дополненные материалом из других источников; к третьей — те, содержание и изложение которых исправлено Святителем Димитрием на том или ином основании. Особенно важными и интересными являются жития последней группы. Они говорят о критическом отношении Святителя к Прологу и свидетельствуют, что эта книга не всегда для него была непререкаемым авторитетом.

Эти исправления носят двоякий характер: в одних случаях Святитель Димитрий перерабатывает Пролог в стилистическом отношении, изменяя план, или давая совершенно самостоятельное изложение, в других — он касается содержания и сообщает новые, несогласные с Прологом факты.

Особенно много исправлений и изменений внесено Святителем в синаксарь Пролога о святых 70-ти апостолах (4 января). В Четин-Минее, после своего сказания, Святитель делает примечание об этом и указывает те основания, которые побудили его переработать проложный синаксарь. Но значительно полнее и обстоятельнее о том же Святитель говорит в одной рукописи, сохранившейся в его черновых тетрадах¹⁷⁹. Здесь не только указываются все поправки, внесенные в «избраание» Дорофея, но цитируются и те источники, на основании которых они сделаны. Из рукописи мы узнаем, что Святитель пользовался не одним славянским, а и латинским переводом «избраания»¹⁸⁰,

что свое сказание он составил по руководству многочисленных источников. В «рассмотрении» сделаны ссылки на историков — Евсевия, Никифора Каллиста, Георгия Кедрина, Барония; приведены выдержки из творений Святителя Иоанна Златоуста, Феодорита, Феофилакта Болгарского, несколько раз упомянуты: латинский экзегет Корнелий а Lapide, Acta Sanctorum, Сурий; текст Священного Писания сравнен по Библиям — Острожской, Московской и греческой, а в одном месте указана какая-то польская книжка и «книжица посланий св. Игнатия Богоносца», присланная в 1693 г. Варлааму Ясинскому Досифеем, митрополитом Сагавским, и им же «переведенная с слянно-греческого на славянский язык». Руководствуясь этими источниками, Святитель вскрыл в «избрании» Дорофея многочисленные ошибки и пришел к тому убеждению, что «избрание оное несть истое того св. Дорофея, но иного некоего и весьма недостоверно»; составитель его неправильно определил места деятельности и кончины некоторых святых апостолов, допустил много погрешностей против свидетельства Священного Писания, включил в список апостолов четырех явных еретиков, различных лиц смешал в одно, а одних и тех же повторил несколько раз, как различных. В рукописи каждая из этих ошибок подробно разбирается, о каждом апостоле даются проверенные сведения, исключенные лица заменяются новыми, а в Чети-Минее, кроме того, число апостолов увеличивается до 72, так как в «ином евангельском своде» сказано, что Господь избрал их не 70, а 72. В примечании к сказанию этот список дополняется сведениями еще о новых 16 лицах, которые также трудились в благовестии Христовом и «достойны апостольского имени», но о которых в Прологе под этим числом нет и упоминания. В общем сказание Святителя представляет из себя работу во многом совершенно новую, составленную на основании внимательного и осторожного изучения разнообразных источников.

Вторым печатным изданием, имевшим большое значение при составлении Четих-Миней, следует считать Киево-Печерский Патерик. До Святителя Димитрия жития киево-печерских угодников редко вносились в Четии-Минеи. Святитель не последовал этому обычаю и внес в свои книги 35 житий и сказаний, связанных с Печерскою обителью, но воспользовался для этого не рукописными патериками, которые без сомнения были в Киево-Печерской Лавре, а позднейшей их переделкою — Патериком печатным, изданным впервые в 1661 г., а в 1678 г. вышедшим вторым изданием. Это второе издание и было в руках у Святителя Димитрия, причем он, занимаясь отсюда жития, не подвергал их никакой переработке, а большую часть буквально переписывал в свои Четии-Минеи. Все эти жития, кроме жития Никона Печерского¹⁸¹, 23 марта, отмечены в Четних-Миней, как взятые из Печерского Патерика, а в Прологе Святителя и в рукописях нередко проставлены и те листы, на которых нужно искать их в печатном издании этой книги. По этим-то отметкам и можно заключать, что Святитель пользовался вторым изданием Патерика.

По Библии Святитель описал жизнь святого пророка Моисея, пророка Ионы, святого апостола Филиппа (из Деяний апостолов), пророка Даниила, святого Иова Многострадального, Иосифа Прекрасного и ряда других библейских лиц.

При составлении указанных житий Библия была главным, основным источником, но к ней же обращался Святитель и тогда, когда ему приходилось описывать жизнь всех вообще упоминаемых в Библии ветхозаветных и новозаветных святых. В таких случаях он не любил пользоваться библейскими сведениями из вторых рук, а обращался к ним непосредственно и передавал самостоятельно. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить любое из относящихся сюда житий с указанными в Четии-Минее или рукописях источниками. Там, где в этих

житиях передаются сведения из Библии, мы всегда встречаем у Святителя то, чего нет в других источниках и что нашел или собрал он сам, после внимательного чтения и изучения Слова Божия. Пользуясь Священным Писанием, Святитель не избегал и его толкований,— в житиях и особенно в сказаниях довольно часто встречаются выдержки из Амвросия Медиоланского, Григория Нисского, Ефрема Сирина, Иеронима, Иоанна Златоуста и Феофилакта, причем к последним двум толковникам Святитель относится с особенной любовью и почтением. Из латинских экзегетов он пользовался сочинениями Корнелия а Лапиде, которые в количестве 10 томов имелись в его библиотеке¹⁸²; отсюда Святитель брал сведения о жизни ветхозаветных и новозаветных библейских писателей, а иногда и иной материал. В большинстве случаев Святитель довольствовался славянским переводом Библии, по Острожскому изданию, но изредка ему приходилось обращаться и к переводам иностранным. Мы уже говорили, что в «рассмотрении избрания свв. 70 апостолов» Святитель приводит два места — из Деяний и Посланий Апостольских по-гречески: 8 ноября, в слове на собор святого Архистратига Михаила, он выписывает стих из книги пророка Захарии по Иеронимову переводу; тот же Иеронимов перевод упоминается 6 января, в слове на Богоявление Господне; там же есть ссылка на перевод Симмаха, а в сказании о Рождестве Христовом, 25 декабря, изъясняя 18 стих первой главы Евангелия от Матфея, Святитель говорит, как читается это место в переводе Сирском¹⁸³. Ссылки на Симмаха и Сирский перевод, по всей вероятности, сделаны по руководству какого-нибудь пособия, но латинским переводом Святитель мог пользоваться и непосредственно.

Богослужебные книги также служили Святителю Димитрию источниками при составлении житий святых. С особенным вниманием Святитель относился к месячным Минеям. Описывая жизнь и подвиги того или иного святого, он всегда просматривал и службу ему, причем всё, что находил там фактически нового и важного, непременно вносил в свое повествование. Об этом свидетельствуют многочисленные ссылки на Служебные Минеи, встречающиеся в Четви-х-Минеях. Но эти Минеи служили Святителю не только источником новых сведений о святых,— он брал из них и чисто литературный материал, рассказывая о деяниях святых словами церковных гимнов и песнопений. Иногда песнопения даже прямо вписывались в Четви-х-Минеи. Например, в сказании о бегстве Пресвятой Богородицы в Египет (26 декабря) Святитель выписывает всю вторую стихирю на стиховне из службы святому Иакову, брату Господню (23 октября).

Некоторые жития написаны исключительно по служебным Минеям.

Из других Богослужебных книг Святитель всего чаще ссылается на Трефологион (или Анфологион), т. е. на Праздничную Минею. В первой главе сочинения мы говорили, что в Трефологионах, кроме службы, помещался и агиологический материал — краткие, а иногда и довольно обстоятельные жития великих святых. Вот этими-то житиями и пользовался Святитель. Мы сравнивали его Четви-х-Минеи с Львовским изданием Трефологиона, вышедшим в 1651 г.¹⁸⁴, и нашли, что во многих местах Святитель делает буквальные заимствования из этой книги.

Из Постной Триоди Святитель заимствовал: житие Святителя Григория Паламы, 14 ноября, «списанное от святейшего Филофея, патриарха Цареградского, в Триоди Постной в неделю вторую положенное»; житие есть близкое переложение¹⁸⁵ синаксаря на вторую неделю Великого поста; 17 февраля, сказание о чуде святого великомученика Феодора, — «от синаксаря первой субботы Великого поста». Пользовался Святитель Триодью и при составлении житий святого Иоанна

Лествичника (30 марта) и преподобной Марии Египетской (1 апреля), но она была здесь не главным источником, а только пособием.

Цветная Триодь имела меньше значения для Святителя; нельзя указать ни одного жития, которое бы составлено было только по ней. Но, описывая жизнь мироносиц (например, Марии Магдалины) и некоторых других святых (например, царницы Феофании — 16 декабря, Иосифа Обручника — 26 декабря), Святитель справлялся с Триодью и кое-что брал из ее синаксарей. 30 июня сказание о святых 12 апостолах имеет в основе подобное же сказание, приписываемое святому Епифанию, епископу Кипрскому; оно взято из Богослужебного Апостола, о чем свидетельствует ссылка в месяцеслове¹⁸⁶; здесь же Святитель указывает Корнелия а Лапиде и предисловие к посланиям апостола Павла в «Библии польской», эти книги также дали материал для рассматриваемого сказания.

Наконец, Святитель пользовался и предисловиями к Богослужебному Евангелию, где помещаются краткие сведения об евангелистах. Ссылка на такое предисловие сделана, например, 18 октября, в житии святого евангелиста Луки, и 16 ноября, в житии святого евангелиста Матфея.

Из существовавших во время деятельности Святителя Димитрия различных агиологических изданий, некоторые также упоминаются в Четиих-Минеех. Так, 25 сентября, день памяти преподобного Сергия Радонежского, Святитель в примечании к его житию ссылается на книгу жития преподобного, в Москве изданную, из которой и заимствует содержание примечания; 6 декабря в примечании к житию Святителя Николая чудотворца упоминается «Книжица о чудесах его, в Печерской обители в 1680 г. изданная». 26 июня, пред сказанием об иконах Богоматери «Одигитрия» и «Римляныня», Святитель пишет, что заимствовал их «от сборника печатного Московского», и указывает даже листы: для первого сказания — 340 и 366, для второго — 341 и 367. Мы просматривали Сборник, изданный в Москве в 1647 г., но там нашли только второе сказание «о чудесах Пресвятой Богородицы от иконы Ея Римляныни» (л. 338 об.). Так как в Четиих-Минеех сказание об Одигитрии, кроме ссылки на Сборник, имеет еще ссылку на Никифора Каллиста (XIV, 2 ч.), Небо новое (л. 82) и Великие Чети-Минеи (августа 1-го, л. 11) и в последних есть подобное же сказание об этой иконе, то не эти ли Минеи служили здесь источником для Святителя? Из Никифора Каллиста и книги Иоанникия Голятовского он дополнил рассказ Великих Четиих-Миней. Небо новое и еще несколько раз упоминается в Четиих-Минеех (1 сентября, 26 декабря, 8 августа), но самостоятельного значения эта книга не имела, и Святитель пользовался ею только как пособием, внося отсюда отдельные эпизоды в свой рассказ, составляемый по другим источникам.

Использовал Святитель, работая над Четиими-Минееми, и агиологический сборник Анфологион, изданный в Москве в 1660 г. Из него он взял житие святой великомученицы Екатерины, 24 ноября, и составил по нему не только первую часть своего жития, где сделана ссылка на Анфологион, но и вторую, которая отмечена Метафрастом. Правда, Метафрастово житие в латинском переводе было у Святителя в сборнике Сурня и на последнего в первом месяцеслове есть ссылка (VII т., 624 с., ср. Пар. гр. 116 т., 275 с.), но в Анфологионе вторая половина жития святой Екатерины представляет из себя почти буквальный перевод той же Метафрастовой редакции, и Святитель, вместо того, чтобы самому переводить латинский текст, воспользовался здесь готовым славянским переводом. Кроме жития святой Екатерины, Святитель более на Анфологион не ссылается. Но там имеются еще жития святого мученика Феодора Стратилата (память 8 февраля) и святого блаженного Алксия, человека Божия (память 17 марта). Сравнение

этих житий с находящимися в наших Четиих-Минеех дает основание предполагать, что Святитель и здесь пользовался Анфологионом. В житии святого Феодора Стратилата, главным источником которого было Метафрастово житие из сборника Сурия, некоторые отступления от Метафраста находят себе оправдание в Анфологионе. Например, Метафраст пишет, что число обратившихся ко Христу с святым Феодором воинов было «octoginta», у Святителя, как и в Анфологионе — 72; у Метафраста нищий нес «тапит» (руку) богини Артемиды, — в Анфологионе и у Святителя — «главу»... Из Анфологиона же взяты и те дополнения, которыми Святитель в некоторых местах расширяет повествование Метафраста.

Еще ощутительнее влияние Анфологиона сказывается на житии святого Алексия, человека Божия. В Четиих-Минеех сказано, что это житие заимствовано «от Метафраста и Четиих-Минеех». Житие Метафрастово находится в сборнике Сурия (т. IV, с. 221), который процитирован в месяцеслове. Но и у Сурия, и в Великих Четиих-Минеех (март, л. 395), и в Анфологионе, по-видимому, одна и та же, так называемая «греко-латинская»¹⁸⁷ редакция жития, имеющая, впрочем, в каждом из этих сборников некоторые, иногда и существенные особенности. При сравнении труд Святителя во многих местах очень сходен с житием в Анфологионе как в фактах, так и в изложении, но имеет и особенности. У Святителя есть имя халтулария (Аэтий), читавшего царю, папе и народу грамоту, написанную блаженным Алексием перед кончиной, — в Анфологионе его имени нет; Святитель пишет, что святость и благочестие преподобного открыты были в видении пономарю того храма, у врат которого святой Алексей просил милостыню, — в Анфологионе о пономаре нет и упоминания; в ином порядке и пространнее переведены в Анфологионе и те сетования, какими выражают свое горе отец, мать и жена блаженного после его ухода и смерти. Можно поэтому думать, что при составлении разбираемого жития, кроме Анфологиона, Святитель пользовался еще Сурием и Великими Четиими-Минеех, где и имя халтулария, и эпизод о пономаре имеются.

Мы указали все важнейшие источники житий святых в Четиих-Минеех Святителя Димитрия и указали те жития, содержание которых не отличается в этом отношении особенною сложностью. Жития, при составлении которых Святитель обращался к нескольким источникам и где каждый из этих источников оказывал важное, существенное влияние на работу Святителя Димитрия, мы решили выделить в особую группу. Таких житий довольно много, и их анализ показывает, какую большую работу пришлось провести Святителю, собирая по крохам материал из разных известных ему источников, на которые он и указывает.

Таким же путем составлены рассказы о христианских праздниках и событиях из жизни Божией Матери и Христа Спасителя. Святитель собрал здесь все сведения, какие сохранились в Священном Писании, Священном Предании и древней христианской письменности, и изложил их в виде связных, истолковательного характера бесед и рассказов, стараясь не только в полноте передать все подробности воспоминаемого Церковью священного события, но и раскрыть его смысл, его значение для христианина.

Однородность предметов содержания и одинаковая литературная форма обуславливают общность и источников для этих повествований. В них очень часто приходится встречать выдержки из одних и тех же произведений святоотеческой литературы, ссылки на одни и те же сочинения, даже одни и те же факты¹⁸⁸. Чтобы определить основные, главнейшие их источники, возьмем как пример сказание о Рождестве Господа Иисуса Христа. Оно написано в форме беседы на второе зачало евангелия Матфея и шестое Луки и, соответственно этому, де-

дится на две части. В первой, где передаются события, предшествовавшие рождению Спасителя, обращается особое внимание на те чувства, которые переживал старец Иосиф, увидя святую Деву непраздную, и на доказательства, свидетельствующие о приснодевстве Марии. Чтобы изобразить волновавшие праведного старца чувства, Святитель пользуется творениями святых отцов и церковными песнопениями на праздник Рождества Христова и приводит из них обильные выдержки, точно указывая на полях и в тексте, откуда заимствована выдержка и далеко ли она простирается. Чтобы доказать приснодевство Богоматери, Святитель подробно разбирает 20—25 ст. 1-й главы от Матфея, приводя также свидетельства святых отцов Церкви и толкователей Священного Писания. Первая часть заканчивается апокрифическим рассказом о том, как по донесению книжника Аннина испытана была непорочность и чистота Девы Марии чрез питье клятвенной воды.

Вторая часть начинается географическим описанием Вифлеема, а затем передается и совершившееся здесь, в убогом вертепе, рождение Господа Иисуса Христа с сопровождавшими его чудесными событиями. Рассказывая об этом, Святитель снова обращает внимание на то, что Пресвятая Дева родила Господа без повреждения девства и безболезненно, приводя опять выдержки из творений святых отцов, церковных песнопений и апокрифов. Пользуясь выражениями церковных песней, он описывает далее поведение и чувства Богоматери в это время, упоминает об окружавших убогие ясли ангелах, говорит об осле и воле, согревавших Божественного Младенца своим дыханием, и о том, как вел себя тогда и что переживал праведный старец Иосиф. В конце второй части указывается время, когда совершилось Рождество Господа Спасителя и перечисляются сопровождавшие его чудеса. Время определяется на основании свидетельства отцов шестого Вселенского Собора, а из чудес, кроме описанного в Евангелии явления ангела пастырям Вифлеемским, упоминаются и некоторые другие, заимствованные из апокрифов. С разобранным сказанием однородны другие рождественские сказания (о поклонении волхвов, о бегстве в Египет), слова на Сретение Господне, Благовещение, Преображение и синаксари.

В тех случаях, когда не было Евангельских сведений, Святитель обращался к преданию, заимствуя его у церковных историков (главным образом, у Георгия Кедрина и Никифора Каллиста), в творениях отцов и учителей Церкви, в Прологе и Богослужебных книгах. В этом отношении особенно интересно сказание о Успении Богоматери. Оно состоит из двух частей, — в первой передается история, собственно, успения и погребения и описываются, на основании свидетельств Амвросия Медиоланского (*de virginibus*, II, 2) и Никифора Каллиста (II, 23), нравственный характер и физические черты Богоматери, — во второй излагается ее жизнь и деятельность после вознесения на небо Господа Спасителя. В первой части нет выдержек из источников, но пометка в начале сказания: «собрано от свв. Отцов и достоверных писателей» — показывает, что сообщаемые здесь сведения также заимствованы у различных отцов и учителей Церкви¹⁸⁹, но только изложены Святителем в виде связного и последовательного рассказа, а не в подлинных отрывках и выдержках. Во второй части, напротив, преобладают подлинные выписки из Игнатия Богоносца (послание к апостолу Иоанну), Стефана Святоторца, Иоанна Солунского и др., причем все они точно указаны в тексте сказания. Повествованию о успении подобны сказания: о введении Богоматери во храм и об убийстве младенцев.

Разобранные нами повествования о Рождестве Христовом и Успении показывают, что главными источниками для Святителя были Священное Писание (Евангелия и кн. Деяний) и творения святых отцов и учителей Церкви, Богослужебные книги и апокрифы. Остановимся

прежде всего на последних. В повествованиях Святителя имеются сведения, впервые появившиеся в «Первоевангелии апостола Иакова», в «истории детства Иисуса Христа», в «истории Иосифа», в «Евангелии о рождении Марии» и других апокрифических сочинениях. Где взял их Святитель Димитрий? Известно, что древнеславянская литература была богата апокрифами. Некоторые из них попали даже в Четьи-Минеи митрополита Макария (например, Первоевангелие под именем «Слова на Рождество Пресвятой Богородицы апостола Иакова», сент. в. 1, 352 с. и многие другие). Встречались апокрифы и в старопечатных книгах. Святитель не раз, например, ссылается на Маргарит, где находится пространное слово на Рождество Богоматери, полное апокрифических сведений о Ее жизни. Но нам думается, что апокрифический элемент Святитель черпал, главным образом, из западных — латинских и польских изданий, у историков Георгия Кедрина и Никифора Каллиста и из южнорусских сочинений XVII в. Много апокрифического материала дал Святителю Бароний. Сравнение повествования о Рождестве Богоматери в ВЧМ показывает, что и Первоевангелие Иакова было у Святителя в иной — неславянской редакции. В описи оставшихся после Святителя книг значатся польские издания: «Житие Пресвятой Девы Марии» и «Житие прехвальной Марии», изданное в 1648 г. в Кракове¹⁹⁰. Может быть, они и были здесь источниками для Святителя. Много апокрифических сведений дала и книжка И. Голятовского «Небо новое», на которую Святитель ссылается в Четьих-Минеех несколько раз и, между прочим, 26 декабря, в сказании о бегстве в Египет. Необходимо, однако, заметить, что, пользуясь апокрифами, Святитель относился к ним с осторожностью и брал из них в Четьи-Минеи только то, что носило характер естественности, полезно было для назидания и не противоречило чувству православного христианина.

Гораздо шире и глубже использовал Святитель при составлении праздничных слов и сказаний святоотеческую литературу. Знакомясь с Четьими-Минеей, приходится поражаться той начитанности, какую обладал Святитель в этом отношении. В праздничных словах и сказаниях выдержки из творений святых отцов следуют иногда непрерывно, одна за другой, и представляют как бы золотую цепь, сотканную в честь праздника трудолюбивым писателем житий.

Сильное влияние на праздничные слова и сказания оказали и составленные в честь праздников церковные песнопения. Святитель с удивительной любовью изучал их, выбирая всё, что давало фактический материал или способствовало живости и назидательности рассказа. В его изложении мы встречаем не только отрывки из песнопений праздника, его предпразднства и попразднства, но и целые сцены, составленные на основании службы или по ее примеру. Так, в слове на Благовещение приводится беседа Архангела Гавриила с Пресвятою Девой, написанная по примеру и под сильным влиянием канона на этот праздник; 23 сентября, в слове на зачатие святого Иоанна Предтечи, между Архангелом и Захариею ведется диалог, подобный диалогу в стихирах на Господи, воззвах, на стиховне и некоторых песнях канона в службе на этот день. Праздничная Минея, вообще, имела высокое достоинство в глазах Святителя, он старался как можно теснее связать с нею свои повествования и всё, что сообщала она, считал за непререкаемую истину.

Как ни обильны были источники праздничных слов и сказаний, всё же многое в них мы должны отнести и к творчеству самого Святителя Димитрия. Движимый глубоким религиозным чувством, он, чтобы сильнее подействовать и растрогать сердце своих читателей, вкладывал в уста описываемых лиц свои речи, старался изобразить их душевное состояние, в восклицаниях и отступлениях выражал свой вос-

торг, свое умиление по поводу описываемого и вносил в рассказ сердечность и теплоту своей смиренной, с детства преданной Богу души. Оттого все эти сказания проникнуты одним духом, одним настроением и могут считаться прекрасными и самостоятельными творениями Святителя Димитрия.

Слов с чисто гомилетическим содержанием в Четиих-Минеях немного. Из них одни составлены великими отцами Церкви и взяты Святителем или у Сурия, или в иных сборниках¹⁹¹, другие не имеют указаний на их авторов и, вероятно, написаны или самим Святителем, или кем-либо из южнорусских проповедников того времени. Об этом свидетельствуют их содержание и характер. Все они отличаются искусственностью построения и аллегоризмом; на всех сказывается сильное влияние юго-западной теории гомилетики, составленной Иоанником Голытовским; во всех, несмотря на их высокое витийство и многоучность, мало назидательного и близкого сердцу, а поэтому в Четиих-Минеях они являются наименее ценным материалом¹⁹². Более понятны и важны в этом отделе слова на день святого Архистратига Михаила (8 ноября) и на начало индикта (1 сентября); в первом, на основании Библии и книги «О небесной иерархии», приписываемой Дионисию Ареопагиту, даются сведения об ангельских чинах и их служении роду человеческому¹⁹³, во втором объясняется повод и смысл установления празднования новому лету 1 сентября.

Мы разобрали все агиологические и дидактические произведения, входящие в состав Четиих-Миней, и указали их источники. Произведенная нами работа с достаточною ясностью показывает, что между действительными источниками Четиих-Миней и теми, которые показал Святитель Димитрий в своих книгах, нет полного соответствия. В частности, подлинных греческих источников он совсем не имел, а пользовался латинскими переводами их из различных западных агиологических изданий. Почему в Четиих-Минеях он указал первоисточники, а не эти издания, — на это ясный ответ дает уже изложенная нами в первой главе исследования история составления Четиих-Миней и их печатания. Великий труд Святителя Димитрия появился на свет в то время, когда Украина была присоединена к Москве и когда патриарх Московский простирает уже свою властную руку на Киевскую митрополию. Имея в лице патриарха Иоакима сторонника Московской антилатинской партии, подозрительно относящегося к юго-западным ученым и сурово карающего их даже за невинные симпатии к Западу, в Киеве поневоле должны были скрывать эти симпатии и не обнаруживать ту тесную связь, которая существовала тогда между Западной Европой и Украиной. То же приходилось делать и Святителю Димитрию. Работая над Четиими-Минеями, главным образом, по латинским источникам, и он, вероятно, по совету своего руководителя, осторожного митрополита Варлаама Ясинского, не показал их в своих книгах, а сослался на первоисточник, на тех греческих агиографов и церковных писателей, к которым в Москве не могло быть никакого недоверия. Эта уступка обстоятельствам времени была тем более невинна, что была обычным явлением в то время, а кроме того, и латинские издания представляли из себя большую частью буквальный перевод тех же греческих писателей и агиографов.

Разбор житий святых со стороны их источников показал нам и другую особенность ссылок Святителя Димитрия. Мы установили, что некоторые авторы указывались Святителем в цитатах только как свидетели, как лица, писавшие о тех же людях и событиях. В следующей главе нам придется подробно говорить о значении этого факта, а теперь отметим только то, что он, равно как и вся работа по собиранию материала для житий, обрисовывает нам Святителя Димитрия, как замечательного книжника-трудолюбца. Сколько книг собрал он

для своего любимого труда! Сколько изучил и просмотрел капитальных агиографических и церковноисторических изданий! Сколько внимания и прилежания проявил при составлении каждого, даже самого малого жития и сказания! Правда, любовь к книгам и обширная начитанность являются обычными чертами, характеризующими юго-западных ученых XVII в. Но у Святителя Димитрия эти качества были особенно изумительны. С точки зрения полноты использованной им агиологической литературы, мы не можем сделать Святителю ни одного упрека, — он привлек всё, что могла она дать ему в то время, и изучил собранный материал внимательно и добросовестно. Недаром, по выходе из печати, его Четии-Миней отмечены были в украинской летописи как выдающееся историческое событие и, встреченные похвалами современников, до сих пор остаются незаменными и самыми полными пособиями по агиографии в нашей Церкви.

Глава третья

В последней главе нашей работы мы намерены охарактеризовать Святителя Димитрия как писателя-агиографа и выяснить те правила, которыми он руководствовался, составляя жития святых для Четиих-Миней. Христианская агиография до Святителя Димитрия пережила и в Греции и на Руси долгую историю. Она, как мы говорили¹⁹⁴, скопила большое количество агиологического материала и выработала несколько форм для описания жизни и подвигов святых. На юго-западе России, где Святитель Димитрий начал свой труд составления Четиих-Миней, без сомнения, знали эти формы по тем переводам греческих житий и тем оригинальным житиям, которые находились в различных рукописных сборниках и печатных книгах, существовавших на Юго-Западе и проникавших сюда из России. Святитель Димитрий, конечно, знаком был с этой агиографической литературой и, приступая к составлению Четиих-Миней, не мог быть совершенно свободным от тех традиций, которые приняты были тогда в агиографии. Кроме того, нельзя забывать, что составленные Святителем жития не являются в строгом смысле самостоятельными произведениями, написанными на основании критического изучения различных источников, а в громадном большинстве представляют из себя переложения житий, ранее составленных различными агиографами. Вполне естественно, что, делая эти переложения, Святитель Димитрий удержал в своей работе многие черты тех оригиналов, которые пересказывал. Это сказалось, например, в тех названиях, какие дает Святитель своим переложениям. Следуя выработанным в агиографии формам, он одни из этих переложений называет «житиями» или «житием и страданием», другие — только «страданием», третьи — «памятью», при этом если термин «житие» более или менее точно соответствовал греческой форме *βίος*, то «страдание» отвечало тому виду повествования о святых мучениках, какой утвердился в Греции после реформы Симеона Метафраста; это было описание не только тех мучений, какие перенес святой мученик, но, по возможности, и рассказ о всей его жизни. «Памятью» называл Святитель те свои переложения, которые брал из Пролога и других подобных агиографических сборников, где не было полных сведений о жизни и подвигах святых.

Влияние старых традиций сказалось далее и в самом взгляде Святителя Димитрия на Четии-Миней, как сборник житий святых. Из слов Святителя видно, что по его понятию Четии-Миней не историческое сочинение, цель и назначение их состоят не в том, чтобы сообщить точные и строго проверенные факты из жизни того или другого прославленного Церковью угодника Божия, а в том, чтобы преподать читателю назидательное, душеполезное чтение, чтобы возбудить в нем

преклонение пред добродетелью и пред тем, кто был ее носителем на земле. Напрасно мы стали бы думать, что Святитель Димитрий не знал или не понимал характера строго исторического сочинения. Для него, так хорошо знакомого со всеми греческими и многими латинскими историками и так любившего историю, без сомнения, хорошо были известны те требования, которые предъявляются к строго историческому сочинению. «Вем,—пишет он митрополиту Стефану Яворскому в письме от 11 декабря 1707 г.,—в книгописательстве иное есть быти историком, иное толкователем, иное нравоучителем»¹⁹⁵. И действительно, если сравнить чисто исторические труды Святителя с его Четьими-Минеями, то там и здесь мы увидим совершенно разные приемы и цели работы. Особенно интересно просмотреть для этого такие, например, работы Святителя, как «Рассмотрение и исследование лет Рождества Христова»¹⁹⁶, или «Рассмотрение о лете скончания преподобной Марии Египетской»¹⁹⁷. Святитель здесь ищет истины, изучает и сравнивает источники, опровергает и доказывает. В Четьих-Минеях тот же элемент хотя и присутствует, но в очень слабой степени; повествования о жизни святых здесь составляются и собираются не для удовлетворения научной любознательности, а для того, «да возмогут нас пользовати и наставляти на вся добрая дела, и приводити ко пристанищу спасения, аще точию неленостно я по вся дни и внимательно прочитовати будем»¹⁹⁸. О духовной пользе, о назидании, как цели своих трудов по составлению житий святых, Святитель много раз говорит и в Четьих-Минеях. А такой взгляд выработался, как известно, в Греции и, перенесенный оттуда в Россию, утвердился здесь и получил почти обязательную силу в эпоху Московского митрополита Макария.

Влияние принятых в агиографии традиций сказалось и в некоторых приемах работы Святителя Димитрия. Всякий, кто принимался за составление жизнеописания святого угодника Божия, считал необходимым изложить непременно всю его жизнь, с детства до кончины, и где не хватало фактического материала, заменял его привычными, выработанными в агиографии фразами и предложениями. Тот же прием можно находить и в труде Святителя Димитрия. Правда, он не примешивается здесь с безусловною необходимостью, но всё же у составителя есть стремление описать непременно всю жизнь святого и, где мало материала, он прибегает к подобному же способу изложения. Из относящихся сюда примеров приведем следующие¹⁹⁹. 9 апреля Святитель поместил в Четьих-Минеях житие святого мученика Евпсихия. Источником для него служили *Acta SS.* (апрель I, 822), где в историческом комментарии собраны сведения о святом из истории Созомена, Минология императора Василия и западных мартирологов. Эти сведения передают лишь отдельные факты из жизни святого мученика и характера связного изложения не имеют.

Святитель составляет для Четьих-Миней полное житие и, за недостатком фактов, так, например, характеризует поведение святого в юности: «св. мч. Евпсихий рожден и воспитан бе от честного патрикийского благородия и провождаше непорочно в целомудрии христианством лета юности своея, седину имуще разум и возраст старости житие нескверное»²⁰⁰. 12 мая, описывая на основании материала, собранного в тех же Актах (май III, 155), жизнь Святителя Германа, архиепископа Константинопольского, Святитель дает такую характеристику его подвижничества: «живяше св. Герман, яко ангел Божий, от всякого земного пристрастия и мирские суеты удален, весь же ум к Богу вперен имеяй, и всегда хвалу Господню во устех посяй, и прилежа чтению книг Божественных во дни и в ночи, откуда и премудрости глубину исследова и почерпе животных Богодухновенных учений воды»²⁰¹... Интересно в этом отношении также житие святых девяти мучеников кизических, составленное Святителем по просьбе пат-

риарха Адриана. Цветистый язык этого жития и многие фразы и предложения несут явные следы влияния тех требований, которые предъявлялись в то время к житию московскими книжниками²⁰². Вообще, черты сродства с господствовавшей в то время и у нас, и в Греции агнографической школой у Святителя Димитрия, несомненно, есть, но всё же его никак нельзя причислить только к талантливым последователям этой школы,—в его работе так много нового, своеобразного и оригинального.

Чем же обуславливались эти новые черты в творчестве Святителя Димитрия?

Одной из причин было влияние такого опытного и умелого агнографа, как Петр Скарга, книга которого, как указывалось выше, отличалась высокими художественными достоинствами и была очень популярна в Южной Руси.

Когда киевские ревнители Православия получили, наконец, возможность приняться за составление своих Четних-Миней, им, чтобы парализовать влияние «Żywoty» Скарги, нужно было создать книгу, не только обладающую всеми достоинствами этого сочинения, но и превосходящую его. Ввиду этого всякий, кто брался за составление Четних-Миней, едва ли мог совершенно игнорировать сборник Скарги. Пусть он написан был иезуитом и преследовал задачи ненавистной православным унии, его положительных сторон и достоинств нельзя было отрицать,—и молодому, начинающему агнографу многому можно было поучиться у опытного и искушенного в литературе Скарги. Не отстранил от себя книгу Скарги и смиренный иеромонах Димитрий, которому поручено было написать славянские жития святых. Как можно судить по одному экземпляру «Żywoty» Скарги, сохранившемуся в оставшейся после Святителя библиотеке²⁰³, он внимательно читал эту книгу и часто справлялся с нею во время своей работы. То и дело встречающиеся на полях и в тексте подчерки служат явными показателями этого. При таких условиях довольно трудно было остаться совершенно независимым,—и влияние Скарги действительно сказывается на работе Святителя Димитрия.

Чтобы убедиться в этом, достаточно даже беглого, поверхностного сравнения наших Четних-Миней с «Żywoty» Скарги. Черты сходства видны здесь и в общей структуре житий и в приемах пользования источниками. Так, Скарга берет материал у Липомана и Сурия, а ссылается на Метафраста и другие первоисточники. Не то же ли самое делает и Святитель Димитрий? И странно было бы укорять Святителя за то, что он не показал в Четних-Минях своих действительных источников. Этого он не мог сделать не только из-за строгости московской цензуры, но и потому, что с латинскими источниками книги его не имели бы успеха и на Юго-Западе, где никто почти не знал Сурия и Липомана и где даже писатель-католик не считал удобным и выгодным сослаться на них. Скарга собирает разнообразные источники и свободно оперирует с ними. Множество источников собирает и Святитель Димитрий и при этом не только равняется с Скаргой, но и значительно превосходит его. Что касается пользования источниками, то ниже мы увидим, как много свободы и самостоятельности проявил тут Святитель Димитрий и как близки в этом отношении его жития к житиям Скарги. Скарга, наконец, внес в рассказы о святых много личного элемента, изложил их образным, изящным языком, оживил художественными описаниями... Те же черты найдем мы и у Святителя Димитрия.

Но, отмечая это сходство и устанавливая несомненное влияние Петра Скарги на Святителя, как писателя житий, мы всё же должны сказать, что Святитель Димитрий — не простой подражатель и тем более не переводчик Скарги. Он многому научился у знаменитого польского агнографа, многое у него заимствовал, что и сделало его Четни-

Минеи так мало похожими на древнеславянские и московские сборники житий,— но эти уроки и заимствования он претворил в свои личные качества и окрасил чертами своего природного ума и писательского таланта.

Положение Святителя Димитрия, как православного агиографа, как противника унии и католичества, побуждало его не столько подражать Скарге, сколько искать своих путей и разрабатывать собранный материал самостоятельно. Вот почему и в подборе источников, и в способе изложения мы, и после сравнения с Скаргой, находим у Святителя Димитрия так много самостоятельного, что должны приписать уже его собственному искусству и темпераменту. Эти-то своеобразные черты мы, главным образом, и постараемся выяснить в нашем дальнейшем изложении.

Чтобы составить Четии-Минеи, Святителю Димитрию необходимо было написать на каждый день года или одно, или несколько житий прежде всего общехристианских святых. Древнерусский агиограф, когда ему предстояла та же задача, легко справлялся с нею. Он брал для этого из богатой греческой сокровищницы нужное ему житие и буквально, слово за словом, переводил его. Если имелось несколько редакций одного и того же жития, русские книжники переводили их все, а разбирать, переделывать и по-своему комбинировать имеющийся у них материал не решались. Самым ярким доказательством в пользу сказанного могут служить Четии-Минеи Московского митрополита Макария. Этот замечательный любитель агиологии собрал в свои книги множество славянских переводов с греческого и часто под одним числом помещал несколько редакций одного и того же жития. Никаких переделок или переработок житий, кроме словесного исправления, он, по-видимому, не допускал. Святитель Димитрий, разрешавший подобную Макарьевской задачу, поступил не так. Он дал не переводы, а пересказы житий, и притом не по одному источнику, а по нескольким. Этим способом работы Святитель, полагаем, обязан Скарге, который также, после внимательного изучения источников, дал в своей книге пересказы житий, полные индивидуального почина.

Мы не знаем, как велико было количество использованных Скаргой источников, но, по-видимому, он не ограничивался Липоманом и Сурием, а обращался и к другим, существовавшим тогда на Западе агиологическим сборникам. Святитель Димитрий поставил то же дело значительно шире: он, как мы видели, собрал для своего труда всё более или менее выдающееся, что существовало и можно было достать из области агиологии в его время. Чтобы не оказаться слабее своего противника, Святитель не погнушался и западной литературой,— напротив, ее-то он, воспитанный в школе юго-западных православных писателей, и поставил в своих занятиях во главу угла.

Наученные долгой борьбой с иновением, юго-западные поборники Православия чужды были московских косности и фанатизма. Они не считали у латынян всё ложным и еретическим. Старательно изучая своих противников, они охотно заимствовали у них то, что считали полезным для защиты православной веры, и на западноевропейской основе возводили здание своей национальной литературы. По той же дороге шел и Святитель Димитрий. Он не только не находил ничего опасного в том, чтобы пользоваться трудами латинских агиологов, но и выражал им явно внимание и уважение. Он, например, внес в списки учителей, писателей, историков и повествователей, по которым составлял свои Четии-Минеи, блаженного Иеронима, отца римско-католической науки, и стойко отстоял уместность этого против возражений патриарха Иоакима²⁰⁴. Как на источник своих житий, он там же сослался на «Римское мученикословие» и несколько раз процитировал его при житиях святых²⁰⁵. 29 мая, в житии святой мученицы

Феодосии, девицы Тирския, Святитель привел целый эпизод из «римского повествования» и, не скрывая, отметил это в житии. Во многих местах Четних-Миней он изложил латинские, несогласные с православным пониманием мнения о лицах и событиях и в одних случаях спокойно опроверг их²⁰⁶, в других передал, как достойные внимания и вероятия²⁰⁷.

Но, отдавая дань уважения латинским агиографам и обильно черпая у них материал для Четних-Миней, Святитель Димитрий не оставил без внимания и славянскую агиографическую литературу. Как мы видели, он собрал значительное количество и печатных и рукописных славянских сборников и затратил на это немало энергии и труда. Особенно поучительна в этом отношении история получения из Москвы Великих Макарьевских Четних-Миней. Мы знаем, что, начиная с Иннокентия Гизеля, киевские ревнители Православия, задумав издать славянские Четии-Миней, усиленно добиваются этих замечательных книг. Неоднократно пишет патриархам о присылке их и Святитель Димитрий. Для него, имеющего в руках такие богатые агиографическим материалом латинские сборники, как книги Сурия, Росвейда и *Acta Sanctorum*, особой нужды в новых источниках, по-видимому, не должно было и быть. Эти издания могли дать материал вполне достаточный для полного круга Четних-Миней. Почему же Святитель Димитрий не ограничивается ими? Почему, вслед за своими руководителями, он усердно просит Макарьевских Четних-Миней и старательно собирает славянскую агиографическую литературу?

В славянских сборниках, особенно в Великих Четних-Минеях, Святитель мог найти много нового материала, в латинских и польских источниках отсутствующего. Прежде всего это необходимо сказать о житиях русских святых. И в литературе распространено мнение, что славянские Четии-Миней нужны были Святителю для описания жизни и подвигов отечественных святых²⁰⁸. Однако такое мнение нельзя признать вполне удовлетворительным. Мы уже говорили²⁰⁹, что до переселения на север Святитель очень мало интересовался великороссийской агиологией. Его более занимали жития киево-печерских угодников Божиих, но для них прекрасным пособием был уже существующий в печати Печерский Патерик. В первую книгу Четних-Миней Святитель внес только девять житий великороссийских святых, но и из них по Великим Четним-Минеям написаны лишь три, остальные взяты из Пролога и других источников. В следующих книгах таких житий значительно больше, но источниками для них опять служат не Макарьевские Миней, а Пролог, Анфологион и различные рукописные сборники. Вообще, из общего количества находящихся в Четних-Минеях житий русских святых по Великим Четним-Минеям написаны только 16, и поэтому едва ли правильно утверждать, что эти Миней нужны были Святителю Димитрию только как пособие при работе по русской агиографии. Святитель использовал Макарьевские Миней и в этом отношении, но значение их для его труда этим далеко не ограничивалось.

В Великих Четних-Минеях и в некоторых славянских рукописях можно было, далее, найти немало нового материала и по общехристианской агиографии. Здесь довольно часто встречались новые редакции житий, а иногда и совершенно неизвестные западным агиографам жития, не попавшие в их сборники. Особенно обильны были таким новым материалом Макарьевские Четии-Миней,— и Святитель Димитрий довольно часто им пользовался. Однако опять нельзя сказать, чтобы потребность в Великих Четних-Минеях вызвана была этим, что они нужны были Святителю только как дополнение, как сборник нового агиографического материала при изданиях латинских. Если бы это было справедливо, тогда бы мы нашли в Четних-Минеях Святителя Димитрия значительно большее количество подобных житий и он не

стал бы так часто пропускать их, оставляя без внимания. Наконец, и ссылки на Великие Четии-Минеи и другие славянские источники мы встречаем у Святителя Димитрия чаще всего при тех житиях, обильный материал для которых давали источники иностранные. Очевидно, нужда в Великих Четиих-Минеях указанными потребностями не ограничивалась и в Киеве руководились другими побуждениями, когда так усердно просили их у Москвы.

Нам думается, что при всем уважении к западной науке и при всех заимствованиях из нее и Святитель Димитрий, и его предшественники и руководители никогда не забывали, что это наука католическая, что в ней проводятся мнения и взгляды уклонившегося от правой веры римского Костела. Поэтому пользоваться этой наукой надо осторожно, и не худо сочинения латинских и польских писателей проверять, если не по греческим, то хотя бы по славянским печатным изданиям и рукописям. Для проверки иностранных источников нужны были киевлянам и Великие Четии-Минеи. В этом богатейшем и единственном по полноте славянском сборнике христианской агиографии они надеялись найти всё, что располагали поместить в свои Четии-Минеи и чем намерены были воспользоваться из источников иностранных. В этом слиянии славянских и латинских источников киевляне выполняли свою определенную историей национальную задачу, и это, главным образом, придавало агиографической деятельности Святителя Димитрия ту своеобразную особенность, которая резко отличала его от польского агиографа Скарги.

Достоверность высказанного нами мнения имеет не только априорные основания. Об этом свидетельствуют и сам Святитель Димитрий, и его руководители и покровители. Обращаясь к патриарху Адриану с просьбой о присылке Четиих-Миней, Святитель говорит, что они нужны ему «согласия ради пишемых им житий святых»²¹⁰. Гетман Самойлович в письме к князю В. В. Голицыну выражается, что Четии-Минеи митрополита Макария нужны киевским ученым при составлении житий святых «для лучшего о всем исследовании»²¹¹; митрополит Варлаам Ясинский в предисловии к читателю благочестивому при первой книге житий святых также утверждает, что они написаны «по зводу с великих Миней-Четиих» и что эти Минеи присланы были патриархом Иоакимом в Киев «согласия ради пишемых здесь житий святых». Наконец, в этом убеждает нас и анализ составленных Святителем Димитрием житий.

Однако, прежде чем давать такой анализ, постараемся охарактеризовать отношение Святителя к источникам иностранным и определить, какое значение имели они в его глазах. Это, с одной стороны, даст нам некоторые новые черты для характеристики Святителя Димитрия, как писателя-агиографа, с другой — лучше оттенит и влияние на его работу славянских источников, в особенности Великих Макарьевских Четиих-Миней.

Дать один общий строго определенный ответ на поставленный вопрос довольно трудно. Отношение Святителя Димитрия к источникам определялось не только его вкусом и склонностями, но и условиями работы. В первые годы занятий над Четиими-Минеями Святитель, как известно, испытывал некоторый недостаток в источниках. Ни *Acta Sanctorum*, ни Великих Четиих-Миней у него не было, и дело приходило вести только при пособии *Сурня*, *Vitae Patrum* Росвейда и разных других сборников агиологического и исторического содержания. Самым полным и солидным из этих пособий был сборник *Сурня*. Он давал расположенный по месяцеслову агиологический материал на весь год и, — что особенно было важно, — многие из находящихся в нем житий были в редакции Симеона Метафраста, следовать которому побуждали Святителя и завет приснопамятного митрополита Петра Мо-

гилы и пример Скарги. Не удивительно поэтому, что в первое время Сурий и занял главное положение в работе, стал основным, наиболее влиятельным источником Четиих-Миней. По Сурию, как мы знаем, Святитель составил и свой первый месяцеслов, в котором отметил весь материал, годный к помещению в Четиих-Минейх из этого сборника. Просматривая месяцеслов, мы видим, что Сурий мог служить пособием для составления житий почти на каждый день года, особенно обильны ссылки на него в первые шесть месяцев (сентябрь — февраль), здесь очень редко встречаются дни без цитат и ссылок на Сурия.

Однако, если мы станем сравнивать эти цитаты с самим сборником Сурия, то увидим, что Святитель Димитрий отмечал далеко не весь находящийся у Сурия агиологический материал, а подвергал его тщательному разбору. Как мы уже указывали, наибольшее количество занесенных в месяцеслов цитат относится к житиям, приписанным Сурием Симеону Метафрасту. Из других житий отмечаются лишь те, которые составлены греческими же агиографами, или заимствованы Сурием из различных древних кодексов и мартирологов. Житий, принадлежащих перу латинских агиографов, отмечено в месяцеслове не более трех, но и они передают сведения о жизни тех святых, которые исконно почитались в Православной Церкви и были поборниками и защитниками правой веры²¹².

Но тщательная осторожность Святителя этим не ограничивалась. Указав в месяцеслове годный для использования материал по книгам Сурия, Святитель во время работы подверг его новому пересмотру и многие из отмеченных житий и сказаний оставил, заменив их заимствованными из других источников. Думается, что в некоторых случаях причиной отстранения Сурия было не только нахождение других, более удовлетворивших Святителя источников, но и сомнение в чистоте и правильности сообщаемых Сурием сведений. Так, 4 и 24 сентября, 9, 25 и 26 декабря, 1 января и т. д. в месяцеслове есть ссылки на Сурия²¹³, но в Четиих-Минейх помещенные под этими числами жития и сказания написаны не по Сурию, а по другим источникам. Сделанное 26 декабря, после жития святого Иосифа Обручника, замечание дает нам право предполагать, что в этом случае, а может быть, и во всех только что нами указанных, Сурий отложен был потому, что его сказание проводило католические взгляды и тенденции и не согласовалось с традицией православной. Согласие с этой традицией являлось, следовательно, главным критерием при выборе и оценке заимствуемого у Сурия агиологического материала. Что хотя бы в незначительной степени уклонялось от нее, Святитель отвергал, строго охраняя чистоту и неповрежденность предания Православной Церкви.

Эта черта, характеризующая отношение Святителя Димитрия к Сурию, может быть распространена и на другие иностранные источники Четиих-Миней. Как бы основательны и авторитетны они ни были, Святитель никогда всецело не подчинялся им и, как строгий ревнитель Православия, всегда умел постоять за его правду и самостоятельность. В этом отношении Святитель Димитрий принадлежит к числу тех лучших представителей юго-западной православной литературы, которые заимствовали с Запада только то, что находили согласным с преданием греческой Православной Церкви и что, способствуя развитию самобытной русской литературы, не обезличивало ее и не ставило в рабскую зависимость от литературы иностранной. Из многих, подтверждающих сказанное нами, примеров укажем хотя бы некоторые: 22 июля, для жития святой Марии Магдалины, Святитель во втором месяцеслове указывает несколько источников — Сурия, Барония, *Acta Sanctorum*, книгу Петра Скарги и проповеди Младзяновского²¹⁴. Однако в своем житии не следует ни одному из этих источников, а описывает жизнь равноапостольной мироносицы по Евангелию, Прологу, истории Ники-

фора Каллиста и его же синаксарю на неделю жен-мироносиц. Кроме того, после жития Святитель помещает примечание, в котором опровергает западных агиографов, считающих святой Марию за одно лицо с сестрой четверодневного Лазаря — Марисей²¹⁵. 26 декабря, сказав, что о святом Иосифе «западнии глаголют, яко девственник бе даже до кончины своея, отнюдь не познав супружества, восточнии же глаголют, яко жену име и чаде роди», Святитель далее приводит свидетельства различных церковных писателей, преимущественно историков, и заключает, что «сие несомненно известно, яко св. Иосиф женат бе, сыны же и дщери родил» и, таким образом, решительно отвергает латинское мнение²¹⁶.

Но возвратимся к Сурию. Мы сказали, что с особенной охотой Святитель заимствовал у него жития, приписываемые Симеону Метафрасту. В двух первых книгах Четиих-Миней он поместил более 80 таких житий, и поэтому митрополит Варлаам Ясинский был вполне прав, когда в предисловии к читателю благочестивому, при первой книге житий святых, говорил, что для списателя их Симеон Метафраст был «самым первым и в неложной истории изобильнейшим источником». Это особенное внимание к Метафрасту, кроме указанных выше причин, обуславливалось, может быть, и глубоким уважением к нему самого Святителя Димитрия. В Четиих-Миней он несколько раз называет Метафраста «святым»²¹⁷ и делает ссылки на него даже там, где за отсутствием Метафрастовой редакции составляет житие по другим источникам²¹⁸. Полагаем, что Святитель поступал так с тою целью, чтобы авторитетом знаменитого греческого агиографа подтвердить истинность своего повествования. Обращаясь к другим источникам, например, Acta SS., Святитель и из них брал Метафрастовы жития святых, предпочитая их другим²¹⁹. В некоторых случаях, приводя новые, не имеющиеся у Метафраста сведения о каком-либо святом, Святитель отмечает, что Метафраст об этом не говорит, и так как составитель жития в своем труде следовал Метафрасту, то его и держится, а сообщаемые другими факты оставляет и в текст жития не вносит²²⁰. Если же такие сведения вносились в житие, то почти всегда — или указывался их источник, или на поле делалась отметка: «сего у Метафраста песть»²²¹. Факты эти, хотя и немногочисленные, свидетельствуют, что сведениям, сообщаемым Метафрастом, Святитель придавал особенную цену и как бы выделял их из прочего агиологического материала, взятого из других источников.

Впрочем, нельзя сказать, что Святитель всегда удовлетворялся Метафрастом и, имея составленное им житие, других источников уже не искал. В Четиих-Миней имеется немало фактов, доказывающих совершенно обратное. Сейчас мы приведем из них только два, находящиеся в первой книге Четиих-Миней. 29 сентября, составляя житие преподобного Кириака отшельника, Святитель хотя и пользуется Метафрастом, однако довольно часто и отступает от него, обращаясь к житию первого биографа преподобного Кириака — инока Кирилла Скифопольского²²². 12 октября житие святых мучеников Тараха, Прова и Андроника Святитель передает по Баронии, у которого помещены подлинныя, потарниаи записанныя акты названных мучеников, а не по Метафрасту, который самостоятельно переделал их²²³. В обоих этих случаях, как видим, предпочтение пред Метафрастом отдано первоисточникам. Очевидно, Святитель понимал высокую научную ценность их и считал, что читателям его Четиих-Миней полезнее знакомиться с такими памятниками древнехристианской письменности, нежели с позднейшей, хотя в стилистическом отношении и более обработанной переделкой их²²⁴.

Такое же предпочтение первоисточника переработкам его наблюдается и там, где с книгами Сурия входит в соотношение сборник Рос-

вейда *Vitae Patrum*. Значительная часть заключающегося здесь агиологического материала имеется и у Сурия, причем одни жития даются им в буквальных выдержках²²⁵, другие исправлены и переработаны Метафрастом. Святитель в последних случаях всегда предпочитал *Vitae Patrum* Сурию и свое житие составлял по первоисточнику, а не по Метафрастовой переработке его. К Метафрасту при таких совпадениях он обращался только тогда, когда греческий агиограф сообщал новые факты из жизни святых²²⁶ или когда он подробнее и ярче описывал их подвиги и добродетели. Первый случай, когда пересказ Метафраста встретился с текстом книги Росвейда, наблюдается 25 сентября. Помещенное под этим числом житие преподобной Евфросинии представляет буквальный, точный перевод из *Vitae pp.*, и влияние Метафраста сказало здесь только в одном месте. Именно, по его пересказу передано увещание Евфросинией своего отца, когда он пришел в монастырь и, по совету игумена, поселился у Измарагда, под именем которого преподобная скрывалась в обители²²⁷. 12 ноября житие Святителя Иоанна Милостивого, патриарха Александрийского, излагается Святителем также по *Vitae pp.*, но так как в этом источнике сведения о святом переданы не в связном повествовании, а состоят из отдельных, отрывочных рассказов и бесед, то Святитель Дмитрий сначала следует Метафрасту, у которого последовательное, в хронологическом порядке изложенное житие, и только потом, приступая к рассказу о подвигах милосердия преподобного Иоанна, переходит к *Vitae pp.* и держится их до конца, давая опять почти буквальный перевод этого источника²²⁸. Житие преподобномученицы Евгении, 24 декабря, представляет в этом отношении некоторую особенность. Имея опять два источника, *Vitae pp.* и Метафраста, сходных по содержанию, но различных по изложению, Святитель в своем пересказе держится то одного, то другого. Именно, начало жития он заимствует у Метафраста, но со слов — «бе же Евгения красна лицем» — дает точный перевод *Vitae pp.*, причем из нового источника не выпускает и того, что уже отмечено было в начале по первому, — о красоте Евгении сказано было ранее («бе благолепия плотию»). Со слов: «искаху же и инии обручити ю себе» опять начинается перевод Метафрастова жития, но встреча святой Евгении с епископом Елием и следующие за нею события до места, где на поле сделана ссылка на Метафраста, снова написаны по *Vitae pp.* и т. д. Подобная смена одного источника другим наблюдается на протяжении всего жития²²⁹, причем Святитель брал из каждого то, что более отвечало его цели и вкусу.

Такое же внимательное отношение к *Vitae pp.* наблюдается и при совпадении их с другими иностранными источниками Четиих-Миней. Так, 10 мая, составляя житие преподобной Исидоры и имея материал для него в *Acta SS.* (май, I, 49) и *Vitae pp.* (VIII, 738), Святитель обращается к последнему источнику и по нему передает свое повествование. Об этом свидетельствует, например, такая частности: авва Питирим (в *Acta SS.* «Proterius»), кланяясь преподобной Исидоре, говорит ей: «благослови мя, Амма». Такого обращения в *Acta SS.* нет, между тем в *Vitae pp.* такая фраза — «benedie, Amma!» — имеется²³⁰.

Приведенные нами факты показывают, что *Vitae pp.* имели высокое достоинство в глазах Святителя Дмитрия. Об этом же свидетельствует и та тщательность, с какою Святитель использовал заключающийся в *Vitae pp.* материал. Он взял отсюда не только полные, систематически изложенные жития, но и отрывочные заметки о святых. Последними обыкновенно дополнялись другие источники. Книги Иоанна Мосха, Палладия Еленопольского, Руфина и блаженного Феодорита почти в полном объеме перенесены Святителем в Четии-Минии и переданы здесь чаще всего без всяких изменений, в буквальном переводе с латинского. Много материала взял Святитель и в той части этого источника, где

собраны изречения старцев; просматривал он и приложение к *Vitae pp.*, так называемый «Рай Гераклида». Так что если сборник Росвейда, ввиду сравнительно небольшого количества заключающегося в нем материала, и нельзя назвать главным иностранным источником Четиих-Миней, то любимым и наиболее удовлетворявшим Святителя считать его можно. Чувствуется, что простые, правдивые рассказы патериков отвечали литературным вкусам Святителя Димитрия и глубоко трогали его сердце.

В 1693 г. Великим постом Святитель получил из Данцига книги Болланда *Acta Sanctorum*. К старым латинским источникам прибавился, таким образом, новый, хотя и не обнимающий целого года, но зато на первые пять месяцев дающий материал обильный, критически проверенный и основательный. Святитель Димитрий с глубоким вниманием отнесся к новому источнику. Он задержал из-за него печатание двух последних месяцев второй своей книги почти на год²³¹ и постарался взять для нее из *Acta SS.* всё, что считал наиболее нужным и что позволяла сравнительная краткость времени. В *Acta SS.* Святитель нашел разнообразный материал. С одной стороны, здесь были те же редакции житий, которые находились и в старых иностранных источниках, с другой — *Acta* давали материал совершенно новый, у Сурия и в *Vitae pp.* не имеющийся. Особенное внимание Святителя привлекли в *Acta SS.* те жития, которые передавали сведения о святых, в восточных месящесловах не встречающихся. Святитель составил список таких житий и широко использовал их при дальнейшей работе над Четиними-Минейми.

Первый случай внесения в Четии-Миней новой памяти и жития из *Acta SS.* наблюдается уже во второй книге житий святых. Здесь 9 января внесена память святого Петра Севастийского, а 6 февраля помещено полное житие преподобной девы Дорофеи; обоих святых в месящесловах Греческой и Русской Церквей не было, и Святитель заимствовал их из *Acta SS.* До получения Актов Святитель не решался на это, из латинских источников новых памятней святых он не вносил и везде строго придерживался православного месящеслова. Очевидно, *Acta SS.* после первого же ознакомления заслужили глубокое доверие Святителя Димитрия и он сразу оценил их научную беспристрастность и независимость от чистокатолической точки зрения. В следующие, главным образом, летние, месяцы Четиих-Миней Святитель внес целый ряд таких памятней и житий, причем заимствовал их не только из *Acta SS.*, но и из других латинских источников, даже из Сурия. Очевидно, книги Болландистов не только сами заслужили уважение Святителя Димитрия, но научили его более снисходительно относиться и к другим латинским источникам.

Кроме жития преподобной девы Дорофеи, Святитель внес из *Acta SS.* во вторую книгу Четиих-Миней еще 12 новых житий святых, для которых в ранее бывших у него источниках материала не находилось²³². Затем, некоторые из написанных по другим источникам житий он пересмотрел и дополнил теми сведениями, какие нашел в *Acta*, а два жития совершенно переработал. Из дополненных житий отметим житие Святителя Поликарпа, епископа Смирнского, 23 января. Здесь к тем сведениям о священномученике, которые имеются у Сурия и в истории Евсевия-Памфила и какими Святитель располагал до получения Актов, он сделал добавление из полного Пиониева жития, помещенного в Актах²³³. Житие святых Ксенофонта и Марии, 26 января, написанное сначала по рукописям, по всей вероятности, тоже было дополнено и исправлено по Актам, где находится Метафрастова редакция жития этих святых. Об этом свидетельствуют как ссылка — «от Метафраста и Четии», так и содержание жития, во многих местах переданное, несомненно, по Метафрасту²³⁴. Переработаны Святителем: житие преподоб-

ной Евсевии-Ксении, 24 января, и житие святых бессребреников Кира и Иоанна, 31 января. Можно, конечно, предположить, что оба эти жития только теперь, после получения Acta SS., были написаны Святителем, но это едва ли справедливо: других житий общехристианских святых под этими числами нет, а ведь когда Acta SS. были получены Святителем, вторая книга Четиих-Миней была уже совершенно закончена. Мы поэтому предполагаем, что Святитель заново переделал эти жития. Первоначальный материал для того и другого жития находился у Сурия — и что особенно интересно — в форме житий, составленных Метафрастом. После переработки Святитель при первом житии хотя и оставил ссылку на Метафраста, но почти ничем у него не воспользовался, а взял все содержание жития из «греческих рукописцев»; при втором житии о Метафрасте нет уже и упоминания, и всё оно есть довольно близкий, часто даже буквальный перевод 2, 3 и 4 глав жития святых Кира и Иоанна, находящегося в Acta SS.²³⁵

Мы указали только наиболее важные случаи влияния Acta SS. на вторую книгу Четиих-Миней. Можно думать, что недостаток времени не позволил Святителю использовать новый источник для этой книги так, как бы было желательно. На это указывают некоторые отметки в Прологе. Например, 5 января, против памяти преподобной Сигклитики, в Прологе есть ссылка на Acta SS. (январь, I, 242) с отметкою «fuse»; однако в Четиих-Минейях мы имеем не пространное, а краткое житие преподобной, написанное по Прологу.

28 января Святитель по руководству Vitae Patrum и Метафраста дает сравнительно небольшое и бедное содержанием житие преподобного Ефрема Сирина, между тем в Acta SS. (февр. I, 49), которые отмечены в Прологе, имеется богатейший материал о жизни и деятельности преподобного. Если бы позволило время, Святитель, несомненно, использовал бы в Acta всё, что они давали и что отвечало целям и задачам его труда.

Об этом свидетельствует отношение к Acta при дальнейшей работе. Не стесняемый временем, Святитель не оставляет теперь Acta до самого окончания Четиих-Миней и, можно думать, чаще обращается к ним, нежели к другим латинским источникам. Особенно это надо сказать о третьей книге Четиих-Миней, на месяцы: март, апрель и май. Здесь Acta Sanctorum занимают исключительно господствующее положение, и в течение этих месяцев нельзя указать почти ни одного дня, который бы был написан без них. Об этом свидетельствуют анализ и содержание житий третьей книги и особенно Пролог Святителя, где в марте и апреле ссылки на Acta Sanctorum встречаются не только под каждым числом, но почти при каждой памяти. В четвертой книге Четиих-Миней влияние Acta Sanctorum сказывается уже слабее. Вполне соответствующего материала на месяцы июнь, июль и август они не давали, но всё же Святитель и при составлении житий на эти месяцы обильно воспользовался Act'ами и внес из них немало полных житий в свои книги. Всех, заимствованных из Acta Sanctorum во втором полугодии Четиих-Миней житий святых насчитывается 94 (59 в мартовской и 35 в июньской книге), но это число может быть значительно увеличено. Дело в том, что во многих случаях Acta SS. давали те же редакции житий, что и Сурий или другие источники²³⁶, и хоть мы подобные жития отнесли к заимствованным не из Acta Sanctorum, но Святитель вполне мог работать в этих случаях и по ним.

Давая обильный материал, Acta Sanctorum оказали влияние и на самую работу Святителя над Четиими-Минейями. Своими критическими исследованиями и общим научным характером они показали Святителю, что составление житий святых можно вести не только с папидательною, но и с научною целью, что историческая критика, как бы строга она ни была, не только не вредит папидательности и дидактическому

характеру повествований о святых, а, наоборот, — значительно увеличивает эти их качества, так как читатель видит, что ему предлагаются не вымыслы благочестивой фантазии, а действительные, исторически проверенные факты из жизни людей, осуществивших на земле идеал Евангельской правды и святости. Что Святитель Димитрий по достоинству оценил и принял во внимание научный характер *Acta SS.*, видно из его работ над месяцесловом. Мы уже указывали²³⁷, как много критического элемента внес он сюда после знакомства с *Act'ами*. Что касается житий святых, то Святитель не нашел удобным менять раз принятый характер своих Четних-Миней и не внес в свои рассказы о святых никакого критического элемента. И после получения Актов он продолжал составлять их в прежнем духе, более заботясь о назидательности, нежели об исторической достоверности и научности.

Изучая соотношение *Acta Sanctorum* с другими латинскими источниками, мы встречаемся с фактами далеко не однообразными. Одни из них говорят о предпочтении и особенном внимании к *Acta*, другие противоречат этому. Например, 1 июня, намереваясь написать житие святого мученика Иустина Философа, Святитель во втором месяцеслове отмечает несколько источников, именно: *Acta Sanctorum*, Сурия и Скаргу²³⁸. Во всех этих источниках имеется жизнь святого Иустина, составленная по его же сочинениям, но неодинаковой редакции. Святитель выбрал ту редакцию, которая находится в Актах, и по ней составил свое житие²³⁹. Иногда такое предпочтение оказывалось Актам даже и пред житиями, составленными Метафрастом. У Сурия имеется, например (III, 199) *martyrium* святой мученицы Гликерии *auctore S. Metaphraste*; Святитель отмечает его в первом месяцеслове²⁴⁰, однако 13 мая, составляя житие святой Гликерии, обращается за материалом не к Сурию, а к *Acta Sanctorum*, где акты иной, не Метафрастовой редакции, и по ним пишет свое житие²⁴¹. То же самое повторяется 16 марта, где для жития святого мученика Савина Святитель воспользовался не Сурием, у которого Метафрастова редакция жития святого мученика, а Актами, дающими выдержки из древних минологиев и миней²⁴².

Но в тех же самых книгах Четних-Миней встречаются факты и совершенно противоположные. Например, 14 мая, о житии святого мученика Исидора Святитель пишет, что оно заимствовано «от греческих рукописцев», т. е. из *Acta Sanctorum*. Сравнивая находящиеся там акты святого мученика с рассказом Святителя, встречаем в последнем много новых фактов и особенностей. Оказывается, что на работу Святителя сильное влияние оказал Сурий, у которого дано житие святого Исидора Метафрастовой редакции. Ее-то, как более полную и систематически изложенную, Святитель и предпочел Актам, хотя в Четних-Миней сослался на них, а не на Метафраста²⁴³. Интересны в том же отношении жития святых мучеников Максима, Дады и Квинтилиана, 28 апреля, святой мученицы Пелагии, 4 мая, и святого мученика Акакия, 7 мая. Святитель в Четних-Миней отмечает, что взял эти жития у Метафраста, и здесь послушно следует за Сурием, который дает те же редакции житий, называя их Метафрастовыми. Между тем Болландисты в предварительных комментариях — об актах святых мучеников Максима, Дады и Квинтилиана и о житии святого Акакия говорят, что Метафрасту они не могут быть приписаны и что Липоман и Сурий ошиблись, назвав эти редакции Метафрастовыми. Акты святой мученицы Пелагии Болландисты называют сомнительными (*suspecta acta*) и полагают, что они составлены не по верным источникам, а по народным рассказам и Метафрасту также не принадлежат²⁴⁴. Предполагать, что Святитель не ознакомился с этими комментариями, едва ли возможно, обыкновенно он внимательно просматривал в *Acta* не только жития, но и весь остальной материал, даже примечания к житиям²⁴⁵.

Поэтому вернее видеть здесь пример предпочтения Актам Сурия и оказания ему большего доверия.

О соотношении *Acta Sanctorum* и *Vitae pp.* мы уже говорили. Интересно еще отметить предпочтение им истории Никифора Каллиста. Описывая жизнь и деятельность равноапостольного царя Константина, Святитель, говоря об его крещении, держится той версии этого события, которая дана у Никифора Каллиста, именно утверждает, что царь Константин принял святое крещение в Риме от рук святого папы Сильвестра. Между тем Болландисты отвергают это мнение Никифора, как ложное, и ссылаются на Евсевия-Памфила, который, как известно, сообщает совершенно иное об этом событии. Святитель решил следовать за Никифором. Может быть, к этому побудило его не столько недоверие к Актам, сколько желание согласовать историю царя Константина с ранее написанным житием святого папы Сильвестра, где передана та же версия о крещении²⁴⁶.

Из сказанного ясно, что мы не можем говорить ни об особенном доверии Святителя Димитрия к *Acta Sanctorum*, ни о постоянном предпочтении их другим иностранным источникам. Правда, после получения *Acta* они заняли первенствующее место между этими источниками и отодвинули Сурия на второй план, но безусловным авторитетом во мнении Святителя Димитрия они всё же не пользовались; такого авторитетного издания у Святителя Димитрия вообще не было; он ко всем им относился вполне самостоятельно и брал материал там, где находил его более отвечающим задачам своего труда. Это станет для нас еще очевиднее, когда мы рассмотрим соотношение иностранных источников с славянскими.

Ранее было сказано, что славянские источники — особенно важнейший между ними — Великие Макарьевские Четии-Минеи, нужны были Святителю Димитрию для проверки по ним источников иностранных. Если так, то, следовательно, эти последние источники по своей авторитетности стояли ниже первых или во всяком случае не превосходили их. Это доказывается прежде всего самим фактом обращения Святителя Димитрия к славянским источникам. Если бы он их не ценил, тогда бы не стал так часто обращаться к ним и вносить из них дополнения и изменения в свою работу, исполняемую по источникам иностранным.

Замечательно прежде всего то, что Святитель Димитрий в некоторых житиях изменяет редакцию латинского источника и старается согласовать ее с Прологом и служебной Минеей. Например, следуя Минее, он описывает смерть священномученика Акепсима (3 ноября) и отступает от Метафраста, который совсем не говорит об отсечении главы святому мученику²⁴⁷. 6 ноября Святитель по Прологу описывает кончину святого Павла Исповедника и опять существенно расходится не только с Метафрастом, но и с историей Сократа²⁴⁸. 18 мая, передавая по *Acta* страдания святых мучеников Дионисия, Петра и иже с ними, Святитель, чтобы согласовать свой рассказ с Прологом, изменяет имя мученицы (Дионисии на Христину) и прибавляет к упоминаемым в *Acta* именам новое — Дионисия²⁴⁹.

Но особенно интересны факты соотношения иностранных источников с Великими Четими-Минеей. В этих Минеех Святитель очень часто находил или подобные или совершенно новые редакции тех же житий, которые он имел и в источниках иностранных. Этих славянских редакций он никогда почти не оставлял без внимания, а, напротив, очень часто пользовался ими и в некоторых случаях оказывал им явное предпочтение. В этом отношении особенного внимания заслуживает соотношение Великих Четиих-Миней и Метафраста. У последнего, как известно, есть жития некоторых святых апостолов и два обширных слова — о жизни Пресвятой Девы Марии и о святом Иоанне Предтече. Про-

фессор В. Г. Васильевский так характеризует первое из этих слов: «изложение Метафраста довольно сжатое, отличается известною трезвостью, по крайней мере оно остается в пределах канонического предания и чуждается тех прикрас, которые в изобилии можно было почерпнуть из апокрифических сказаний»²⁵⁰. Подобный же отзыв дается и о втором слове. Но то же самое, что говорит профессор Васильевский о словах, можно сказать и о житиях, передающих труды и подвиги святых апостолов. В них также сообщаются проверенные, большею частью евангельские сведения, и сказаниям, сохраненным церковным преданием, а тем более апокрифическою литературою, отводится очень мало места. В Великих Четьих-Минеях, напротив, собрано значительное количество таких сказаний, и они помещаются здесь наряду с прочими житиями, как одинаково ценные и достоверные. Святитель Димитрий в таких случаях не последовал за Метафрастом и Сурнем. Не оказал влияния на него здесь и Скарга, передавший жизнь святых апостолов большею частью только по Метафрасту. Всем этим источникам предпочел Святитель Великие Четьи-Минеи и в одних случаях дополнил из них латинские источники, в других — последние совершенно отстранил и воспользовался только одним славянским текстом.

Интересно соотношение Великих Четьих-Миней и с *Acta Sanctorum*. Святитель в некоторых случаях и им предпочитал славянский источник. Например, 5 мая он поместил житие святой великомученицы Ирины, взяв его из Великих Четьих-Миней. Между тем издатели *Акт*ов в историческом исследовании о святой великомученице говорят, что они не рассудили привести в своем сборнике житие ее, хранящееся в Ватиканской библиотеке, так как в нем много сказочного и легендарного. Нет сомнения, что в Великих Четьих-Минеях находится славянский перевод того же Ватиканского жития, и Святитель, конечно, читал отзыв о нем в *Acta SS.* Однако он не обратил на этот отзыв внимания и передал житие святой Ирины по Великим Четьим-Минеям²⁵¹. 12 мая подобный факт повторяется. Болландисты, передав содержание житий святого Епифания Кипрского, составленных его учениками Иоанном, Савином и Полуviем, говорят, что в этих житиях имеются ошибки против истории и что поэтому поместить их в своем издании они не решаются. Святитель Димитрий опять не обращает внимания на такой отзыв и последовательно пересказывает жития, составленные учениками, заимствуя их из Великих Четьих-Миней²⁵².

Все эти факты, говоря об особенном доверии Святителя Димитрия к славянским источникам, вместе с тем показывают, что в деле критики и разбора текста наш «списатель житий» стоял ниже не только ученых западных агиологов, но и знаменитого греческого агиографа. В этом отношении он скорее примыкал к отечественным составителям житий, которые в простоте сердца заносили и собирали в свои жития всё, что давала им богатая агиографами старославянская письменность. Великие Макарьевские Минеи не являются здесь исключением, в них также много апокрифического и легендарного материала. Правда, Святитель Димитрий воспользовался далеко не всем этим материалом; он, например, совсем не передал находящиеся в Минеях «деяние» святого апостола Петра, «мучение» святого Андрея Первозванного и многие другие чисто апокрифические сказания об апостолах и святых; в упомянутом нами ранее «мучении» святой Марины он опустил весь конец, где передаются интересные, но чисто легендарные подробности о явлении святой второго беса и о беседе ее с ним... Можно указать и другие случаи некоторой разборчивости Святителя в предлагаемом Великими Четьими-Минеями материале. Но всё же эти Минеи оказали сильное влияние на содержание наших Четьих-Миней и дали им много таких сведений, которые латинскими агиологами были отвергнуты, как маловероятные.

Невольно является вопрос: если славянские источники пользовались таким авторитетом в глазах Святителя Димитрия, то почему же он совсем не оставил латинские издания и не следовал только славянским? Думаем, потому, что эти последние, особенно до получения Великих Четних-Миней, давали очень мало агиологического материала, а, во-вторых, и главным образом, потому, что задача Святителя Димитрия, как и всей юго-западной русской литературы, состояла не в том, чтобы резко отграничиваться от Запада, а в том, чтобы сливаться с ним и при его пособии создавать свою национальную литературу. Оттого и в Четних-Минях Святителя мы встречаем чаще факты слияния славянских и латинских источников, а не отстранения одних другими. При таком слиянии количество заимствований из того и другого источника было далеко не одинаково. В одних житиях в основу содержания полагался латинский текст, а из славянского вносились только некоторые добавления к нему и поправки; в других, наоборот, руководственное значение занимал славянский перевод, а по латинскому производилось его исправление; в-третьих, материал заимствовался из того и другого источника более или менее равномерно.

Житий с преимущественным влиянием латинских источников особенно много в первых двух книгах Четних-Миней. Объясняется это тем, что книги эти составлены были в то время, когда главного славянского источника — Великих Четних-Миней у Святителя Димитрия постоянно под руками не было.

Над третьей и четвертой книгами Четних-Миней Святитель Димитрий работал, уже постоянно пользуясь Великими Четними-Минями. Поэтому в этих книгах, особенно в последней, чаще встречаются жития, написанные по Великим Миням, а по иностранным источникам только исправленные. В ссылках на источники при таких житиях Святитель иногда обозначает одни Великие Четни-Миней, иногда вместе с ними указывает и источники иностранные.

Труднее указать такие жития, где влияние латинских и славянских источников сказывается более или менее равномерно. По большей части это жития раннего периода, составленные по латинским пособиям и потом, после получения Четних-Миней, заново переработанные. В ссылках на источники при таких житиях Святитель обыкновенно указывал оба источника. Например, 5 ноября о житии преподобных Галактиона и Епистимии Святитель замечает, что оно заимствовано «от Метафраста и от Четьи блаж. Макария, митр. Московского». В Минях пространная и более древняя редакция жития, составленная монахом Евтолием, Метафраст дал ее переложку, заменив личный рассказ Евтолия косвенною речью. Святитель нишет по обоим источникам, обращая то к одному, то к другому. Так, начало жития излагается по Великим Миням,—у Метафраста нет сведений о том, чья была дочь Левкипия, не сказано, к какому капищу особенно привержены были неверные и т. д. Но затем Великие Миней сменяются Метафрастом,—и такой порядок наблюдается на протяжении почти всего жития.

Реже всего обращался Святитель к Великим Миням тогда, когда они давали славянский перевод той же самой редакции жития, которая в латинском переводе имела в источниках иностранных. Прекрасное знание латинского языка избавляло Святителя от необходимости прибегать к помощи готового перевода, а совершенное подобие источников обеспечивало правильность латинского текста и избавляло от необходимости проверять его по славянскому. Поэтому большая часть таких житий, а в первой книге почти все, составлялись по руководству латинских источников.

В последний период работы Святитель, впрочем, и здесь стал более предпочитать славянский текст и, например, в четвертой книге Четних-

Минеи большую часть таких житий составил по Великим Четным-Миннеям, поправив по латинскому переводу лишь явные ошибки и погрешности славянских переписчиков. Например, 24 мая Святитель помещает житие преподобного Симеона Столпника, иже на Дивной горе, и указывает, что заимствует его «от великия Минеи-Четьи вкратце». Сходство изложения во многих местах и удержанные Святителем некоторые особенности славянского перевода подтверждают эту ссылку. Но при детальном, тщательном сравнении, в составленном Святителем житии замечаются и такие черты, которые с несомненностью свидетельствуют, что он пользовался и латинским переводом того же жития из *Acta Sanctorum*.

4 августа, история семи отроков, иже во Ефесе, составлена, как значится в ссылке, «от Метафраста, и великие Минеи-Четьи, и от Никифора, и от прочих историографов», в ВЧМ та же редакция, что и у Метафраста. Сравнивая повествование Святителя с источниками, видим, что оно написано, главным образом, по Макарьевским Четным-Миннеям. Об этом свидетельствует очень близкое словесное сходство житий и некоторые частности. Например, только в Макарьевских Миннеях царь, обращаясь к святым отрокам, говорит: «господие мои». Влияние латинского перевода сказалось только на некоторых именах и названиях местностей.

Рассмотренное нами соотношение латинских и славянских источников, полагаем, с достаточною ясностью показывает, каким высоким доверием пользовались последние, особенно Макарьевские Великие Четии-Минеи, в глазах Святителя Димитрия. Поистине, эти Минеи были для Святителя, как выражается Варлаам Ясинский в предисловии к первой книге Четиих-Миней, «верхом всея истины и достоверия совершенством». Если бы Великие Четии-Минеи были в постоянном и свободном пользовании Святителя Димитрия, то влияние их на его работу было бы еще более глубоким и значительным. Но и теперь, по степени авторитетности, они занимают между всеми источниками Четиих-Миней первое место. Правда, и они нередко исправлялись и замеснялись латинскими источниками, но нетрудно заметить, что исправления вызывались чаще всего явными ошибками и погрешностями славянского перевода, а замена происходила тогда, когда пользование латинским текстом представлялось более удобным. Мы не говорим, насколько выгодно было такое отношение к Великим Миннеям для работы Святителя Димитрия, но общее направление юго-западной русской литературы было здесь вполне выдержано, мы имеем в Четиих-Миннеях соединение латинских и славянских источников с явным предпочтением последних, как чуждых всякого подозрения в неправославии.

Определив общее, принципиальное значение славянских и иностранных источников в работе Святителя Димитрия, перейдем теперь к характеристике его литературных приемов, чтобы выяснить, как пользовался Святитель находящимся в источниках материалом, как создавал свои до сих пор глубоко трогающие благочестивого читателя повествования о жизни святых. Уже из всего сказанного нами ранее видно, с каким благоговением, с каким удивительным вниманием относился Святитель к каждому составленному им житию. Прежде всего он старался для каждого святого в отдельности собрать весь имеющийся в источниках материал. Это собирание требовало немалых поисков и трудов. Мы могли уже достаточно убедиться в этом, знакомясь с житиями, написанными по нескольким источникам, или с вторым месяцесловом Святителя. Сколько различных книг и изданий показано здесь при памяти иногда одного и того же святого! И что особенно замечательно, — это сделано даже относительно тех памятней, которые в Четии-Миннеи не вошли.

Поучительны в том же отношении и многие примечания к житиям.

Например, 1 сентября, после жития преподобного Симеона Столпника, Святитель старается определить, сколько времени продолжалось стояние преподобного на столпе. Для этого он приводит мнения Львовского Трефолога, Симеона Полоцкого («Обед душевный»), различных историков, тех писателей, по которым составлялось житие, и затем дает свое решение «не от древних летописцев, а от самого лет исчисления»²⁵³. Вопрос, как видим, частного характера, и решает его Святитель самостоятельно, а между тем сколько к нему внимания и сколько труда в приискании разных мнений.

Собранный с таким прилежанием материал прочитывался и прилежно изучался. Различные источники сравнивались один с другим, но кроме этого текст и каждого из них в отдельности внимательно рассматривался. Об этом свидетельствуют те многочисленные заметки, которые писал Святитель прямо в книгах и из которых многие мы уже привели, когда определяли источники житий святых. Такая работа невольно вызвала на критическое отношение к источникам. Необходимо было разрешить их разноречия, установить, которое мнение наиболее соответствует истине, и доказать ложность остальных. Святитель Димитрий не уклонился совсем от подобной работы,— он старался найти между разнообразными показаниями источников наиболее справедливое; как результат этого мы и имеем те примечания, которыми сопровождаются в Четиих-Минейх некоторые жития.

Знакомясь с этими замечаниями, мы видим, что строго научной критики источников у Святителя нет; он останавливается лишь на явных, бросающихся в глаза противоречиях между ними и одни из них разрешает, другие только указывает, предоставляя решение их любознательности читателя и «церковному рассуждению». Интересуют Святителя, главным образом, вопросы хронологического характера, и, решая их, он чаще всего, как на достовернейшего историка, ссылается на «премудрого Никифора Ксанфопула», мнение которого считает наиболее авторитетным. Но из тех же замечаний мы видим, что очень часто, указав на разноречие источников, Святитель увещевает читателя не пытаться, которое из них истинно. «Нам, — говорит он 31 августа после сказания о поясе Богоматери, — не подлежит нужда испытывать времена и лета, довлеет ведати чудо сотворшееся и прославляти Божию Матерь». Этим и подобными замечаниями Святитель явно показывает, что задача его труда состояла в назидании читателей, а не в историческом изучении событий.

После ознакомления с материалом и изучения его по источникам можно было приступать и к составлению жития. Нет сомнения, что в представлении Святителя Димитрия, когда он принялся за работу, уже определился тот тип, которому должны были удовлетворять жития Четиих-Миней. Об этом свидетельствуют те отзывы, какие мы встречаем в месяцесловах и в рукописях Святителя, которыми он характеризует находящийся в источниках материал. Отзывы эти встречаются уже в первом месяцеслове, а он, по нашему мнению, составлен еще до начала работы над Четиими-Минейми. Следовательно, уже в это время Святитель видел, что в источниках удовлетворяет и что не соответствует принятому им типу жития. Для нас особенно важны отзывы отрицательного характера, они яснее указывают те качества, которые Святитель желал видеть в агиологическом сочинении. Припомним, например, отзыв, данный в рукописи «ex sanctorum actis» о житии святого Афанасия Пелопонийского²⁵⁴, или тот, которым характеризуется материал, находящийся в ВЧМ на день перенесения мощей Святителя Петра, митрополита Московского (24 августа)²⁵⁵. Оба они осуждают многословие и указывают, что «дбля», т. е. того, что нужно для Святителя, в источниках очень мало. Еще важнее в этом отношении отзыв, помещенный на житии преподобного Григория Сипаита, составленном архи-

епископом Константинопольским Каллистом: «Се не так история, как панегирик, словес преумножение, а самых дел менш, и за распространением словес, едва уразумети историю»²⁵⁶. Итак, Святителя нужны были не красноречие и не «плетение словес», хотя бы и весьма искусное, а история, дел, факты. В той же самой рукописи и во многих других мы видим, как Святитель ищет в многословном житии этих фактов, отмечая на полях: «начало», «отечество», «кончины начаток» и т. д. Его задача состояла, следовательно, в том, чтобы передать по возможности всю историю жизни святого, в ее подвигах и деяниях, но передать просто, без лишних слов и стилистических украшений.

Такой тип жития резко расходился с теми взглядами и требованиями, которые считались тогда в греческой и славянской агиографии общеобязательными. У Святителя он сложился, по нашему мнению, отчасти под влиянием «Żywoty Świętych» Петра Скарги, отчасти по собственным влечениям и симпатиям. Скарга, как мы говорили, дал в своей книге также простые, фактического характера повествования о жизни святых, и успех его житий у читателей указывал, что такие именно описания жизни святых народу и нужны. Святитель по своим литературным склонностям был историк, а историк в жизни прошлого интересуется прежде всего фактами, событиями. Не удивительно поэтому, что и к житиям святых Святитель отнесся с такими же требованиями. Немалое значение имела здесь и та практическая цель, какую должны были осуществить Четии-Минеи. Мы знаем, что мысль об издании их возникла в Киеве под влиянием церковной нужды. Надо было оградить православных от инославных агиографических сочинений и дать им книгу, которая бы вошла в церковное употребление. Собранные в ней жития святых должны были прочитываться в церкви во время Богослужения. Это обязывало к известной краткости, и поэтому Святитель Димитрий, вместе с заботой о фактической полноте, должен был думать и о том, чтобы передать все события из жизни святого в небольшом рассказе, удобном для прочтения за один раз. Но то же самое чтение в церкви предъявляло к житиям и еще одно необходимое требование — строгой назидательности, душеполезности, чтобы читатели и слушатели получали от них такие же уроки, какие дает церковное Богослужение. Может быть, это-то требование и заставило Святителя совершенно отказаться от исторической критики и дать в своих Четиих-Минеях один только назидательный материал.

Итак, приступая к работе, Святитель имел в виду написать о жизни воспоминаемых и прославляемых Православною Церковью угодников Божиих не слишком большие, но передающие по возможности всю жизнь святых, все их страдания и подвиги ради Христа, повествования, составленные и изложенные так, чтобы их чтение и слушание нравственно воспитывали человека и будили в нем добрые христианские чувства. Источники большего частью не могли удовлетворить всем этим, вместе взятым требованиям. В них находился в высшей степени разнообразный материал. С одной стороны, здесь были огромные, пространно написанные жития, напоминающие по своим размерам целые книги, с другой — краткие проложные сказания и синаксари; одни были составлены по всем требованиям установившейся в агиографии традиции, другие отличались простотой и безыскусственностью; в одних царил цветистый, неестественный стиль, в других изложение было чуждо всяких украшений и часто не удовлетворяло даже самые элементарные требования стилистики; одни дышали теплым религиозным чувством, в других это чувство тонуло под необузданным многословием и холодным, хотя и поразительным витийством. Понятно, что переносить все эти жития без всякого изменения в свои Четии-Минеи Святитель не мог. Он должен был многие из них совершенно переработать. Эта работа продолжалась, как мы знаем, целых двадцать лет, и поэтому Четии-

Минеи Святителя Димитрия есть не простое собрание взятых в различных источниках житий святых, а в большинстве случаев новое и самостоятельное сочинение, для которого источники дали только материал. Правда, этот материал большею частью был связно изложен и систематизирован, но нередко такую систематизацию приходилось делать и самому Святителю Димитрию.

В четырех тримесячных книгах Четиих-Миней таких житий насчитывается более сорока, и они дают особенно интересные примеры в подтверждение всего сказанного нами об усвоенном Святителем типе жития. Например, о Евсевии, епископе Самосатском (22 июня), Святитель в своих рукописях отмечает, что он «нигде не нашел» полного жития этого святого. Но у историков — Феодорита, Сократа и Никифора Каллиста — он встретил немало сведений о Евсевии Самосатском, подвизавшемся за православие при арианствующих царях Констанции и Валенте и при Юлиане Отступнике. Он тщательно собрал эти сведения, расположил их хронологически и написал не столько житие Евсевия, как святого, сколько церковноисторическое повествование о твердом и ревностном поборнике православия в ту смутную и тревожную эпоху. Здесь нет никаких сведений о родителях Евсевия, о его юности и воспитании, о его подвигах, как святого, а прямо после краткой характеристики излагаются церковноисторические события, в которых принимал то или иное участие святой Евсевий. Ради назидания, а иногда и занимательности, в рассказ вводятся эпизоды и не имеющие непосредственного отношения к Евсевию. Таков рассказ о женитьбе Пелугия, епископа Лампсакийского, или о том, как жители Самосат отнеслись к присланным им, после ссылки Евсевия, епископам — арианам Евномию и Лукию. Этот рассказ, интересный в бытовом отношении, характеризуя преданность жителей Самосат своему пастырю, к его житию никакого отношения не имеет. Заимствуя исторические сведения у историков, Святитель точно приводит их, но связывает их очень искусно и, вводя в изложение сравнения и прямую речь, придает своему рассказу живой и художественный характер.

Интересен и выбор самих фактов, который по практическим соображениям Святителю приходилось делать в обширных комментариях, сообщающих многие и разнообразные сведения о святых. Он отбирал из них те, которые были полезны и назидательны для простого верующего человека. По мнению Святителя, такие сведения были нужнее для его Четиих-Миней, как сборника, преследующего задачи дидактические, а потому обо всем, что не имело характера назидания, он говорил лишь постольку, поскольку это дозволяет размер жития, как дневного чтения, или совсем опускал такой материал.

Те же самые приемы Святитель Димитрий употребляет и тогда, когда источники давали не отрывочные сведения, а связные сказания о святых. Святитель с полной свободой относился и к таким сказаниям, заимствуя из них только то, что находил нужным и полезным. Об этом он сам неоднократно говорит в Четиих-Миней, отмечая в ссылках на источники, а иногда и в самом тексте жития, что пользуется источниками «сокращенно». Одни из этих сокращений касались «словес», т. е. изложения, другие — фактов, содержания. Сокращения второго рода наблюдаются довольно часто, но особенно заметны в житиях обширных, с богатым содержанием. Такие, например, жития, как Варлаама и Иоасафа, Григория Омиритского, Нифонта, епископа Констанции Кипрской, Антония Великого, Симеона Дивногогорца, Афанасия Афонского и другие подобные, Святитель не имел возможности полностью пересказать в своих Четиих-Миней и поэтому многое в них пропускал. Но сокращения и выпуски делались не только в обширных житиях, мы нередко встречаем их и в сказаниях сравнительно кратких. Постараемся же теперь более точно определить, что выпускает Святитель,

передавая житие по источнику, что в содержании его считает возможным не заносить в свои Чети-Минеи?

Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо сказать, что у Святителя Димитрия не было на этот предмет какого-либо одного, раз принятого и определенного правила. Однородные по содержанию отделы в одних житиях опускаются, в других — удерживаются; даже в одном и том же житии из подобных по содержанию мест одни переводятся почти буквально, другие или кратко передаются, или совсем выпускаются. По-видимому, всё зависело от характера источника и положения жития в Чети-Минее. Если находящееся в источнике житие по объему и содержанию соответствовало усвоенному Святителем типу жития и если день был не слишком богат агиологическим материалом, тогда Святитель более или менее близко держался подлинника и подробно передавал его; если же указанные условия отсутствовали, оригинал сокращался и многое в нем совершенно не передавалось. Анализ хотя бы только некоторых житий дает нам более ясное представление об этих выпусках.

Возьмем, например, житие преподобных Варлаама и Иоасафа Индийских. Оно написано Святителем по руководству какой-то рукописи, в которой был полный текст этой замечательной повести. Святитель выбрал из нее весь фактический материал, всё, что относилось к жизни преподобных Варлаама и Иоасафа, а те речи и притчи, которыми Варлаам поучал юного Иоасафа, лишь кратко пересказал косвенною речью, а некоторые и совсем опустил. Из многочисленных поучений Варлаама сполна передано Святителем только одно — огласительное, вероятно, потому, что в нем излагаются все основные догматы христианской веры²⁵⁷. В житии Святителя Григория, архиепископа Омиритского, передав довольно близко к подлиннику начальные, чисто фактические сведения о святом, Святитель, приступая к изложению прений его с евреями, говорит, что он «от многих» передает только «малая», и, действительно, делает значительные выпуски. Именно, близко к источнику у него излагается только начало первого прения, а затем указываются лишь главные предметы, о которых шла речь, и перечисляются наиболее важные доказательства, приводимые Святителем Григорием в защиту христианской веры. Из второго и третьего прений взяты опять только некоторые вопросы и ответы, четвертое прение — об иконопочитании — излагается наиболее подробно, а беседа после него выпускается совсем; конец жития — явление евреям Христа-Спасителя, по молитве Святителя Григория, передается без сокращений и очень близко к подлиннику²⁵⁸. В обоих этих житиях, весьма богатых дидактическим материалом, Святитель, как видим, сокращал именно этот материал, выбирая из речей и поучений только то, что считал наиболее полезным и нужным для своих читателей²⁵⁹.

В житии преподобного Сергия Радонежского, написанном по Великим Чети-Минеем, не переданы рассказанные в источнике некоторые чудеса, например, о беснующемся вельможе, об Исаакии Молчалнике, об исцелевшем муже, о «провидении еже посланных брашен», о лихимце и все посмертные, а также некоторые эпизоды и из жития, например, о монастырях, основанных учениками Преподобного, об епископе, пришедшем видеть святого, и т. п.²⁶⁰

Из анализа житий видно, что выпуски, которые делал Святитель Димитрий, были весьма разнообразны. В житиях с богатым дидактическим содержанием опускались слова, речи, беседы и поучения; в житиях святителей, преподобных и Христа ради юродивых — чудеса и те эпизоды и отделы, которые не имели непосредственного отношения к жизни святых или говорили об их посмертных деяниях и прославлении; в мученических житиях сокращались допросы, которым подвергали святых на суде, и нередко совсем опускались их молитвы к Богу и поуче-

ния. Реже всего выпускал Святитель факты и деяния святых. — такие выпуски встречаются только в житиях с богатым фактическим содержанием, но и здесь Святитель старается передать всё существенное и выпускает только то, что мешает цельности и назидательности рассказа.

Чаще, однако, в составленных Святителем Димитрием житиях при пересказе источника приходится встречать не выпуски, а дополнения к нему. Эти дополнения порою настолько многочисленны, что основной источник совершенно теряется в них, и работа Святителя принимает самостоятельный и как бы независимый от него характер. Таковы почти все жития, отнесенные нами к последней группе, — составленные по нескольким источникам. Но и среди житий менее сложных, для которых пособием служило какое-либо одно агиографическое сочинение, редко встретишь такие, которые бы не имели никаких вставок и дополнений.

Внесение дополнений стоит в непосредственной связи с теми задачами, которые выполнял Святитель, работая над Четиими-Минеями, и о которых мы уже говорили, определяя усвоенный Святителем Димитрием тип жития. Подражая Скарге и по собственной склонности, Святитель стремился дать, главным образом, фактическое житие. Для этого он, не ограничиваясь одним источником, обращался к другим, собирая из них всё, что давало новые сведения о святом. Немалую роль в этом прилежном собирании фактов сыграло и то сновидение, которое видел Святитель Димитрий в Филиппов пост 1687 г., после написания жития святого мученика Ореста. Святой мученик, явившись Святителю, как бы укорял его за то, что он «больше претерпел за Христа мук», нежели написал Святитель. Эти слова должны были подвигнуть Святителя с особенною заботливостью относиться к рассказам о страданиях святых и не пропускать из них по возможности ни одной, сохраненной в источниках подробности. Обязывали к этому и усвоенная от предшественников традиция — передавать непременно всю жизнь святого с рождения до кончины, а также и присущая Святителю Димитрию, как историку, склонность к точности и полной определенности. Например, присоединяя к житию преподобного Онуфрия Великого, для полноты его биографии, повесть о его рождении и отрочестве, Святитель замечает: «попееже в житии преп. Онуфрия на славянском диалекту не воспоминается род его, кто он был, кних родителей и от коея страны, убо то по житию его особно полагаем о нем то, еже обретается на иних языцех»²⁶¹.

Все эти сведения о стране, роде, родителях были важны и интересны для Святителя, как историка, и он усердно искал их и не забывал вносить в свое повествование.

Иногда по этим мелким, собранным в разных местах и источниках известиям Святитель создавал целые самостоятельные отделы житий и таким образом значительно дополнял основной источник. Например, не найдя у Метафраста никаких сведений о том, кто была святая мученица Харитина, в какое время и от кого она пострадала, Святитель, на основании кратких, найденных в Прологе, в служебной Минее и у того же Метафраста известий, подробно говорит о детстве и юности святой мученицы и рассказывает, как она взята была от воспитателя ее Клавдия и приведена на допрос к комиту Домитиану²⁶².

Любовь к истории побуждала Святителя помещать в житиях добавления и иного, чисто уже исторического характера. Так, в житии святого преподобномученика Стефана Нового, рассказывая о политических событиях того времени, когда жил святой Стефан, Святитель к тому источнику, которым пользовался, добавляет целый эпизод из истории Георгия Келрина — о евреях, предсказавших Льву Исаврянину царствование и взявших с него клятву — уничтожить иконопочитание у хри-

стиан²⁶³; в житии святых Феодора и Феофана, Начертанных, из того же Георгия Кедрина, делается к рассказу Метафраста добавление о возобновлении иконоборческой ереси при императоре Льве Армянине и о причинах, вызвавших это²⁶⁴; о том же Льве Армянине и о некоторых подробностях его воцарения сделано добавление в житии преподобного Николы исповедника, написанном по Великим Четими-Миней²⁶⁵. Жития святого великомученика Артемия, 42-х мучеников аммо-рейских, святых семи братьев Маккавеев и некоторых русских святых (например, Игоря Ольговича) начинаются в наших Четиих-Миней обширными историческими введениями, которые, «аки предъсловия», даются для того, чтобы читатель мог «яснее разумети» предлагаемое далее житие²⁶⁶.

Делать дополнения к источникам часто побуждала Святителя и та дидактическая задача, которую он выполнял своими Четими-Минейми. Мы уже говорили, как под влиянием ее Святитель опускал в житиях важные исторические факты и дополнял их назидательными повествованиями. Укажем еще некоторые однородные с вышеприведенными примеры. Передавая по Сурию чудо святого Архистратига Михаила, случившееся в Хонех, Святитель в слово свое вносит новое, не рассказанное в источнике афонское чудо, несомненно, по причине его трогательности и назидательности²⁶⁷. По той же причине добавляются: в житие святого великомученика Меркурия из сочинений Иоанна Дамаскина рассказ об иконе мученика и о смерти Юлиана Отступника, которая, по церковному преданию, произошла от руки святого Меркурия²⁶⁸; в житие святого Григория чудотворца — новое, поразительное чудо его при построении храма из сочинений блаженного Иеронима или Скарги²⁶⁹; в житие преподобного Павла Фивейского — из Великих Четиих-Миней трогательный рассказ преподобного о двух мучениках²⁷⁰; в житие Святителя Афанасия Александрийского — важная в назидательном отношении повесть об епископе Медиоланском Дионисии²⁷¹; в житие святого Феофилакта, исповедника Никомидийского, — из Великих Четиих-Миней чудо наполнения сосуда водою во время жатвы²⁷²; в житие святого Василия Нового — из тех же Миней замечательная по своему назидательному значению повесть о святой Феодоре и мытарствах...²⁷³ Не умножая подобных примеров, заметим, что тою же назидательною целью определялся у Святителя и самый подбор источников в житиях сложных, составленных по различным пособиям. Наконец, ради того же назидания читателей внес он в свои Четии-Миней и все те слова, поучения и повести, которые занимают немало места в его книгах.

Однако чаще всего Святитель Димитрий делал добавления к основному источнику потому, что желал собрать как можно больше фактов о подвигах и деятельности описываемых им святых. Выясняя соотношение Четиих-Миней Московского митрополита Макария к Метафрасту и к латинским источникам, мы указывали, как часто Святитель отступал от их строго исторического достоверного повествования и углублялся в область легенд и апокрифических сказаний. Думается, что во многих случаях Святителя подкупало здесь то богатство содержания, каким отличались апокрифы и подобные им сказания о святых. Трудясь в эпоху только еще начинающейся исторической критики, Святитель, как и другие современные ему юго-западные писатели, слабо различал действительно историческое событие от вымысла и, прельщенный новизной и интересом сообщаемых в последнем сведений, вносил его в свои повествования о святых. Кроме Великих Четиих-Миней, богатым источником таких полунсторических сказаний являлись для Святителя Пролог, Трефологион и сочинения Никифора Каллиста и Георгия Кедрина.

Большая часть подобных добавлений сообщает такие сведения о святых, которые едва ли могут быть признаны исторически достоверными.

Уже Метафраст не решился внести некоторые из них в свои повествования о святых. Святитель Димитрий это делает и делает, без сомнения, для того, чтобы сообщить читателям его Четвух-Миней новые и притом полезные и назидательные сведения о святых. Кроме того, многие из этих сведений заимствованы из Пролога и, благодаря его распространенности, были хорошо известны православным читателям. Последние, не видя их в Четвух-Миней, были бы неприятно поражены и, вероятно, остались бы недовольны их составителем. Вот, по нашему мнению, те побуждения, которые заставили Святителя Димитрия вносить в свои жития добавления подобного характера.

Но главное достоинство работы Святителя состоит не в этих добавлениях, а в том, что он о многих святых собрал из разных, иногда многочисленных источников вполне достоверные сведения и передал их в связанном повествовании. Возьмем самое первое житие — преподобного Симеона Столпника. Оно, как мы указывали, составлено по «*Vitae Patrum*», откуда Святитель взял житие преподобного, написанное учеником его Антоном, по «Истории Боголюбивых» Феодорита, епископа Кирского, историкам — Никифору Каллисту, Георгию Кедрину и другим источникам. Главный материал дали *vita* Антониева и повесть Феодорита. Святитель пользовался ими последовательно, дополняя рассказ их новыми сведениями из других книг.

В результате такого соединения различных источников вышло полное, обстоятельное и глубоко назидательное житие преподобного Симеона Столпника, подобного которому на славянском языке еще не было.

Таким же характером отличалась работа Святителя Димитрия и во многих других случаях. Новизна этой работы состояла в той свободе, с какою Святитель относился к находящемуся в источниках материалу. Он не только сокращал и дополнял его, но, как видим из приведенного примера, смешивал различные редакции житий, свободно переходил от одной к другой и часто сообщаемые ими сведения располагал по своему плану.

Приведем еще несколько характерных в последнем отношении примеров. Житие преподобного Иоанна Лествичника составлено Святителем по *Acta Sanctorum*. В *Act*'ах два жития преподобного, одно — инока Раифского Даниила, другое — инока «синхрона»²⁷⁴. Святитель, пользуясь трудами обоих этих агиографов, в своем повествовании сначала дает перевод 2 и 3 параграфов Даниилова жития, потом о преподобных Иоанне и Мартирии рассказывает по «синхрону»; затем опять обращается к житию инока Даниила и заимствует у него описание духовных подвигов Иоанна; видение о Моисее и чудеса излагаются снова по «синхрону», а в описании кончины преподобного заметно влияние того и другого источника²⁷⁵.

Чем руководствовался Святитель в таком расположении материала? Что заставило его изменять план и порядок источника? Предполагаем, что поводом к этому было желание описать события в их хронологической последовательности.

От хронологического порядка Святитель отступал только тогда, когда не было возможности установить точную последовательность событий. Чаще всего это наблюдается в житиях, составленных по *Vitae Patrum*, где, как мы отмечали²⁷⁶, собраны большею частью отрывочные эпизоды из жизни святых, без всяких указаний на время их происхождения. Не имея возможности расположить их хронологически, Святитель оставлял обычный для него план жития и передавал собранные о святом сведения в той или иной системе. Так, в житии преподобного Макария Египетского сотворенные им чудеса и другие деяния изложены систематически; именно, сначала описываются исцеления святым больных, затем сношения его с загробным миром, после этого следуют

рассказы об учениках преподобного, передаются его наставления и, на конец, перечисляются разнообразные его добродетели²⁷⁷.

Изменял Святитель план источника и в том случае, если та последовательность событий, какая была там, казалась ему неестественной и неудобной. Например, в житии Святителя Спиридона, епископа Тримифунтского, беседу святого с учеником Трифиллием о богатстве царских палат Метафраст излагает прежде описания встречи Святителя Спиридона с царем, у Святителя эта беседа передана после исцеления царя, вероятно, потому, что такой порядок событий казался Святителю более естественным²⁷⁸. Житие святого мученика Уара Метафраст начинает изложением присланного в Египет указа Максимилиана, вызвавшего гонение на христиан, и потом переходит к рассказу о роде и происхождении святого мученика; Святитель Димитрий эти сведения сообщает сначала, а о гонении говорит там, где это требуется ходом жизни святого²⁷⁹. То же встречаем и в житии святых мучеников Зиновия и Зиновии; у Метафраста о посвящении святого Зиновия в епископы и о сотворенных им чудесах рассказывается после сообщения о воздвигнутом Диоклитианом гонении на христиан, у Святителя поставление в епископы описывается раньше и о гонении говорится после рассказа о чудесах²⁸⁰.

Подобная перестановка событий довольно часто наблюдается в работе Святителя Димитрия. Но иногда он изменял не только план излагаемого источника, но и его содержание, давая совершенно новое освещение фактам. Например, в житии преподобного Феодора Сикеота, составленном учеником его Георгием, определенно сказано, что преподобный был сыном блудницы Марии и царского скорохода Космы²⁸¹, Святитель называет Феодора законным сыном Космы и Марии; в житии преподобного Иосифа песнописца, составленном диаконом Иоанном, просто сказано, что преподобный, во время путешествия в Рим, попал в руки морских разбойников, Святитель приписывает это козням иконоборцев, против которых боролся Иосиф²⁸²; в житии преподобного Романа, творца канонов, по Анфологиону, преподобный молился и удостоился видения Богоматери дома, Святитель перенес то и другое в храм²⁸³; в житии святой мученицы Василиссы Никомидийской в Прологе сказано, что святая мученица сама «огласи» игемона Александра, Святитель Димитрий пишет, что она «повеле епископу Антонину огласити его»²⁸⁴; писатель жития святой первомученицы Феклы Василий Селевкийский и Метафраст говорят, что святая дева крестилась в водоеме, куда сама бросилась со словами: во имя Твое, Господи, я крещуюсь в сей последний день»,—Святитель, упоминая о отвержении святой Феклы в яму с различными гадами, умалчивает о крещении²⁸⁵.

Предполагаем, что все эти и подобные им отступления от источников Святитель сделал потому, что находил неудобной и не соответствующей цели своего труда буквальную их передачу. В частности, о таинствах он всегда старался передать своим читателям обычное, принятое Церковью учение и поэтому всё, что не согласовалось с ним, видоизменял или пропускал.

Разобранные нами факты касаются содержания использованных Святителем Димитрием источников. Сокращая, дополняя и изменяя подлинник, он проявил здесь значительную самостоятельность. Еще с большей свободой отнесся Святитель к изложению житий в источниках. Древнерусский агиограф допускал только буквальные переводы житий. Святитель Димитрий буквально и близко к подлиннику изложил из них только те, которые его удовлетворяли. Так как Святитель пользовался славянскими и иностранными источниками, то у него встречаются буквальные заимствования и буквальные переводы. Первые Святитель брал из Пролога, Анфологиона, Великих Четиих-Миней и Печерского Патерика. Особенной близостью к источнику отличаются за-

имствования из Патерика. Последний был издан незадолго до выступления на литературное поприще Святителя Димитрия; форма и изложение собранных в Патерике житий Святителю, очевидно, нравились, поэтому он прямо перепечатал их в свои Четии-Минеи. Что касается заимствований из других славянских книг, то в полном смысле буквальными назвать их нельзя. И в Прологе, и в Анфологионе, а тем более в Великих Четиих-Минеях слог житий казался Святителю устаревшим и неправильным, поэтому он во многих местах его исправил, заменив старинные выражения и слова более современными и правильными.

Буквальные переводы из иностранных источников также отличаются у Святителя Димитрия некоторыми особенностями.

В полном смысле буквальными их назвать нельзя. Он и здесь проявляет некоторую самостоятельность, одни слова и фразы в подлиннике выпускает, другие добавляет от себя. В предыдущей главе, определяя источники Четиих-Миней, мы отметили почти все те жития, изложение которых близко к подлиннику. Рассматривая их, мы видим, что Святитель более или менее точно передает источник там, где он отличается простотою и безыскусственностью, где на нем лежит печать первобытной свежести и непосредственности. Таковы, например, сказания о святых в сборнике *Vitae Patrum*, в Собеседованиях святого Григория Двоеслова, которые переведены Святителем Димитрием большею частью буквально. Из житий близко к подлиннику передаются те, которые заимствованы составителями из древних Миней и мартирологов, или те, в основе которых лежат подлинные проконсульские акты, а также записи о святых их современников и сподвижников. Наибольшее количество таких житий дали Святителю Димитрию *Acta Sanctorum*; находил их Святитель также у историков, в *Анналах Барония* и у *Сурия*. Что касается житий, составленных *Метафрастом* и другими известными *агиографами*, то из них буквально переводились только те, которые сохраняли в себе древние записи о святых и отличались простотою и сравнительною краткостью.

Но очень часто, не давая буквального и точного перевода всего жития, Святитель передавал так некоторые его отделы. Такие отдельные буквально переведенные места приходится встречать как в житиях сложных, составленных по нескольким источникам, так и в написанных по руководству одного из них. В сложных житиях Святитель иногда сам подчеркивает подобные заимствования, отмечая в тексте жития, откуда начинается буквальная выдержка из источника и где она оканчивается. В сложных житиях, а также в праздничных сказаниях подобные примеры можно находить довольно часто. В житиях, составленных по одному источнику, они встречаются реже, и здесь мы только путем сравнения можем узнать, какие места и отделы источника переданы Святителем буквально²⁸⁶. Интересно определить, наблюдается ли здесь какая-либо плановость у Святителя, т. е. переводит ли он буквально только однородные по содержанию отделы в житиях или не придерживается здесь никакого порядка и правила?

Такого правила, которое бы строго проведено было через все Четии-Минеи, мы у Святителя не нашли. Очень часто одинаковые по содержанию места в одних житиях он переводит буквально, в других свободно перелагает и пересказывает; иногда это наблюдается даже в одном и том же житии. Например, излагая по *Метафрасту* житие святого мученика *Платона*, Святитель сначала очень близко придерживается источника и не делает в нем никаких выпусков и изменений. Но, передав так первые семь параграфов подлинника, Святитель далее начинает излагать источники сокращенно, причем сокращает, главным образом, тот его отдел, где описывается новый допрос святого мученика у того же игемона *Агриппина*...²⁸⁷ То же самое можно встретить и

в других житиях. Однако при изучении житий видно, что некоторые их отделы Святитель Димитрий считал особенно важными и старался передавать их по возможности близко к подлиннику и хотя не провел это строго через все Четии-Минеи, но в большинстве житий сделал и выдержал. В каких же житиях и какие отделы подлинника переводятся Святителем Димитрием буквально наиболее часто?

В мученических житиях почти всегда буквально переводятся те места, где описываются страдания и муки святых. Святитель везде точно выдерживает и передает их порядок, их всё более и более увеличивающуюся жестокость. Помня видение святого мученика Ореста, он как бы боится выпусками или свободной передачей умалить терпение святых и уменьшить славу их подвигов²⁸⁸. Довольно часто в буквальном переводе дает Святитель Димитрий и те допросы, которым подвергались святые на суде, особенно, если эти отделы были богаты назидательным элементом и носили печать действительности. Источниками для описания таких допросов часто служили протоколы нотариев, участников римского судебного процесса; в их записях вопросы судей и ответы мучеников воспроизводились с буквальной точностью; Святитель Димитрий, очевидно, высоко ценил такие места и поэтому в своих житиях переводил их большею частью буквально²⁸⁹. Близко к подлиннику переведены Святителем и некоторые молитвы, произнесенные святыми во время мучений или перед своею кончиною²⁹⁰. Во многих житиях, описывающих жизнь святителей и преподобных отцов, также переданы письма и послания, которыми обменивались упоминаемые в житиях лица²⁹¹, выдержки из творений святых отцов²⁹², символы и другие образцы вероучения²⁹³, наконец, все те места, которые казались Святителю особенно назидательными и полезными для читателей Четиих-Миней²⁹⁴.

Не пропускались и обыкновенно буквально переводились Святителем и те места из источника, где сообщалось о подаваемой святым среди страданий благодатной помощи, благодаря которой они не ощущали мук и страдали как бы «в чуждем теле».

Подобные примеры в мученических житиях встречаются довольно часто.

Буквальных переводов в Четних-Минейх Святителя Димитрия сравнительно очень немного. Источники, какими он пользовался, давали ему большею частью жития, на которых лежала печать господствовавшей с X в. в греческой агиографии школы. Существенные черты этой школы нам известны. Святитель, стремившемуся к простоте и краткости, не могли нравиться излишнее многословие и риторика греческих и русских агиографов; поэтому большую часть заимствованных из источников житий он переделал, изложив самостоятельно. Сильнее всего Святитель вооружался против многословия. Вспомним опять его отзыв о житии преподобного Григория Синаита. То же «преумножение словес» возмущало его и в других житиях, и он старался всеми мерами избегать его в своих переложениях. Об этом официально заявляют и сам Святитель, и его руководитель митрополит Варлаам Ясинский в предисловиях к 1-й и 2-й книгам Четних-Миней.

Варлаам Ясинский в предисловии к первой книге говорит, что Святитель Димитрий, как составитель Четних-Миней, из каждого жития выбрал только «самую истину, кроме многих излишних, темных же и неудобь разумительных словес».

Почти то же самое повторяет в предисловии ко второй книге и Святитель Димитрий.

«Излишество не всяко потребных словес» сказывалось прежде всего в том, что автор-агиограф очень много говорил от себя, прилагая к житию обширные прологи и заключения, а иногда и самую историю жизни святого сопровождая различного рода субъективными замечаниями,

восклицаниями и рассуждениями. Святитель Димитрий все эти отделы большею частью совсем опускал. Из прологов он перевел, например, очень немногие и то не затем, чтобы дать своим житиям краспоречивое начало, а ради той назидательности, какою эти отделы житий отличались. Еще реже удерживаются Святителем эпилоги. Они сохранены только там, где это вызывалось содержанием жития, или где они были особенно важны и поучительны.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы все прологи и заключения, важные в историческом и дидактическом отношении, всегда удерживались Святителем. Изучая источники Четних-Миней, мы встречали факты и противоположного характера. Например, Святитель опустил пролог к житию святого мученика Каллиника, в котором составитель говорит, что был современником святого и сам видел то, о чем рассказывает в житии²⁹⁵; или эпилог к житию святого Андрея, Христа ради юродивого, где биограф последнего — пресвитер Никифор — пишет: «аз же Никифор милостию Вседержителя Бога иерей бывая великие церкви Цареваграда, нарицаемую Божию Премудрость, написах дивное се житие честного и святого отца нашего Андрея, еже сemy своим очима видел, а другое от славного Епифана слышав, бывша патриархом зде»²⁹⁶. Следовательно, мы и здесь не находим строгой последовательности у Святителя. Историческая достоверность житий была для него не главной задачей, поэтому многие данные в пользу ее он пропускал, особенно если и без них житие было богато содержанием и достаточно по размерам для дневного чтения. Чтобы убедить читателей в достоверности своего рассказа, Святитель Димитрий, безусловно доверявший своим источникам, считал достаточным сослаться на них. Для этого, конечно, он указывал даже те источники, которыми и не пользовался. Какого, по мнению Святителя, нужно было еще большего доказательства достоверности жития, если о святом то же самое сообщали Метафраст, Великие Четни-Миней, Пролог и другие агнографы и агнологические сборники?..

Субъективные восклицания, замечания и разъяснения особенно часто встречаются в Метафрастовых житиях. Все эти места Святитель Димитрий в своем пересказе опустил. Он ценил в источниках, главным образом, факты и старался передать их просто, без излишних стилистических украшений.

Но часто Святителю приходилось сокращенно излагать подлинник и потому, что в буквальном полном переводе он был бы велик для Четних-Миней. Не выпуская фактов, Святитель прибегал тогда к конспективному изложению, заменяя разговоры действующих лиц косвенною речью, давая не описание, а только перечисление событий и в нескольких предложениях исчерпывая иногда целые отделы. Примеров подобного изложения в Четних-Миней много.

Сокращая так подлинник, Святитель Димитрий старался переделать его в небольшое, удобное для прочтения за один раз житие. Но та же практическая нужда заставляла его делать иногда и совсем обратное, т. е. не сокращать, а распространять источник. Чаще всего приходилось делать это с сиаксарями Пролога. Сухие и краткие, они неудобны были для прочтения в церкви, и Святитель, чтобы придать им вид назидательного жития, переделывал их, заменяя сжатый рассказ Пролога более распространенным. Например, в Прологе о преподобном Евмении Гортинском сообщается, что он был милостив, раздал нищим свое имение и проводил дни в посте и молитве, а потом был поставлен Гортинским епископом. Святитель написал как бы толкование на это. Он сначала сказал о богатстве, мешающем войти в Царство небесное, и о бедности, как удобном туда пути, затем прославил Евмения за его нищелюбие и духовные подвиги, а в самом конце, упомянув о назначении преподобного на святительскую кафедру, изобразил черты доброго па-

стыря и приложил их к святому Евменню. Житие получилось не только удобное для прочтения в церкви, но и назидательное²⁹⁷.

Такое же расширение источника встречается и при пересказе систематически составленных житий. Но здесь, конечно, у Святителя были иные побуждения, он заботился не о том, чтобы придать источнику приличную форму, а о том, чтобы усилить дидактическое значение своего рассказа, сделать его более понятным и назидательным для читателя. При этом распространено излагалось уже не всё житие, а лишь некоторые его места и отделы.

Иногда оба способа изложения — и сокращение, и распространение — применялись в одном и том же житии, тогда одни отделы подлинника расширялись, другие передавались сжато и кратко.

Святитель не любил придерживаться буквы подлинника. Полная свобода и самостоятельность — вот отличительные свойства его работы по изложению источников. В иных житиях эти свойства сказываются настолько сильно, что при сравнении с подлинником рассказ Святителя кажется совершенно оригинальным. Святитель изменяет форму источника, переделывая слово в житие и личный рассказ в повесть²⁹⁸, начинает повествование не так, как оно начинается в подлиннике, и вносит в свой пересказ различные изменения и отступления.

Особенно интересны в этом отношении жития святых мучениц Минодоры, Митродоры и Нимфодоры и святых мучениц Веры, Надежды и Любви и матери их Софии. Свобода изложения проявляется в них так ярко, рассказ Святителя носит такие своеобразные, совершенно самостоятельные черты, что невольно является вопрос: да действительно ли Метастраст был здесь источником для Святителя Димитрия?

Как на особенность изложения Святителя, необходимо указать еще на те субъективные вставки, которые он иногда вносит в пересказ источника. Одни из них — разъяснительного, другие — дидактического характера. В первых Святитель старается объяснить читателю смысл и значение передаваемых в житии событий. Например, упомянув о благородном происхождении преподобного Иоанна Молчалиника, Святитель тотчас же добавляет: «сие же речеся не да благородия ради его ублажим, от добродетелей бо, а не от благородия святини ублажаются и прославляются; но да увемы, от колких славы в каково смирение сей угодник Божий прииде».

Дидактические вставки весьма разнообразны. Останавливаясь на том или другом факте из жизни святых, Святитель учит читателей христианскому благочестию, характеризуя различные его стороны. Так, в житии святых мучеников Трофима, Савватия и Доримедонта, сообщив о страданиях святого Трофима на пути, поучает, что таков и должен быть «путь вводя в жизнь»; в житии святого мученика Епимаха, не имевшего в пустынном житии никакого руководителя, говорит, что святых наставляет «Дух Святый и любовь Божия», — она учила святых апостолов, преподобных и мучеников, она «и св. Епимаха учае пустынные подвиги и труды носити, всякие от врага напасти терпети, свято по Бозе жити и за Него готову на смерть быти».

В некоторых житиях подобные вставки и дополнения носят лирический характер, — это как бы излияния, невольно вырвавшиеся из взволнованного рассказом сердца Святителя.

В житии святых мучениц Веры, Надежды и Любви, начиная рассказывать о страданиях Любви, Святитель восклицает: «Кто бо сие за возлюбленного Господа своего стати име, яко Любовь? Пошеже писано есть, крепка яко смерть любы, вода многа не может угасити любве и реки не потонят ее. Не угасиша огня любве к Богу в той отроковини воды многия прелестей мирских и не потоннша ся реки бед и страданий,

и о сем ее велика познавашеся любовь, яко готова баше душу свою за любимого рачителя своего Иисуса Христа положить; больше же сея любви никтоже имать, аще кто за кого душу положит»²⁹⁹.

В подобных добавлениях Святитель Димитрий, наставляя читателей, высказывал свои сокровеннейшие думы и чувства. Но его светлая личность сказалась в Четьих-Минеех и иным образом. Изображая жизнь святых и описывая разнообразие человеческие отношения, Святитель, может быть, даже невольно придал всему особый характер мягкости, любви, идеализма — отличительных особенностей своей личности. У него, например, человек не сам собою совершает грех, а по наущению дьявола. Управитель Армении Пазиник вмешивается в дела Церкви и причиняет огорчение преподобному Иоанну Молчальнику, «наушающу его бесу»; монаху Иоанну, подвизавшемуся с Саввой Освященным, «вложи враг в умы мысль непотребну» идти в Александрию; добивающийся супружества со святой мученицей Иулианией юноша достиг звания епарха, «помогающу ему бесу»; «древняя злоба — дьявол» воздвиг брань против христиан в стране Готфов, и Афанарис, начальник страны, преследует их, «наушающу его бесу»; Проклиания — мать возымела возжеление к сыну «бесовским наваждением»³⁰⁰ и т. д.

«О люте, в каковая неподобная помышления вметает нищета последняя...» — восклицает Святитель, рассказав об отце, обедневшем и задушавшем торговать своими дочерьми, обвиняя и тут не человека, а не благоприятные обстоятельства³⁰¹.

Народ, взирающий на мучения святых исповедников или созерцающий чудеса, совершаемые ими, у Святителя очень часто не только выражает сочувствие святым страдальцам, но и высказывает веру во Христа. Пораженные чудесами святого апостола Иоанна Богослова, ефесяне кричат: «велик Бог христианский!»; видя, что звери не коснулись святого мученика Елевферия, народ взывает: «велик Бог Елевфериев!»; все, смотревшие на мучение святой мученицы Веры, «дивляхуся терпению и чудеси сему, яко не обычно от язвы млеко, а не кровь течаше и, покивающие главами, укоряху тайно цареву безумие и лютость»; слуги, мучившие святого Харалампия, изнемогли и «начаста исповедати и прославляти силу Христову, укрепляющую страдальца» и т. п.

Святые подвижники и исповедники в изображении Святителя горят какою-то удивительной любовью к Господу, всем сердцем стремятся в монастырь, со смирением переносят труды и подвиги, «радуясь» умирают за Христа, проявляют друг к другу братскую любовь и прощение. Правда, все эти черты встречаются и в источниках, но у Святителя они переданы с особенной теплотой и сердечностью.

Особенно много теплоты и сердечности вносит Святитель в отношения друзей, учеников и учителей, пастыря и пасомых, мужа и жены, детей и родителей. Так, у него Неарх «печашеся к христианстей вере привести друга»; святой Лонгин, встретив друзей, «возвести им вся... они же слышавше возрадовашася... Также введ своя други к воинам рече: се имате Лонгина, се имате и два друга его»; святая Фекла при встрече с апостолом не только «до земли поклонися ему», но и «с радостными слезами облобыза узы его», а он «облобыза главу ся, благословляющи ю», и т. п.

Особенно замечательны в рассматриваемом отношении жития: святого мученика Евдоксия (4 сентября), святого Евстафия Плакиды (20 сентября), святых Галактиона и Епистимии (5 ноября), святого Филарета Милостивого (1 декабря), святых Ксенофонта и Марии (26 января), святых Вита, Модеста и Криспентия (15 июня). Передавая историю действующих в этих житиях лиц, Святитель их взаимные отношения окрасил такими трогательными чертами, каких мы совсем не находим в источниках. Они созданы отзывчивым сердцем самого «списателя житий», выношены его чистою и любвеобильною душою.

Иногда, описывая такие отношения, Святитель не выдерживает объективного тона и переходит к восклицаниям: «Кое тамо бе разлучение,— пишет, например, он в житии святого мученика Евдоксия, — егда жена мужа, чада отца, друзи любимого друга лишася. Плакахуся вси о нем зело, разлучающася друг от друга и ведуще, яко уже ему к ним не возвратитися»³⁰². Или в житии Евстафия Плакиды, после рассказа о потере Евстафием детей: «Кто исповесть болезнь сердца его, рыдание и плач мног?» и далее в подобных же выражениях описывает всю глубину постигшего Плакиду несчастья³⁰³. В житии святого мученика Севастиана, передав о том, как к мученикам в темницу пришли родные, Святитель говорит: «И что творити имеяху непобедимая та сердца? Ни едина им мука сие одолети можаше, якоже то искушение, естественною бо любовию к престарелым родителям, к женам же и чадам и сродникам побеждающася, и жалостию сокрушающася, начаша усумневатися и, аки трость, колебаться от ветра и воск от огня таяти сердца своими»...³⁰⁴

Во всех приведенных местах чувствуется не простой книжник-переводчик, а писатель-художник. Святитель Димитрий действительно и был таким художником. Он мыслил образами и картинami, прибегал к сравнениям и уподоблениям, писал языком живым и изобразительным. У него более яркие, чем в подлинниках, описания, картинные изображения, живые, полные движения сцены.

Например, Метафраст просто говорит, что Афродития и ее дочери «старались склонить» святую Агафию к идолопоклонству, — у Святителя: «украшаху бо ю многоценными одеждами, даяху дары, представляху многоценные сладкие различные снеди и пирования, составляху лики и плясания, играющим мусикиям, и всякие мирские бесчинные действия и глумления перед очима ее творяху»...³⁰⁵ У Метафраста отец наказаниями старался заставить святую Иулианию отречься от Христа, — у Святителя: «на землю пометающе ю, за власы терзающе, ногами попирающе, не яко родитель, но яко мучитель»³⁰⁶.

Но при всей красоте, силе и изобразительности язык Четих-Миней носит всё же черты своего времени и отпечаток тех источников, которыми Святитель Димитрий пользовался. Составляя произведение характера основоположительного, Святитель непременно, в силу усвоенного на Юго-Западе обычая, должен был писать на языке церковнославянском. Но славянский язык южнорусской литературы XVII в. имел некоторые своеобразные черты и особенности. «Чистая церковнославянская речь, — говорит историк русской литературы профессор М. Н. Сперанский, — южнорусским ученым и переводчикам, даже в московской окраске, была уже не вполне доступна; она сбивалась у них на их живую речь»³⁰⁷. Элементы живого народного языка встречаются и у Святителя Димитрия³⁰⁸. Кроме того, пользуясь латинскими источниками и такими славянскими книгами, как Великие Макарьевские Минеи, он, может быть иногда и невольно, удерживал при пересказе некоторые их выражения и слова. Поэтому вместе с местным, народным элементом, в Четих-Миней встречаются слова и выражения латинские³⁰⁹, и такие славянские, которые даже в церковнославянской речи давно вышли из употребления³¹⁰. Те же славянские источники наложили на язык Четих-Миней Святителя Димитрия и еще одну особенность. В древнерусские переводы с греческого, по большей части буквальные, проникло немало слов греческих, для которых в славянском языке не находилось подходящего выражения. Если мы станем просматривать, например, Макарьевские Четии-Минеи, то встретим очень много таких гречизмов. Проникли они и в Четии-Минеи Святителя Димитрия, который также оставил их без перевода³¹¹. Кроме того, у южнорусских писателей, несомненно, были в отношении слововыражения и некоторые традиции. Святитель, например, почти никогда не называет языческих богов рим-

скими именами, а греческими. Это наблюдается даже там, где он пользуется латинским источником. Очень редко дает Святитель латинские названия и тем должностным лицам, которые, как представители римской власти, упоминаются в житиях мученических. Можно, правда, подумать, что всё это признаки пользования греческими источниками, но мы полагаем, что здесь просто сказались, с одной стороны, традиции, с другой — влияние источников славянских.

Этой общей характеристикой языка Четних-Миней мы и закончим рассмотрение их, как памятника литературного.

Святитель Димитрий смотрел на свой труд по составлению Четних-Миней, как на послушание, врученное ему «малороссиянскою Церковью». Это послушание он выполнил и выполнил прекрасно. От него требовалось написать такую книгу о жизни святых угодников Божиих, которая бы вошла в церковное употребление и вытеснила распространенные в XVII в. среди православного народа на Юго-Западе католические агиографические издания, особенно «Żywoty Świętych» Петра Скарги. Мы уже говорили, какой имели успех Четни-Миней Святителя Димитрия тотчас же, после своего появления; по выражению украинского летописца, «они наполнили духовною радостью сердца книжных людей юго-западного края», они быстро получили широкую известность и в Москве; первое и второе издания их скоро разошлись, и Киево-Печерская Лавра в XVIII в. всё время хлопотала о новых изданиях Четних-Миней, побуждаемая многочисленными на них требованиями. Несомненно, Четни-Миней вошли и в церковное употребление. Еще и сейчас они читаются за монастырскими трапезами, а в то отдаленное время, полагаем, не пренебрегали их чтением и за богослужениями³¹². Получив свои родные славянские Четни-Миней, юго-западный православный народ совсем оставил инославные издания. Весьма распространенная и популярная книга Петра Скарги, после выхода Четних-Миней, мало-помалу забывается, переводов ее житий появляется всё меньше и меньше, и в то время как имя Святителя Димитрия, как «писателя житий святых», приобретает все большую и большую известность, имя католического агиографа быстро ее теряет и скоро совсем забывается. Кто среди русского народа, на Юго-Западе, помнит теперь Петра Скаргу и его книгу? А как много у нас людей, знающих Святителя Димитрия и доселе с любовью читающих его великое произведение.

Святитель совершил весьма важное, общенародное дело и подвинул далеко вперед развитие русской агиографии. С любовью принятые народом, нашедшим в них выражение своих исконных чаяний, своих воззрений и желаний, Четни-Миней Святителя Димитрия сделались национальным достоянием, одною из тех книг, по которым вырабатывались и складывались своеобразные духовные особенности русского православного человека. В истории агиографии они завершили то, к чему стремилась эта отрасль древнеславянской письменности, старавшаяся в трудах Московского митрополита Макария и его последователей собрать все памятники русской и общехристианской агиографии и составить по ним книгу, доступную и удобную для народного пользования. Отсутствие попыток составить новые Четни-Миней после Святителя Димитрия ясно показывает, как великолепно понял и прекрасно выполнил он то, что составляло тогда задачу русской агиографии и нужду нашей Православной Церкви. Но, завершив труды своих предшественников, Святитель Димитрий положил начало и сделал первый шаг в деле научного изучения агиографии и критического исследования житий. Он первый обратился за источниками для своего труда на Запад, первый воспользовался его научными агиографическими изданиями и первый же начал разрабатывать эту область богословской литературы с критическими приемами. Такая разработка особенно сильно сказалась в трудах Святителя Димитрия при составлении месяцеслова Четних-Миней. Но, ве-

роятно, Святитель провел бы ее и дальше, если бы преждевременная смерть не вырвала перо из его неутомимо пишущей руки. Это дело критического изучения житий и научной их разработки Святитель оставил своим преемникам, но оно долго не находило нужных работников и начало осуществляться только в наше время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Четии-Минеи, ч. III, марта 1-го, л. 20; марта 4-го, л. 33 об.; ч. II, января 4-го, л. 362; ч. IV, июня 15-го, л. 167 об. и др.

² Четии-Минеи, ч. III, марта 1-го и 4-го, апреля 22-го, л. 243 об.; ч. IV, июня 15-го и 17-го, л. 174 об.; июля 13-го, л. 436 об., августа 7-го, л. 628, и 31-го, л. 785 об.

³ Четии-Минеи, ч. IV, июля 13-го и августа 7-го и 31-го.

⁴ Там же, июля 13-го.

⁵ Четии-Минеи, ч. I, сентября 21-го; ч. III, марта 9-го, апреля 18-го; ч. IV, июля 7-го и 13-го; августа 1-го.

⁶ Отдельного издания месяцеслова, если судить по «Опыту славянской библиографии» В. М. Ундольского и исследованию архиепископа Сергия «Полный месяцеслов Востока» (далее: ПМВ), ч. I, с. 363—366, в этом году в Москве не было; может быть, Святитель Димитрий разумеет какой-либо месяцеслов при Богослужебных книгах московского издания.

⁷ В «Опыте славянской библиографии» В. М. Ундольского отдельных изданий месяцесловов во Львове, Вильне и Чернигове не указано; вероятно, и здесь разумеются месяцесловы при Богослужебных книгах, изданных в этих городах.

⁸ В том же «Опыте славянской библиографии» такого издания опять нет, и мы снова принуждаемся разуместь здесь месяцеслов при Богослужебной книге.

⁹ Это тоже не отдельное издание, а месяцеслов при Полууставе.

¹⁰ Пролог, хранившийся в библиотеке Московской духовной академии. № 3/300, ч. II, январь 8, л. 555.

¹¹ Четии-Минеи, ч. IV, июня 17-го, л. 174 об.

¹² Четии-Минеи, ч. I, ноября 16-го, л. 524, и 22-го, л. 577.

¹³ Пролог, ч. III, марта 18-го, л. 56 об., 18-го, л. 106 об., апреля 13-го, л. 214 об.

¹⁴ См., например, Киевское издание 1672 г., где помещены Святцы с летописью; Полуустав Иннокентия Гизеля 1682 г., издания 1690 и 1691 гг., где памяти святых сопровождаются синаксарями (лл. 297—482).

¹⁵ Например, Львовский Апологизон 1651 г.

¹⁶ ПМВ, т. I, с. 365, 348—350 и приложения 14 и 18, с. 191—194.

¹⁷ ПМВ, т. I, с. 274.

¹⁸ Четии-Минеи, ч. IV, лл. 436 об. и 437.

¹⁹ Там же, ч. IV, л. 628, ср. Пролог, ч. I, л. 38 об.

²⁰ Там же, ч. IV, 4 июля, л. 222 об.

²¹ Четии-Минеи, ч. III, л. 325 об.

²² Там же, с. 311 об.

²³ Святитель Димитрий и его время, с. 181, примечание 2.

²⁴ Четии-Минеи, ч. III, л. 211.

²⁵ Пролог, ч. IV, л. 422.

²⁶ Пролог, ч. I, л. 156.

²⁷ Пролог, ч. III, л. 288 об.

²⁸ Приведем здесь те ссылки на эти источники, которые относятся к святым, не имеющим в Четиих-Минеях полных житий.

1. На Макарьевские Четии-Минеи: марта 18-го, свв. мм. Трофима и Евкратия, — «в Четье марта 22-го» (Пролог, ч. III, л. 106 об.); марта 28-го, свв. Ионы и Вархасия, — «в Четье 29 дня» (л. 152 об.); апреля 2-го, м. Феодоры, — «Четья апреля 2-го, л. 81, сия мая 29-го Феодосия» (л. 179 об.); 5-го свв. мм. Феодоры и Дидима, — «Четья апр. 6-го, л. 121» (л. 188 об.); мая 4-го, св. м. Еразма, — «историю страдания сего св. мученика зри в великой Минси Четье сего месяца в 10 день» (л. 287 об.); 11-го преп. м. Феодосия, — «сияж 18 числа, в Четье житие и страдание ея мая 29, л. 1556» (л. 328 об.); 18-го, м. Феодосия, — «сияж 11 числа, в великой Минси Четье житие и страдание ея положено мая 29-го, л. 1556» (л. 363); июля 4-го, св. м. Феодора Кириносского и м. Кирилла, — «в Четье л. 59-й» (IV ч. л. 558 об.); 6-го св. м. Кошты Фригийского, — «Четья л. 32-й» (л. 538 об.); 26-го св. м. Параскевы, — «о сей святой в великой Минси Четье есть воспоминание» (л. 626 об.).

2. На Сурья: сентября 16-го, св. Людмила, — «Suria, т. 7, с. 212» (л. 56 об.), 28-го, св. Вячеслава, — т. 5, с. 444 (л. 99 об.); октября 5-го, св. Дниосия Александрийского, т. II, с. 653 ex Eusevio (л. 126); 7-го, свв. Иудилана и Кесария, — т. 6, с. 12-я ноября 10-го» (л. 136); 12-го, св. Мартина Милостивого, — т. 6, с. 258 (л. 160); декабря 12-го, св. Александра Иерусалимского, — т. 2, с. 306 (л. 445); февраля 19-го, преп. Евгения и Макария, — т. 5, с. 973 (л. 713); 28-го, св. м. Нестора, — «сего святого житие зри Suria, т. I, с. 1083-я» (л. 740 об.), апреля 7-го, св. Вадима, — т. 6, с. 651 (л. 201 об.);

мая 4-го, св. м. Еразма,—т. 7, с. 388 (л. 187 об.); июня 15-го, св. Иеронима,—т. 5, с. 495 (л. 465).

3. *Ha Vitae Sanctorum Patrum*: сентября 16-го «Слово о Дорофее пустыннике, л. 709-й» (л. 57); 24-го, преп. Коприя,—«ин Коприй июля 9-го, еще ин in VSSPP, л. 466-й» (л. 76); октября 18-го, преп. Иулиана,—«VSSPP, 800» (л. 178 об.); ноября 2-го, преп. Маркиана,—«зри о нем in VSSPP, ср. л. 806-й» (л. 240); 10-го, преп. Милия,—«VSSPP, л. 585-й» (л. 269); декабря 28-го, преп. Иоанна Колова,—«in VSSPP ff: 449, 546 и 738-й (л. 511); января 13-го, преп. Иакова Низибийского,—«in VSSPP vide» (л. 577 об.); 18-го, преп. Маркиана Киринейского,—«зри о нем in VSSPP f. 806» (л. 589); 24-го, преп. Македония,—«VSSPP, л. 828 et seq. (л. 608 об.); 25-го, преп. Мара певца,—«de isto sancto vide in VSSPP f. 837» (л. 612); 28-го, преп. Палладия,—in VSSPP ff. 817 и 818 (л. 621 об.); февраля 14-го, преп. Марона,—«in VSSPP f. 833 auctore Phedorito ep. Cyr. nonne iste sanctus vide et f. 838» (л. 701); 28-го, преп. жен Маринны и Киры,—«VSSPP f. 835 auctore Phedorito» (л. 740 об.); слово об Иулиане монахе,—«о некоем Иулиане мнимое vide in VSSPP f. 800, de quo Phedoritus pulchre» (л. 741); 29-го, преп. Кассиана Римлянина,—«VSSPP, f. 557» (л. 740); марта 17-го, преп. Георгия, игумена горы Синайской,—«Лимонарь, л. 126-й» (л. 103 об.); 31-го, преп. Аполлония,—«vide in VSSPP, f. 460 и 747» (л. 168 об.); апреля 5-го, преп. Пуппия,—«vide in VSSPP, f. 650-й» (л. 158); 22-го, преп. Виталия монаха,—«sed vide librum de VSSPP, f. 197 и 198 vita s. Joannem demosinet» (л. 244 об.); июля 6-го, преп. Сисоя Великого,—«in VSSPP ex indice» (л. 538) и 14-го, преп. Елия монаха,—«зри о нем in VSSPP, f. 754, т. 8, с. 9» (л. 585).

4. *Ha историков Церкви*: октября 18-го, св. Иулиана,—«Феодорит, кн. 9, гл. 11-я» (л. 178 об.); ноября 26-го, преп. Иакова отходника,—«Phedoritus libro de VSSPP, с. 21, f. 837» (л. 363); апреля 17-го, св. Симеона, епископа Персидского,—«Созомен, кн. 2, гл. 8-я, 9-я и 10-я» (л. 225 об.); мая 29-го, св. м. Феодосии,—«Eusevius f. 8, гл. 8, с. 17-я» (л. 401); июня 5-го, св. м. Дорофея,—«Niciphor, кн. 10, с. 9, л. 595-й» (л. 425); августа 19-го, свв. мм. Тимофея, Агафни и Феклы,—«Eusevius, кн. 8, с. 13, л. 151-й» (л. 712 об.); 21-го, св. апостола Фаддея,—«Eusevius, 1. 1, с. 13 et Niciphorus, 1. 2, с. 7 et 40» (л. 717); августа 25-го, свв. 37 мм. в Филиппополе,—«тинж мнятся быти, иже и 20 числа, кроме жены с отрочищем, о ней же зри Socrates, кн. 1, гл. 4, с. 14 et Theodoritus, кн. 1, гл. 4, с. 16 et Sosomenus, кн. 1, гл. 6, с. 18-й» (л. 735).

5. *Ha Martyrologium Romanum*: сентября 1-го, 40 дев постниц,—«et R. M. sept. 1» (л. 2); м. Каллисты,—«R. M. sept. 2» (л. 2 об.); 20-го, свв. мм. Ипатия и Андрея,—«R. M. aug. 29-го» (л. 68); 26-го, св. м. Иранды девы,—«vide R. M. sept. 22-го» (л. 75); 27-го, св. апостола Марка, Аристарха и Зинона,—«et R. M. de Marco eodem die sept. vocat illum Joannem» (л. 95); октября 4-го, св. Петра Капитолийского,—«R. M. oct. 4. Не той ли се Петр, иже in Baronio I.9. ann. 742, п. 3» (л. 120 об.); 18-го, св. м. Мартина старца,—«R. M. aug. 8-го» (л. 178 об.); ноября 10-го, св. м. Милия, еп. Персидского,—«R. M. arg. 22-го» (л. 269); 22-го, св. м. Прокопия,—«тойжде то Прокопий, шо июля 8, дается то звать ех R. M. iulii 8-го» (л. 344); декабря 15-го, св. м. Елевферия Кувикулария,—«сего святого авг. 4 et in R. M. aug. 4, значит там его и положить, а тут минути» (л. 458 об.); 16-го, св. м. Марши,—«R. M. dec. 26-го» (л. 464); января 30-го, св. м. Ипполита Римского,—«авг. 10 смотри Ипполита некого R. M. aug. 22-го» (л. 628 об.); марта 15-го, св. м. Никандра,—«R. M. eodem die» (л. 55); апреля 11-го свв. мм. Прощетия и Мартинаиана,—«о сих не обретох at R. M. iul. 2» (л. 207 об.); июня 4-го, св. м. Астия,—«R. M. iul. 7. Взмнка о нем и в сей книзе июля 7, в страдании свв. мм. Перегринна etc» (л. 541 об.); июля 7-го, св. м. Перегринна,—«R. M. iul. 7» (л. 541 об.); августа 4-го, св. м. Елевферия,—«сегож св. дек. 13 at R. M. aug. 4, ergo hic ponendus» (л. 659); 30-го, преп. Фонтиния,—«R. M. eode mense et die» (л. 753).

6. *Ha Acta Sanctorum*: декабря 3-го, пр. Феодула епарха,—«ASS mai 28, t. 6, f. 755» (л. 384); 12-го, св. м. Александра Иерусалимского,—«ASS mart, t. 2, f. 614» (л. 445); 18-го, св. м. Кастула,—«сей Кастул ASS mart, t. 3, f. 612» (л. 472); 26-го, св. Евфимия исповедника,—«ASS mart, t. 2, die 11» (л. 504); 30-го, св. м. Филарета Никомидийского,—«ASS mai, t. 4, ff. 310—312, тойжде мая 20-го» (л. 516); января 5-го, преп. Григория Критского и Фостиря,—«Bolland iannuar, t. 1, d. 5, f. 289 breviter»; 9-го, прор. Самса,—«Bol. iann., t. 1, f. 458»; 14-го, преп. Саввы Сербского,—«Bolland iann. t. 1, f. 979»; св. м. Феодула,—iann. t. 1, f. 967; преп. Стефана Цареградского,—«Boll. eode die et tomo f. 976»; 15-го, св. м. Пансофия,—«Boll. iann. t. 1, d. 15, f. 996»; 20-го, свв. мм. Васса, Евсевия, Евтихия и Василида,—«ASS iann. t. 2, i. 257, се то четыре протектори, они же февраля 7, ut testatur ASS februar. t. 2, f. 18»; свв. мм. Инны, Пинны и Риммы,—«ASS iann. t. 2, f. 297»; прр. Мавсимы и Саламана,—«ASS iann. t. 2, f. 489 и 490»; 24-го, св. м. Вавилы Сицилийского,—«ASS iann. t. 2, f. 592»; преп. Македония,—«ASS iann. t. 2, f. 593 et VSSPP, f. 828»; 25-го, преп. Поппия,—«ASS iann., t. 2, f. 621»; 26-го, преп. Симеона пустынника,—«ASS iann. t. 2, f. 109»; свв. мм. Анании пресвитера и Петра темничного ключаря,—«ASS februar. t. 3, f. 490»; 29-го, свв. мм. Романа, Иакова, Филофея, Иерихия, Авива, Иулиана и Паригория,—«ASS iann. t. 2, f. 950»; св. мм. Сильвана еп., Луки диакона и Моккия чтеца,—«ASS febr. t. 1, f. 777»; 30-го, преп. Зинона,—«ASS febr. t. 2, f. 390»; 31-го, свв. мм. Викторина, Виктора, Никифора и др.,—«ASS febr. t. 3, f. 488, сих же апр. 3, сих же подобно февр. 3»; св. м. Трифены,—«ASS iann., t. 2, f. 1081»;

февраля 1-го пр. Петра Галатийского. — «ASS febr., t. 1, f. 94»; преп. Вендимнана, — «ASS febr. t. 1, f. 99»; свв. мм. Пернегуи, Ревоката и др.; — «Cornelius a Lapide in martio c. 2, n. 12, f. 246 et Superius c. 7, n. 13, f. 179, ASS mart t. 1, f. 630»; 3-го, прор. Азарии, — «ASS februar t. 1, f. 319»; свв. мм. Адриана и Еввула, — «De s. Adriano, ASS mart t. 1, f. 365, de s. Eubulo code tomo ff. 644 et 426 et 427» (Святитель ошибся, — там иные мм., см. ASS, febr. t. 1, f. 466); 4-го, священномученика Авраамия Арвилского, — «ASS, febr. t. 1, f. 466»; 6-го, св. м. Иулиана, — «ASS, febr. t. 1, f. 778»; свв. мм. Марфы и Марии, — «ASS, febr. t. 2, f. 157» ...Дальнейших указаний на Acta Sanctorum приводить не станем, они имеются почти при каждой памяти и заняли бы несколько страниц.

²⁹ Напр., июля 3-го, св. м. Иакинфа, — «M. R. eode mense et die»; 4-го, Феодора, епископа Киринейского, — «M. R. eode die»; 6-го, св. м. Лукии, — «M. R. eode die»; 7-го, св. м. Перегриии etc., — «M. R. eode mense et die» и т. д. Рук. б. М. Т. библиотеки № 420, л. 457».

³⁰ Пролог, ч. III, л. 148 об. Срав. ПМВ, т. II, с. 119 заметок.

³¹ Пролог, ч. III, л. 208. См. подобное 6 апр., 3 июля, 4 авг., 3 и 8 марта.

³² Четии-Минеи, ч. III, л. 288 об. Подобное см. 7 июля о св. Евангеле; здесь, кроме стихов, упоминается, что святой «мечем за Христа скончался».

³³ Четии-Минеи, ч. IV, 12 авг. Подобное см. 15 дек., 8 марта и 19 апреля.

³⁴ Четии-Минеи, ч. IV, 2 августа.

³⁵ Четии-Минеи, ч. III, л. 74. Архiep. Сергей (ПМВ, т. II, с. 68 и 238) объединяет этих святых.

³⁶ Четии-Минеи, ч. III, л. 78 об. По ПМВ (т. II, с. 69), это иной Тарасий, чудотворец Ликаонский.

³⁷ Четии-Минеи, ч. IV. Архiep. Сергей считает их за Иоанна V и Георгия I, живших при Константине Пагонате (ПМВ, с. 250).

³⁸ Четии-Минеи, ч. I, 13 сент. Архiep. Сергей первых двух святых различает (ПМВ, т. II, с. 272 и 281), а вторых тоже объединяет (ПМВ, с. 276 и 281).

³⁹ Четии-Минеи, ч. IV, июля 3-го. Архiep. Сергей (ПМВ, т. II, с. 199) подтверждает это. См. подобную же заметку 17 августа о св. мм. Фирсе и Левкии.

⁴⁰ Пролог, ч. III, 22 марта.

⁴¹ Четии-Минеи, ч. III, л. 270.

⁴² Acta SS., апрель, т. I, л. 266.

⁴³ Четии-Минеи, ч. III, л. 164 об. и Acta SS., март, т. III, л. 474.

⁴⁴ Четии-Минеи, ч. IV, л. 124 об.

⁴⁵ См. ранее с. 184 и 185 первой части.

⁴⁶ Четии-Минеи, ч. I, л. 289.

⁴⁷ Четии-Минеи, ч. III, л. 446.

⁴⁸ Там же, л. 652 об.

⁴⁹ Четии-Минеи, ч. IV, 14 и 16 августа

⁵⁰ Там же, 18 июня.

⁵¹ Четии-Минеи, ч. I, 21 сентября.

⁵² Рукопись Московской Типографской библиотеки № 420 (472), л. 454.

⁵³ Та же рукопись, лл. 18—23.

⁵⁴ Там же, л. 458.

⁵⁵ Там же, л. 459.

⁵⁶ Там же, л. 454 и Пролог, ч. IV, л. 424.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же, л. 455.

⁵⁹ Там же, л. 456.

⁶⁰ Там же, л. 455 и Четии-Минеи 9-го июня.

⁶¹ Письмо к Феологу 4-е. — Ярославские епархиальные ведомости, 1874, с. 259.

⁶² Рукопись, л. 468 и д. Из отмеченных в списке житий не все оказались внесенными в Четии-Минеи; к подобным относятся: Аттика, патриарха Цареградского (январь, т. I, 493 с.), Петра, еписк. Севастийского (январь, с. 589, в Четиих-Минеях только память 9 января), свв. Георгия и Евтропия (ib., 725), св. апостола Илария (ib., 782), св. Макрины (ib., 952), свв. Исидора и Евстафия (ib., 1015), св. Евфимия (ib., 997), св. мученика Василиска (январь, т. II, с. 221), св. патриарха Флавиана (ib., 252), св. Викентия (ib., 393), св. Дионисия Севастийского (февраль, т. II, 158 с.), св. Марка Афинского (март, III, 778) и св. Евтихия (май, V, 249), но зато в Четиих-Минеях есть и также взятые из Acta SS. памяти и жития, которых в списке нет.

⁶³ Четии-Минеи, ч. IV, л. 375.

⁶⁴ Там же, л. 67. Подобное см. 8 июня, л. 70 об.

⁶⁵ ПМВ, т. I, с. 275.

⁶⁶ Там же, с. 373.

⁶⁷ См. ранее с. 62, I ч.

⁶⁸ Предисловие к Библии 1581 г. по сочинению проф. А. С. Архангельского, «Очерки из истории зап.-русской литературы XVI—XVII вв.». М., 1888, с. 91, прим.

⁶⁹ Житие сщмч. Климента Римского, 25 ноября.

⁷⁰ Житие преподобномучеников Феодора и Феофана Начертанных, 27 декабря.

⁷¹ Житие свв. мм. Назария, Гервасия, Протасия и Кельсия, 14 октября.

⁷² Святитель Димитрий и его время, с. 375, прим. 1.

⁷³ См. янв. 27-го, житие пр. Евсевии-Ксении, 31-го — свв. Кира и Иоанна; февр. 7-го — преп. Луки Елладского и 1003 мм.; 20-го — св. Льва, еп. Катанского, и т. д.

⁷⁴ См. сент. 3-го, житие св. Иоанна постника, янв. 28-го — св. Ефрема Сирина, авг. 9-го — св. апостола Матфия и др.

⁷⁵ См. июля 29-го, житие св. Серафимы, 13 дек. — св. Лукки девы.

⁷⁶ См. ноября 28-го, житие св. Стефана Нового; янв. 27, перенесение мощей св. Иоанна Златоуста и др.

⁷⁷ См. нояб. 16, житие ап. Матфея; 23-го — св. Амфилохия, дек. 1-го — св. Иоанна Милостивого, 4-го — св. вмч. Варвары и мн. др.

⁷⁸ См. Ч.-Минен — 5 апреля, житие свв. мм. Агафопода и Феодула; 24 января — преп. Евсевии-Ксении; 31 января — свв. Кира и Иоанна; 7 февраля — св. Луки Елладского и 1003 мучеников; 20-го — св. Льва, еписк. Катанского; марта 6-го — свв. Кононов, отца и сына, а также Ч.-Минен марта 7, 20, 22, 25; апр. 4, 5, 7, 11; мая 2. 13, 14, 19, 25, 28, 29 и 31; июня 28 и июля 3-го.

⁷⁹ См. подобное 11-го апр. при житии смчч. Антипы, еп. Пергама Асийского.

⁸⁰ См. также 18-го июня, житие свв. мч. Леонтия, Ипатия и Феодула; 23-го повесть о покаянии Феофила, 25-го житие св. мч. Февронии девицы.

⁸¹ В библиотеке Московской духовной академии имелось издание Сурия № 2(280), вышедшее в 1618 и сл. годы, оно полнее издания 1573—86 гг., и поэтому счет страниц в нем совершенно другой. В дальнейшем мы везде цитируем Типографское издание.

⁸² Surius, т. 6, предисловие к читателю.

⁸³ См. *Сурий*, т. II, л. 409. Подобное 21-го ноября, слова: Георгия Никомидийского, — *Сурий*, т. VI, л. 521, и Германа Константинопольского, — там же, л. 518; 24-го июня, слово Свят. Иоанна Златоуста на рождение св. Иоанна Предтечи, *Сурий*, т. III, л. 900.

⁸⁴ Во втором издании просто — «от Метафраста».

⁸⁵ См. Патрология *Миня*, с греч. т. 114, с. 967.

⁸⁶ Срав. Четии-Минен, ч. I, л. 27 об. и *Сурий*, т. I, л. 592 и т. V, л. 969, § 35.

⁸⁷ Срав. Ч.-Минен 24 сентября, *Сурий*, т. V, л. 389, и ВЧМ, изданные Археографической Комиссией, в II, стр. 1376—1390. Подобное см. 28 ноября, житие св. Стефана Нового, — *Сурий*, т. VI, л. 660; 7 дек., житие Свят. Амвросия Медиоланского, — *Сурий*, т. II, л. 525 и др.

⁸⁸ Срав. Четии-Минен, 11 апреля, *Сурий*, т. II, л. 683 — «martirium ex S. Metaphraste» и Acta SS. апрель, т. II, л. 3 и л.

⁸⁹ Срав. Четии-Минен 28 апр., *Сурий*, т. II, л. 1005 и Acta SS. апрель, т. II, л. 126. Подобных примеров можно бы привести несколько, — см., напр., 11 февр. житие вмч. Никифора и мч. Власия (срав. «Царская Миня» В. В. Латышева, с. 131 и 132), 7 мая — житие св. Акакия и др.

⁹⁰ См. Acta SS. январь, т. II, с. 724.

⁹¹ Срав. житие в Ч.-Минях и в Патр. гр. т. 114, с. 335—392, §§ 21, 50, 58 и 11.

⁹² История, кн. XIV, гл. 51 и XVIII, гл. 23.

⁹³ Żywoty Świętych, с. 27 по изд. 1619 г.

⁹⁴ Срав. Четии-Минен. Историю *Никифора*, кн. II, гл. 3 и 35 и кн. III, гл. 2 и Martyrologium Romanum изд. 1613 г., с. 192.

⁹⁵ Acta SS., февраль, т. II, с. 382—386.

⁹⁶ Сюда относятся: житие св. Фоки, епископа Синопийского (*Сурий*, V, 365), составленное по каталогу Петра и положенное в наши Четиих-Минях — 22-го сентября, без указания источника; житие свв. Космы и Дамиана, написанное, как свидетельствует Сурий (V, 403), по древним кодексам и использованное Святителем для житий тех же святых 17-го октября (§§ 3—8) и 1-го ноября (§§ 1, 2, 9—11-й); сказание Тимофея, архиеп. Александрийского, о чудесах св. Мины (*Сурий*, VI, 253), помещенное Святителем 11-го ноября, после жития великомученика; жизнь св. Григория чудотворца, написанная Григорием, еписк. Нисским (*Сурий*, IV, 55), — в наших Четиих-Минях — 17 ноября, списанное св. Григорием, епископом Нисским; мучение св. Петра Александрийского, взятое Сурием из древних кодексов (VI, 621), — в наших Четиих-Минях — 25-го ноября, «написано от Анастасия книгохранителя»; страдание Пакова персянина, тоже взятые из древних кодексов и согласные с мартирологами (*Сурий*, VI, 657), в наших Четиих-Минях — 27-го ноября — «от Четии блж. Макария, митр. Московского, и от Никифора (XIV, 20)»; жизнь Иоанна Дамаскина, составленная Иоанном, патр. Иерусалимским (*Сурий*, III, 115) и положенная Святителем 4-го декабря с заметкой: «написатель сего жития бл. Иоанн патр. Иерусалимский, из него же zde сокращенное мало»; житие Амвросия Медиоланского, составленное Павлином пресвитером (*Сурий*, II, 525), — в наших Четиих-Минях, 7-го декабря: «сие житие писал Павлин пресвитер, а zde сокращенное, еще же и от иных достоверных некая воспомянушая»; история св. девы Лукии, взятая Сурием (VI, 987) из древних кодексов, — Святитель показал, что житие заимствовано «от древних мартирологов». 12-го декабря, деяния св. мч. Севастияна, описанные на основании рукописных источников Бедой и Узуардом (*Сурий*, I, 449), — в наших Четиих-Минях — 18-го декабря — житие значится взятым «от древних мартирологов»; составленная Свят. Амвросием Медиоланским жизнь св. мч. Агиии (*Сурий*, I, 507), у Святителя, 21-го января, житие также «списано от св. Амвросия Медиоланского»; жизнь св. Григория Богослова, описанная учеником его Григорием пресвитером (*Сурий*, III, 681), — в наших Четиих-Минях —

25-го января — житие «из Григория пресвитера, ученика его, из Руфина и иных, и из его же книг вкратце собранное», выдержка из речи св. Григория Богослова о преп. Марке Арефусийском и свидетельство Феодорита (III, 6) о Кирилле диаконе (*Сурий*, II, 441), послужившие источником для жития преп. Марка в наших Четних-Минеях — 29 марта, — где указаны те же источники; речь инока Феостерикса, описывающая жизнь преп. Никиты исповедника (*Сурий*, II, 500), в наших Четних-Минеях, 3-го апреля, житие, «написанное иноком Феостериксом, учеником его, из него же zde вкратце и от великия Четыи»; жизнь и мучение Евтихия, патриарха Константинопольского, описанные пресвитером Евстафием (*Сурий*, II, 578), у Святителя, 6 апреля: «сего святого житие написа Евстафий пресвитер, из него же и из великия Минеи zde вкратце»; жизнь св. папы Мартина исповедника, составленная неизвестным, но близким (fati-fagi) к нему лицом (*Сурий*, V, 290), в наших Четних-Минеях, 14 апреля, указаний на источники нет, а сказано только, что они использованы «сокращенно»; мучение св. мч. Ианнуария, описанное по Сурню (VII, 219) царским историографом Луцием Марином, — в наших Четних-Минеях, 21-го апреля, источник не указан, по содержание жития вполне соответствует Сурню; *certamen* свв. мчч. Вита, Модеста и Криспентия, взятое Сурнем (III, 753) из древних кодексов, — Святитель в Четних-Минеях пишет, что взял житие «от великия Минеи-Четыи (15-го июня) и от иных переводов», — под последними, очевидно, и разумеются книги Сурия; написанная самим Сурнем жизнь св. Кирилла, епископа Гортинского (IV, 151), в наших Четних-Минеях, 9 июля, источник не указан, но житие представляет очень близкий перевод Сурнева сочинения; мучение св. Аполлиария, епископа Равентийского (*Сурий*, IV, 325), — в наших Четних-Минеях, 23 июля, — «от великия Минеи-Четыи сокращенно», но сравнение житий показывает, что в основу работы Святителя положен латинский текст, а из Макарьевских Миней внесены только некоторые видоизменения; мучение св. девы Серафимы, заимствованное Сурнем из древних кодексов (т. V, 30) и в наших Четних-Минеях отмеченное, как «собранное от древних мартирологов», 29-го июля; письма пресвитеров Авита и Луккиана об обретении и перенесении мощей св. первомученика и архидиакона Стефана (*Сурий*, IV, 502 и 503), по которым Святитель проверил и дополнил второй источник этого сказания — Великие Четыи-Минеи, указанные как единственный источник сказания в наших Четних-Минеях, 2-го августа; приписываемые Сурнем Амвросию Медиоланскому деяния св. мч. архидиакона Лаврентия (*Сурий*, IV, 607), — Святитель в Четних-Минеях, 10-го августа, источник не указал, но дал его в близком переводе, начиная с § 8 до § 22-го; написанные римскими нотариами деяния св. мч. девицы Сусанны (*Сурий*, IV, 623), — Святитель пишет, что житие составлено «Фарсоном христианином, в тяжде времени бывшим» (11-го августа), у Сурия имя Фарсона упоминается в 12-й главе Жития и говорится, что он собирал деяния свв. мучеников и читал их; мучение свв. мчч. Аникиты и Фотия, взятое Сурнем из древнейшего кодекса (V, 23), в Четних-Минеях, 12 августа, источник не указан, но содержание жития соответствует Сурню; житие св. мч. Ипполита, 13 августа, есть эпизод из жития св. мч. Лаврентия (*Сурий*, IV, 607, §§ 23—25), данный Святителем в очень близком переводе; житие свв. мчч. Адриана и Наталли, взятое Сурнем (IV, 147) из древних кодексов и почти буквально переданное Святителем, в Четних-Минеях источником названы Макарьевские Четыи-Минеи, но там (август, лл. 1104—1109) несправный список жития с значительными пропусками, которые и восстанавливаются по Сурню, недаром к словам «от великия Четыи-Минеи» (26 августа) прибавлено Святителем: «и от прочих».

⁹⁷ Правда, то же как будто житие и у Сурия (I, 759), на которого ссылка в первом месцае слов, но там житие с именем Метафраста, и уже одно умолчание о нем свидетельствует, что Святитель пользовался не Сурнем.

⁹⁸ Есть в ВЧМ (апр., л. 52, а) и славянский перевод той же, что и в Актах, редакции, но Святитель им не пользовался.

⁹⁹ Срав. Четыи-Минеи, ч. III, лл. 68 и 69 об. и Акты, март, т. I, 642, §§ 3, 4 и 5.

¹⁰⁰ Летопись о Ростовских архиереях. Изд. ОЛДП, с. 41—42, №№ 204 и 253.

¹⁰¹ Упоминается она и в описи № 106.

¹⁰² ПМВ, т. I, с. VI.

¹⁰³ Именно свв. Пахомия, Ефрема Сирина, Епиктета, Пасфумия, Фронтон, Евгенни, Евфрасии, Евфросинии, Марин, Тансии, Марины и Маркеллы.

¹⁰⁴ Переведена на русский язык *прот. М. И. Хитровым* и издана в 1898 г. Троице-Сергиевой Лаврой (3-я книга Троицкой библиотеки).

¹⁰⁵ Синодальный кодекс Метафраста, с. 25.

¹⁰⁶ На русском языке имеются отрывки из Великого Лимонаря, переведенные с греческого, — в первый раз в 1845 г., под заглавием: «Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцев», где материал изложен в азбучном порядке; во второй раз — в 1891 г., под заглавием: «Древнейший патерик, изложенный по главам», где применена предметная система расположения материала. По содержанию оба эти издания не совпадают с третьей книгой *Росвейда*.

¹⁰⁷ Переведена на русский язык и издана в 1854 г.

¹⁰⁸ Издана в русском переводе в 1853 г.

¹⁰⁹ На русский язык переведена и впервые издана в 1853 г., а затем в новом переводе *прот. М. Хитрова* издана Троице-Сергиевой Лаврой в 1896 г.

- ¹¹⁰ Сборник *Росвейда* перепечатан в Патрологии Миня, латинская серия, тт. 21, 73 и 74, где указаны и страницы первого издания книги *Росвейда*.
- ¹¹¹ Пролог Святителя, ч. II, под 13 января.
- ¹¹² Там же, ч. III, под 26 марта.
- ¹¹³ Рукопись № 420, л. 458.
- ¹¹⁴ Там же, л. 462.
- ¹¹⁵ Мы пользовались экземпляром сборника *Росвейда*, находившимся в Московском Румянцевском Музее (№ 1958), — это второе Антверпенское издание, вышедшее в 1628 г.
- ¹¹⁶ Напр., прп. Виссариона, 6 июля, прп. Пахомия Великого, 15 мая, и прп. Пимена Великого, 27 авг. Прп. Ор черноризец есть в Жизни пуст. СО (гл. 2) хотя источником его жития указан (7 августа) один Египетский патерик.
- ¹¹⁷ Святитель составление «Луга духовного» приписывает не одному Иоанну Моску, а и Софронию, впоследствии патр. Иерусалимскому (см. житие его 11 марта).
- ¹¹⁸ По Достопамятным сказаниям отд. 16, 18, 32 и 12, в Прологе 11-го декабря то же, что и в отделе 12-м.
- ¹¹⁹ Указываем по русскому переводу в Достопамятных сказаниях.
- ¹²⁰ О м. Фомаиде — ВЧМ дек., л. 785 и д.; о блаж. Таисии, л. 855; о Дуле, л. 847.
- ¹²¹ Опись при летописи Ростовских Архиреев № 202. Из Диалогов Святителя заимствовал: 1 ноября, житие св. мч. Ерминингелда — Диалоги, кн. III, гл. 31, русск. перевод по изд. 1858 г., с. 229—232. 19 декабря, — св. Воипатия Милостивого — там же, кн. I, гл. 9 (р.-п. 50—61). 23 января, — св. Павлина Ноланского, — «о сем святом пишет св. Григорий Двоеслов, кн. III, гл. 1-я (русс. пер., с. 153) и Августин и Ураний священник», последние указаны по книге П. Скарги «*Zywoty Swętych*», 14-го марта, — преп. Венедикта — Диалоги, кн. II (русс. пер., с. 77—152). 12-го апреля, — прп. Исаака Сирина — кн. III, гл. 14 (русс. пер., с. 181), 27-го июня, — св. Севира пресвитера — кн. I, гл. 12 (русс. пер., с. 72). 23-го августа, — прп. Евтиха и Флорентия — кн. III, гл. 15 (русс. пер., с. 188). 16 мая, — блаж. отроковицы Музы — кн. IV, гл. 17 и 25 (русс. пер., с. 291—298). Во всех этих заимствованиях Святитель точно цитирует источник, указывая его книги и главы.
- ¹²² Опись при летописи о Ростовских Архиреех №№ 56, 66 и 70.
- ¹²³ Рукопись Московской Патриаршей библиотеки № 139, л. 45 об. и л. 142.
- ¹²⁴ См., напр., житие Марии Магдалины — 22 июля и Рукопись Московской Патриаршей библиотеки № 139, лл. 139 об., 140 и 125 об в Каталоге Константинопольских епископов и митрополитов, или в той же рукописи статью «Рассмотрение и исследование лет Рождества Христова», л. 46 об.
- ¹²⁵ Вот отзыв о хронике Никифора Каллиста князя А. М. Курбского: «в той кроиннице достаточнейше описуется от того Никифора, не точию о Златоусте, но и о многжайших вещах, по временем и летам бываемым. Начинает бо тоую кроиннику от летъ Авгоуста кесаря и кончить аж по шестом соборе. В ней же описует многжайшие вещи дивные и пространне, а некоторые вкратце»... По книге проф. Архангельского — «Очерки ю.-зап. литературы», приложения, с. 24.
- ¹²⁶ Рукопись Московской Патриаршей библиотеки № 139, л. 124 и д.
- ¹²⁷ Там же, л. 150.
- ¹²⁸ Там же, л. 140.
- ¹²⁹ Там же, л. 132 и дд. о том, что Евдоксий арианин был сыном муч. Кесария, «пишет Свидя — citata a Baronio, т. III, л. 66, г. 311, № 21», об Арсакнии «Палладий пишет citata a Baronio, т. V, л. 213, г. 407, № 47» и т. д.
- ¹³⁰ Рукопись та же, л. 196, — здесь приведено свидетельство Гликаса о том, что св. Лука скончался в Фивах — citata a Baronio, т. I, f. 678. App. 61, п. 9.
- ¹³¹ Срав. Четии-Миней 16 дек. и Annales, т. X, с. 634, E, 553, D и E, 589, D и E и 634. На начало и конец жития оказали влияние Пролог и Макарьевские Четии-Миней, дек. л. 299.
- ¹³² По тому же Баронию указаны Зонара, Гликас и Куропалатес, как источники и в житии св. Мефодия, патр. Цареградского, 14 июня.
- ¹³³ Annales, т. VIII, начиная с года 656, п. 2 и до года 657, п. 27.
- ¹³⁴ Там же, т. IX, с. 455, 492 и др., год 795, п. 55 и д.
- ¹³⁵ Срав. Четии-Миней под 11-м ноября, Annales, т. IX, год 819, п. 15, с. 690, E и ВЧМ ноябрь стб. 417.
- ¹³⁶ Справ. Четии-Миней 25 дек. и Анналы т. I, гл. 1-я, указанные отделы Appragatus ad Annales, гг. 122 и 123.
- ¹³⁷ Справ. Четии-Миней и Анналы, *ibid.*, отделы 29, 31, 32, 33 и 35.
- ¹³⁸ Справ. Четии-Миней 26 дек. и Анналы, *ibid.*, отд. 47.
- ¹³⁹ Справ. Четии-Миней 4 февр. и Анналы, *ibid.*, гл. 40.
- ¹⁴⁰ Справ. Четии-Миней 12 окт., Анналы, т. II, с. 665—672 и перевод подлинных актов в журн. «Духовная беседа» за 1853 г., №№ 41 и 42, с. 41 и 84. У архиеп. Сергия в «Избранных житиях» сокращенный пересказ, с. 15—46.
- ¹⁴¹ Именно: 3 сент. жития св. Анфима Никомидийского и св. мц. Василиссы; 6-го воспоминание чуда св. Архистратига Михаила в Хонех; 7-го житие свв. Евдоа и Описифора и св. мч. Евксихия; 24-го страдание св. первомученицы Феклы; 14 окт. житие свв. Назария, Протасия, Гервасия и Кельсия; 2 дек. житие св. мп. Миропии и 10 июня житие св. Тимофея Прусского.

¹⁴² Здесь ссылки на Матриролог встречаем: июня 7, — св. мц. Кириакии; 13-го, св. Трифилия; 14-го, св. Кирилла Гортинского; 22-го, св. Евсевия Самосатского; 26-го, св. Давида Фессалоникского; июля 3-го, св. мч. Иакинфа; 7-го, прп. Фомы Маленца; 12-го, свв. Прокла и Илария; 14-го, св. Ахилы; 15-го, свв. мчч. Кирика и Иулиты; 16-го, св. Афиногена; 17-го, св. Маринны; 22-го, св. Марии Магдалины; 23-го, свв. мчч. Трофима и Феофила и далее почти под каждым числом. Ссылки на Матриролог в Прологе указаны нами ранее.

¹⁴³ Срав. Четии-Минеи 23 авг., с. IV, л. 733 об. и 734 и Матриролог, с. 272.

¹⁴⁴ Срав. Четии-Минеи и Мар. Рим., с. 371.

¹⁴⁵ Мар. Рим., с. 373.

¹⁴⁶ Там же, с. 375.

¹⁴⁷ Там же, с. 291.

¹⁴⁸ Там же, с. 235.

¹⁴⁹ Из других латинских книг, которыми пользовался Святитель Димитрий при составлении Четиих-Минеи, укажем только те, о которых упоминает он сам. А Святитель в Прологе и в списке святых на июнь, июль и август делает ссылки на книгу «Bibliotheca ss. Patrum» (Пролог, ч. II, 4 янв., л. 536); на латинского экзегета «Cognellius a Lapide» (ib., ч. II, 1 февр., л. 638 об. Рукоп. июня 5, 30, июля 13, авг. 1 и 14), толкования которого в количестве 10 книг значатся и в описи библиотеки Святителя; на латинское издание *Fasti Mariani* (Пролог, ч. I, сент. 25-го, л. 78), в Московской Типографской библиотеке имеется и книжка с таким названием (№ 3935), изданная в Антверпене в 1663 г. и имеющая на корешке надпись: «Жития святых Ростовского Архиепископа Димитрия».

¹⁵⁰ «Киевские университетские известия» за 1916 г., мм. сентябрь и октябрь.

¹⁵¹ Оба находились в Московской Типографской библиотеке, №№ 4108 и 4114.

¹⁵² Таковыми мы считаем житие апостола Филиппа (14 ноября), с которым согласна вся первая половина жития, Сурия, у которого (IV, 891) похвальная речь св. Варфоломею Иосифа пснописца; Макарьевские Четии-Минеи (июнь, л. 162 об. — 165), где также «слово похвально», но иной, чем у Сурия, редакции, имеющее после похвал перечень сведений о святом; Матриролог — род смерти, с. 360 и *Annales Baronius* (год 485 — об обретении Евангелия в гробе Варфоломея), из которых собрана вторая половина жития. Никифор и Евсевий, по нашему мнению, лишь свидетели.

¹⁵³ Таковыми были: Деяния апостолов и Сурий, на которого ссылака в месящеслове (III, 690), здесь *laudatio* Александра монаха «est in Sim. Metaphraste» (поэтому, полагаем, и указан Метафраст), которая и была вторым и главным источником. Дорофей Тирский, указываемый на поле, лишь свидетель, — сообщаемые им сведения (о проповеди св. Варнавы в Риме) есть и у Александра монаха. Кое-где на житии сказались влияние и Минейной службы.

¹⁵⁴ Срав. паши Четии-Минеи, *Скарга*, л. 866 и ВЧМ (июнь, л. 189 об. — 191), где житие пророка; чудо с ослицей есть и в Прологе.

¹⁵⁵ Срав. Четии-Минеи, *Сурия*, ВЧМ — июль, л. 71 об. — 81, и *Скарги*. Эпизод о явлении дев взят из ВЧМ (л. 76,6), спор у Сурия (г. 24).

¹⁵⁶ Срав. Четии-Минеи, IV, лл. 462—464, *Сурий*, § 1 и *Скарга*, л. 638.

¹⁵⁷ См. июль, л. 197, особенно лл. 198, а и б, 199, б. Очень сходно с этим житием мучение Маринны в рукописи Киевского Михайловского мон. № 491 (1650), т. III, лл. 34 об. — 47, где, как свидетельствует Н. К. Гудзий, много переводов из Скарги.

¹⁵⁸ Срав. Четии-Минеи, *Сурий*, особенно § 8, и *Скарга*, с. 67—69.

¹⁵⁹ См. русский перевод «Собеседований», с. 153.

¹⁶⁰ Из польских книг, кроме Скарги, Святитель цитирует: сочинения Млодзяновского, на которого сделаны указания: 22-го июля, память Марии Магдалины, 10-го августа — архид. Лаврентия и 29-го авг. в истории усекновения главы Иоанна Предтечи (Рукопись МТБ — кн. 420, лл. 459, 462 и 464); в Прологе — 8 февр., день памяти пр. Захарии, Святитель отмечает, что о нем говорится «in libello, qui vocatur Zywoł P. Bogorodzici P. Maryci, f. 204» (t. II, f. 667). В Московской Типографской библиотеке мы видели тот экземпляр этой книги, который был в руках у Святителя Димитрия (№ 4293). Это — небольшая книжка на польском языке, изданная в Кракове в 1648 г. На корешке ее надпись: «из книг Ростовского Архиепископа Димитрия», а в тексте и особенно в приложении, где перечисляются все церковные писатели, повествовавшие о Пресвятой Богородице, много отметок руки Святителя. Эта книжка дала ему некоторые сведения для составления сказания о Успении Пресвятой Богородицы. В той же Типографской библиотеке есть сборник (№ 4164) с надписью: «Anplis 1682 окт. 23 Ростовского Архиепископа Димитрия». В польском матрирологе, находящемся в этом сборнике, множество отметок Святителя, который, как видно, часто с ним справлялся, хотя в рукописях указаний на это нет. Не упоминаются там и другие книги по агнологии, находящиеся в описи, — очевидно, Святитель весьма редко прибегал к ним; мы не будем и упоминать о них.

¹⁶¹ Четии-Минеи, чч. 1 и 2, списки учителей, писателей...

¹⁶² Рукопись Московской Типографской библиотеки № 420, лл. 19, 20, 22 и 23.

¹⁶³ Там же, лл. 456, 462, 463.

¹⁶⁴ Например, 21 янв. житие м. Неофита, 18 авг. — св. мм. Флора и Лавра.

¹⁶⁵ Например, 3 мая житие свв. Тимофея и Мавры; 19 июля — прп. Дия.

¹⁶⁶ Например, 26 июля сказание о Тихвинской иконе Божией Матери.

- ¹⁶⁷ Рукопись Типографской библиотеки № 420, л. 459.
- ¹⁶⁸ См. ВЧМ, изд. Археографической Комиссией, прим.
- ¹⁶⁹ Именно: св. Епифаний и св. Дамаскин — книга о вере, IV, 15; св. Ипполит и Никифор, кн. II, гл. 3; Пролог, св. Каллист в слове на Рождество Пр. Богородицы; Маргарит, Трефолог и служба.
- ¹⁷⁰ См. Маргарит. Изд. в Москве в 1641 г., лл. 598—624.
- ¹⁷¹ Евсевий о св. мч. Романе говорит в книге о палестинских мучениках (Сочинения, т. II, с. 7 и 8 по русск. переводу в изд. 1850 г.). Руинарт в *admonition* к сказаниям о св. Романе сообщает, что, кроме книги о палестинских мучениках, Евсевий говорит о св. Романе еще в книге *De resurrectione et ascensione Domini* и приводит отрывок оттуда (с. 357 и 391—394 по изд. *Acta sincera* 1859), там же приведен отрывок из поэмы Пруденция о венке, но все эти сказания сокращеннее рассказа наших Четних-Миней.
- ¹⁷² *Sanctuarium seu Vitae Sanctorum*, изд. 1910 г., т. II, лл. 446—450.
- ¹⁷³ В рукописном сборнике Типографской библиотеки (№ 420) на лл. 145 и 245 есть два жития св. Ипатия, епископа Гангрского, разных редакций; во втором есть и чудо о змее (л. 254), составляющее главный предмет четин-минейного жития; может быть, эта рукопись и была источником для Святителя, — в ней встречаются и отметки, сделанные его рукою.
- ¹⁷⁴ См. ранее, I ч., с. 179. В сборнике Патриаршей библиотеки № 858 есть житие св. Димитрия Царевича (л. 199), сходное по содержанию со Святительским; может быть, оно и есть та «книжица», о которой говорит Святитель в письме к Феологу.
- ¹⁷⁵ О Толгской иконе есть сказание в сборнике № 858, л. 1.
- ¹⁷⁶ Текст повести мы берем из последнего ее издания Акад. наук, 1950 г.
- ¹⁷⁷ См. с. 125 и следующие.
- ¹⁷⁸ Древнерусские княжеские жития, с. 22—43.
- ¹⁷⁹ См. сборник Московской Патриаршей библиотеки № 139, статью «Рассмотрение избрания святых 70 апостолов в Прологах новейших ианнуария 4-го и в начале книг апостольских положенного, написанного же под именем св. свящ.-муч. Дорофея, епископа Тирского», лл. 191—207.
- ¹⁸⁰ Он взял его из книги «*Biblioteca ss. patrum*», t. II, f. 189 по Парижскому изданию 1576 г.
- ¹⁸¹ Источник его в Четин-Минее не указан.
- ¹⁸² См. список оставшихся после Святителя книг в «Летописи Ростовских Архиепископов», изд. А. А. Титова, 1890, с. 38, №№ 30—39.
- ¹⁸³ См. Ч.-Миней, ч. I, л. 423; ч. II, лл. 374 и 378 и л. 218.
- ¹⁸⁴ Библиотека Киево-Печерской Лавры, № XVIII 2/7, 7-го января, в повести о руке св. Иоанна Предтечи, Святитель и ссылку делает на Трефолог «Львовский». В Лаврском экземпляре есть отметки и поправки красными чернилами, — не рукою ли Святителя?
- ¹⁸⁵ Срав. Четин-Миней и «Триодию, снести трипеснец», 1648, Киевское издание, с. 430—435. То же житие в ВЧМ, ноябрь, л. 772.
- ¹⁸⁶ Рукопись Московской Типографской библиотеки № 420, лл. 22 об. и 456.
- ¹⁸⁷ Есть еще сирская редакция жития св. Алексия, перевод ее в Четних ОЛДП за 1690 г. XXVIII т., с. 127—139.
- ¹⁸⁸ Напр., во всех сказаниях о праздниках в честь Богородицы приводятся выдержки из слов: Германа Константинопольского, Георгия Никомидийского, Иоанна Дамаскина; делаются ссылки на Никифора Каллиста и Георгия Кедрина. Сказания об ангелах все (8 ноября, 26 марта, 13 июля) составлены на основании сочинения «О небесной иерархии», приписываемого Дионисию Ареопагиту.
- ¹⁸⁹ Именно: Ювеналия Иерусалимского, Мелитона Сардинского, Андрея Критского.
- ¹⁹⁰ См. «Летопись о Ростовских Архиепископах», изд. Титова, с. 40 и 43, №№ описи 285 и 169.
- ¹⁹¹ Сюда относятся слова Василия Великого о старце Варлааме, 19 ноября (*Сурий*, VI, 479), о мч. Гордии 3 янв. (I, 97); Иоанна Златоуста — о старце Варлааме, об апостоле Андрее, 30 ноября (VI, 700), на Крещение Господне на Благовещение (II, IV, 992) и Иоанна Дамаскина о поклонении иконам, 16 августа.
- ¹⁹² Сюда относятся слова на Рождество Пресвятой Богородицы, на Покров Божией Матери, на Рождество Христово, на Обрезание Господне, на Богоявление. Последнее слово, например, состоит из сравнения истории творения мира и Богоявления, в нем масса аллегорических сопоставлений, приводятся примеры из истории, естествознания и т. д.
- ¹⁹³ Срав. синаксарь на 26 марта и собор св. Арх. Гавриила, 13 июля.
- ¹⁹⁴ См. I-ю часть сочинения.
- ¹⁹⁵ Сочинения Свят. Димитрия, ч. I, с. 501. Срав. письмо к Феодору Поликарпову от 8 ноября 1708 г., с. 515.
- ¹⁹⁶ Рукопись Московской Патриаршей библиотеки, № 147, л. 426 и № 139, л. 45.
- ¹⁹⁷ Рукопись Московской Типографской библиотеки, № 420, л. 264.
- ¹⁹⁸ Предисловие к Мученикостроению, л. 5. Рукопись Московской Патриаршей библиотеки, № 811.
- ¹⁹⁹ Указываем жития, составленные Святителем самостоятельно; в житиях заимствованных таких приемов изложения весьма много.

- ²⁰⁰ Четии-Минеи, апр. л. 295.
²⁰¹ Четии-Минеи, май, л. 563.
²⁰² См. рукопись № 146 Московской Патриаршей библиотеки, л. 304, Срав. Четии-Минен, 29 апр.
²⁰³ Московской Типографской библиотеки № 4108.
²⁰⁴ Это видно из того, что во второй книге Четиих-Миней Иероним снова помещен в списке, а в рукописях Святителя есть ответ Патриарху, где основательно доказывается почитание Иеронима и Православною Церковью. См. рукопись Синод. библи. № 187, л. 238 и д.
²⁰⁵ Напр., сент. 3, 6, 7, 24; окт. 14; дек. 2; июня 4, 10 и 11.
²⁰⁶ См., напр., житие св. Иосифа Обручника 26 декабря и замечание после жития св. Марии Магдалины, 22 июля.
²⁰⁷ См. заметку после жития св. мц. Харитины, 24 июля, или первое замечание после жития священномученика Фавия, папы Римского, 5 августа.
²⁰⁸ См., напр., исследование о Святителе Димитрии И. А. Шляпкина.
²⁰⁹ См. ранее.
²¹⁰ См. ранее.
²¹¹ См. I часть соч.
²¹² Такова, например, жизнь папы Мартина, составленная близким к нему лицом (14 апреля, *Сурий*, V, 290 с.). Из составленных самим Сурием житий в месяцеслове отмечено только одно — св. Кирилла Гортинского (9 июля, *Сурий*, IV, 151 с.).
²¹³ 4 сентября жизнь прор. Моисея, написанная Филоном (*Сурий*, V, 54); 24-го, история св. Феклы из месяцеслова Адона (V, 389); 9 декабря de conceptione Пресвятой Богородицы (VI, 903); 25-го, de nativitate Domini (VI, 1054 с.); 1 янв. de circumcisio-ne Domini (I, 1 с.).
²¹⁴ См. рукопись Московской Типографской библиотеки № 420, л. 459.
²¹⁵ См. Четии-Минен, ч. IV, л. 516 об.
²¹⁶ Срав. также Рождественские сказания Святителя с *Анналами Цезаря Барония*.
²¹⁷ См., напр., 23 июня, повесть о покаянии Феофила.
²¹⁸ Напр., 1 сент. при житии св. Симеона Столпника; 4 сент. при житии св. сщмч. Вавилы; 16 февр., при житии 12 мчч., в Кесарии Палестинской пострадавших.
²¹⁹ Так поступил Святитель 5 февр., составляя житие св. мц. Агафии; 11 февр., житие св. сщмч. Власия; 13 февр., житие пр. Мартиниана... Ср. Четии-Минеи и *Acta SS.*, февр., I, 47 с., 331 с. и II, 667 с.
²²⁰ См. замечание к житию св. Спиридона, 12 дек.; заметки после житий св. про-рока Даниила, 17 дек., и св. мч. Дулы, 15 июня.
²²¹ См. 12 апр., житие прп. Афанасия, сообщение о том, как святая воткнула в землю жезл и стала невидима: «То скажет Пролог», — пишет Святитель, приводя этот факт.
²²² Срав. Четии-Минен, *Сурий*, V, 474 и ВЧМ.
²²³ Срав. Четии-Минен, *Сурий*, V, 755 и *Анналы Ц. Барония*.
²²⁴ Святитель и в других случаях старался ознакомить своих читателей с такими памятниками. Так, 30 ноября он поместил послание переев и диаконов Ахани о мученической кончине св. апост. Андрея Первозванного; 20 дек., в житии св. Игнатия Богоносца, привел почти всё его послание к Римлянам; 23 февр., в житии св. Поликарпа Смирнского — послание Смирнской Церкви о его мученической кончине; 14 янв. — повесть инок Аммония и блж. Пила о свв. отцах, в Синае и Раифе избиенных; 19 июня — письмо св. Григория Нисского к его сестре, св. Макрине, и др.
²²⁵ Напр., житие Пелагии блудницы (*Сурий*, V, 706; *Vitae pp.*, I, 376—380), прп. Иларiona (*Сурий*, V, 984; *Vitae pp.*, I, 75) и др.
²²⁶ См., напр., житие прп. Ефрема Сирина 28 янв. Ср. *Vitae pp.*, I, 167—169 и *Сурий*, I, 793, где *vita* Метафраста.
²²⁷ Срав. Четии-Минен, *Сурий*, I, 43 и *Vitae pp.*, I, 363.
²²⁸ Срав. Четии-Минен, *Сурий*, I, 570 и *Vitae pp.*, I, 170—205, — житие Леопия Неаполитанского.
²²⁹ Срав. Четии-Минен, *Сурий*, VI, 1073 и *Vitae pp.*, I, 206.
²³⁰ *Vitae pp.*, VIII, 738, § 6.
²³¹ См. ранее.
²³² Напр., свв. Феопемита и Феопы, 5 янв.; св. мц. Татианы и св. Петра Вальсамона, 12 янв.; свв. мм. Спевсиппа, Мелесвиппа и Елевсиппа, 16 янв.; Валеряна, Кандида, Акиды и Евгения, 21 янв. и др.
²³³ Срав. Четии-Минен, Акты свв., янв. II, 695 и *Surius*, I, 646.
²³⁴ Срав. Четии-Минен, Акты свв., янв. II, 724.
²³⁵ Срав. Четии-Минен, Акты свв., янв. II, 599 и 1084 и *Surius*, I, 615 и 759
²³⁶ В апреле таких дублетов можно указать более 15; во всем втором полугодии *Сурий* в 16 случаях мог быть заменен Актами.
²³⁷ См. ранее, с. 41 и д.
²³⁸ См. рукопись Московской Типографской библиотеки № 420, л. 454.
²³⁹ Срав. Четии-Минен, Акты свв., апр. II, 108, *Сурий*, II, 703 и *Скарга*, 332.
²⁴⁰ Рукопись Московской Типографской библиотеки № 420, л. 22.
²⁴¹ Срав. Четии-Минен, *Сурий* и Акты свв., май, III, 188 с.
²⁴² Срав. Четии-Минен, *Сурий*, II, 249 и Акты свв., март, II, 258.

- ²⁴³ Срав. Четин-Минен, *Сурий*, I, 863 с. и Акты свв., май, III, с. 449.
- ²⁴⁴ Справ. Acta SS., апр. II, 126, § 4; май, II, 295, § 5 введения и май I, 453, §§ 5 и 7. *Сурий*, II, 1005; III, 131 и 78 и Четин-Минен.
- ²⁴⁵ См., напр., житие св. мч. Гликерии, 13 мая и срав. Акты свв. май, III, 192.
- ²⁴⁶ Справ. Четин-Минен 21 мая и 2 янв.; Акты свв., май V, 12, § 14, и *Historia Nisiphore*, VII, 33 гл. и Церковная История *Евсевия-Памфила*, кн. IV, гл. 61 и 62 по русскому переводу.
- ²⁴⁷ Справ. Четин-Минен, служебные Минен под 3 ноября и *Сурий*, II, 820, § 14.
- ²⁴⁸ Справ. Четин-Минен, Пролог 6-го ноября, *Сурий*, III, 653, § 10 и Историю *Сократа*, кн. II, гл. 26.
- ²⁴⁹ Справ. Четин-Минен, Пролог и Акты свв., май, III, 452.
- ²⁵⁰ Синодальный кодекс *Метафраста*, с. 67.
- ²⁵¹ Справ. Четин-Минен, Акты свв., май II, 4 с. § 3 и 2 и ВЧМ, май, лл. 242—252.
- ²⁵² Справ. Четин-Минен, Акты свв., май III, с. 36, §§ 45, 47, 52 и 57 и ВЧМ, май, лл. 439—460. Справ. *Сурий*, III, 229, который оказывал влияние на работу Святителя.
- ²⁵³ Интересно сравнить этот ответ с научным решением того же вопроса в книге *исеромонихи (потом епископа) Анатолия* «История сирийского монашества», с. 121, прим. 3 и с. 130 и 131.
- ²⁵⁴ «Много слов, дела мало». Рукопись Московской Типографской библиотеки № 420, л. 468.
- ²⁵⁵ «В Чег'е премного многословесия», там же, л. 463.
- ²⁵⁶ Там же, л. 420.
- ²⁵⁷ Справ. Четин-Минен 19 ноября и *Vitae pp.*, ч. I, с. 242—338 или *Par. Lat.*, t. 43, с. 443.
- ²⁵⁸ Справ. Четин-Минен 19 дек. и ВЧМ, декабрь, лл. 348—414, особенно прения (лл. 353—411).
- ²⁵⁹ См. также житие св. Сильвестра, папы Римского (2 января), и срав. *Сурий*, т. VI, с. 1173, §§ 25, 26 и 27 — прение с евреями.
- ²⁶⁰ Справ. Четин-Минен, 25 сентября и ВЧМ сент. в. III, второе житие, стлб. 1421, 1428, 1444, 1445, 1446 и 1431—34.
- ²⁶¹ Четин-Минен, 12 июня.
- ²⁶² Справ. Четин-Минен 5 окт., *Сурий*, V, 665, Пролог и службу.
- ²⁶³ Справ. Четин-Минен 28 ноября, ВЧМ, ноябрь, л. 1234, *Сурий*, VI, 660, § 3 и Церк. и гражд. деяния *Георгия Кедрина*, слав. пер., л. 162 и д.
- ²⁶⁴ Справ. Четин-Минен 28 декабря, *Сурий*, VI, 1094 и то же сочинение *Георгия Кедрина*, ч. II, л. 8 и д.
- ²⁶⁵ Четин-Минен 4 февр., ВЧМ, февр. 4 и *Георгий Кедрин*. Цит. соч., ч. II, л. 6 и д.
- ²⁶⁶ Четин-Минен 20 октября, 6 марта, 1 августа и 5 июня.
- ²⁶⁷ Справ. Четин-Минен, 6 сент., *Сурий*, V, 468 и ВЧМ, сент. I, 295.
- ²⁶⁸ Справ. Четин-Минен, 24 ноября и Творения св. *Иоанна Дамаскина*, гл. I об иконах.
- ²⁶⁹ Справ. Четин-Минен 17 ноября, *Сурий*, IV, 55 и *Скарга*, с. 990.
- ²⁷⁰ Справ. Четин-Минен 15 янв., *Vitae pp.*, I, 17—20 и ВЧМ, янв. 15, л. 405.
- ²⁷¹ Справ. Четин-Минен 18 января и *Сурий*, III, 22.
- ²⁷² Справ. Четин-Минен 8 марта и Акты свв., март I, 787 и ВЧМ, март, 8 числа.
- ²⁷³ В Актах свв., март III, 668 ее нет, срав. Четин-Минен 26 марта и ВЧМ, то же число.
- ²⁷⁴ «Синхрон» — современник.
- ²⁷⁵ Четин-Минен 30 мар. и Acta SS., март III, 834.
- ²⁷⁶ См. ранее.
- ²⁷⁷ Четин-Минен 19 янв. Подобный же порядок изложения событий см. в житиях — прп. Памвы, 18 июля, прп. Пимена Великого, 27 авг.
- ²⁷⁸ Четин-Минен 12 дек. и *Сурий*, VI, 960, §§ 20 и 21.
- ²⁷⁹ Четин-Минен 19 окт. и *Сурий*, V, 948, § 1.
- ²⁸⁰ Четин-Минен 30 окт. и *Сурий*, V, 1081, §§ 3 и 4.
- ²⁸¹ Георгий рассказывает, что в Сикее, вблизи дороги была *diversorium*, где находила себе приют и заработок согрете красавая девушка Мария, жившая с сестрой и матерью. Мимо их жилища проходил Косма, завернул туда и, увлеченный красотой Марии, cum ea concubuit. Мария зачала от него и оставила *vitam meretricis*... Выдержано это и дальше: злой дух называет Феодора *filius meretricis*; бабка Елпидия прославляет Бога за то, что Он meretricis spinis вывел плод, производящий розы и фрукты и т. д. См. Acta SS., апр., III, 33, §§ 3, 6, 18, 26. Справ. ЧМ, 22 апр., л. 361 об.
- ²⁸² Справ. Четин-Минен, 4 апр., л. 266 и Акты свв., апр. I, 266, § 17.
- ²⁸³ Справ. Анфологион, л. 87 и Четин-Минен, окт. I.
- ²⁸⁴ Справ. Четин-Минен 3 сент. и Пролог.
- ²⁸⁵ Справ. Четин-Минен 24 сент. и Сказания о христ. мчч. с. 448 и 575.
- ²⁸⁶ Напр., в житии св. сщмч. Автонома, давая буквальный перевод одного места из Метафраста, по которому составлено всё житие, Святитель предваряет его такими словами: «о истлении же свв. его мощей блаж. Симеон Метафраст глаголет сице».
- ²⁸⁷ ЧМ, 12 сент.
- ²⁸⁷ Справ. Четин-Минен 18 ноября и *Сурий*, IV, 307, §§ 2—7, 8—14.

²⁸⁸ Для примера срав. с подлинником жития — св. мч. Анфима 3 сент. и *Сурий*, VI, 1001, §§ 29—32; свв. мчч. Евлампия и Евлампии 10 окт. и *Сурий*, V, 751, §§ 3—5; св. мч. Платона 18 нояб. и *Сурий*, IV, 307; свв. мчч. Мины, Евграфа и Ермогена 10 дек. и *Сурий*, VI, 915; св. мч. Маврикия 22 февр. и *Сурий*, IV, 243; 42 мчч. аммо-рейских 6 мар. и Акты свв. мчч. I, 460, §§ 18—38 и др.

²⁸⁹ См., напр., жития: св. мч. Трифона 1 февр. ЧМ, II ч., л. 605 и срав. *Сурий*, I, 813, § 8 и д.; свв. мщ. Агапии, Ирины и Хионии 16 апр. ЧМ, л. 327—328 и Акты свв., апр. I, 248, §§ 5 и 6 и прим., а на с. 250; св. мч. Патриккия 19 мая, ср. ЧМ, гл. III, л. 620, 621 и Акты свв., апр. III, 576; св. мч. Кодрата 10 марта и Акты свв., март II, 4, §§ 4 и д.; св. Никиты исповедника 3 апр., срав. ЧМ, л. 259 об. и Акты свв., апр. I, 253, §§ 34—36 или ЧМ, лл. 261, 263 и Акты свв., там же, гл. 6 и др.

²⁹⁰ См. в житиях: св. Иосифа песнопisca 4 апр. и срав. ЧМ, л. 269 и Акты свв., апр. I, 266, § 33; свв. мчч. Агафопода и Феодула 5 апр. и ср. ЧМ, л. 274 об. и Акты свв., апр. I, 321, § 9; свв. мчч. Кирика и Иулитты 15 июля и срав. ВЧМ, июль, л. 164, св. великомученицы Евфимии, 16 сент. срав. *Сурий*, V, 280; свв. мчч. Маркиана и Мартирия, 25 окт., срав. *Сурий*, V, 1053, § 4 и др.

²⁹¹ См., напр., письмо прп. Феофана импер. Льву о свв. иконах, ЧМ, 12 марта, лл. 107—108 и Акты свв., март II, 224, § 16; письмо прп. Феодора Студита игумену Ипатии, срав. ЧМ, 24 марта, л. 165 и Акты свв., март, III, 357, §§ 3, 4 и 5; послание Феодора Едесского импер. Михаилу и ответ последнего Феодору, срав. ЧМ, июля 9-го, и ВЧМ, июль, л. 115 об. и др.

²⁹² Их особенно много в праздничных сказаниях.

²⁹³ См., напр., в житии св. Григория чудотворца его символ веры и срав. ЧМ, 17 ноября, и *Сурий*, IV, 55, § 7.

²⁹⁴ Напр., чудо свв. мчч. Гурия, Самона и Авива, срав. ЧМ, 15 ноября, и *Сурий*, VI, 356, §§ 16—28; историю служанки Глафиры в житии св. мч. Василия Амасийского, срав. ВЧМ, 26 апр., лл. 403—405, и Акты свв., апр. III, 416, Акты свв., §§ 4—18; явление Господа св. мц. Еликониде, срав. ЧМ, 28 мая, л. 662, и Акты свв., май VI, 83, § 8 и др.

²⁹⁵ Срав. ВЧМ, июль, л. 443 об. или *Сурий*, IV, 403 и Четии-Минеи 29 июля. См. также прологи к житиям: св. Симеона Дивногогора в ВЧМ, май, л. 647 об.; прп. Илариина Великого в *Vitae* pp., ч. I, 75; св. Иоанна Дамаскина у *Сурия*, III, 115, §§ 1—3; прп. Саввы Освященного в ВЧМ, дек. 5, и др.

²⁹⁶ ВЧМ, октябрь, в. I, с. 237.

²⁹⁷ Срав. Четии-Минеи 18 сент., и Пролог, ч. I, то же число.

²⁹⁸ См., напр., жития: св. Фоки вертоградара и срав. ЧМ, 22 сент., и *Сурий*, V, 363; св. мч. Гордия, срав. ЧМ, 3 янв., и *Сурий*, I, 97; второе избиеание свв. отцов в Синае и Раифе, срав. ЧМ, 14 янв., и Акты свв., январь I, 954; жития: прп. Малха; срав. ЧМ, 26 марта, и *Vitae* pp., I, 93; св. Никиты исповедника, срав. ЧМ, апреля 3, и *Сурий*, II, 500; прп. Акакия Мелитинского, срав. ЧМ, апр. 17, и ВЧМ, апрель, л. 162; прп. Зосимы Киликийского, срав. ЧМ, июня 5, и «Луг духовный», гл. 123, 124, 166 и др.

²⁹⁹ Четии-Минеи, 17 сент., ч. I, л. 113.

³⁰⁰ Четии-Минеи, 3 дек., ч. II, л. 16 об.; 5 дек., л. 46; 21 дек., л. 212 об.; 15 сент., ч. I, л. 102 об. и 103; 26 сент., л. 173 об.

³⁰¹ Четии-Минеи 6 дек., ч. II, 69 об.

³⁰² Срав. Четии-Минеи, 4 сент., и *Сурий*, V, 111.

³⁰³ Срав. Четии-Минеи, 20 сент., и *Сурий*, VI, 30.

³⁰⁴ Срав. Четии-Минеи, 18 дек., и *Сурий*, I, 400 и 450.

³⁰⁵ Срав. Четии-Минеи, 5 февраля, и *Сурий*, I, 865, § 2.

³⁰⁶ Срав. Четии-Минеи, 21 декабря, и *Сурий*, I, 1041, § 4.

³⁰⁷ История древней литературы, с. 585.

³⁰⁸ Напр., вырок (ЧМ, ч. I, л. 150), возстай (I, 316), изчапага (I, 444), колдра (I, 468 об.), завертенье (II, 4), лядина (II, 407), голе, бодцы (III, 5), гай (III, 118), хлыпания (III, 119 об.), ярина (III, 305), трам (III, 324), цистерны (III, 365), руина (III, 643), сланутка (I, 305) и др.

³⁰⁹ Напр., канкрум, космитор, фортуна, сяндон, дактиль, ксатепарий и др.

³¹⁰ Напр., вапио (I, 20), остны (I, 149), баля (I, 150), развренье (I, 167), лужный (I, 171), в'ихание Господне (I, 272), вуй (I, 450), убожнина (II, 17), простыня (III, 6), ошиб (III, 58 об.), коло (III, 78), гутник (III, 93), присман (III, 165), кхсы (III, 257), онгия (III, 261 об.), позибати (III, 173 об.), сулица (II, 325), обутель (III, 399), сметне (III, 404), наолаш (IV, 275) и др.

³¹¹ Напр., синап (I, 117), ипананты (II, 613), игемон (III, 153), канфилион (III, 32 об.), гимнософист (III, 58), апостат (III, 58), маледикте (III, 188), синхрон икономах (III, 266), анфипат (III, 325), анагност (III, 459), кордаспос (III, 515) и др.

³¹² Нельзя не пожалеть, что этот благой обычай старины теперь совсем оставлен: Сколько пользы пришло бы чтение житий святых народу, как оживило бы оно наше Богослужение, какой свет пролило бы на мало кому понятные и редко кем со вниманием выслушиваемые церковные песнопения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I

1. Четни-Миней в 4-х книгах, 1-е изд. 1689—1705, 2-е изд., 1-я книга, 1711, 3-е изд. в 4-х книгах, 1754.
2. Жития святых на русском языке. Изд. Моск. Синод. типографии.
3. Великие Четни-Миней *Московского митрополита Макария*, месяцы — сентябрь, октябрь и ноябрь в издании Археографической Комиссии, остальные — в рукописи по Успенскому списку.
4. Сочинения Святителя Димитрия. Изд. 1824.
5. Рукописи в сборниках, принадлежавших Святителю Димитрию и находившихся в Моск. Патриаршей б-ке и в б-ке Синодальной типографии.
6. Письма Святителя Димитрия при его сочинениях — в «Ярославских епархиальных ведомостях» за 1873 и 1874 гг. и в других изданиях.
7. Опись оставшихся после Святителя Димитрия книг, напечатанная в «Летописи о Ростовских Архиепископах», изданной Обществом любителей древней письменности в 1890 г., с примечаниями А. Л. Титова.
8. Пролог 1685 г. в 4-х книгах, принадлежавший Святителю Димитрию и находившийся в б-ке Моск. духовной академии, № 8/500.
9. Печерский Патерик. Киев, 1678.
10. *Лаврентий Сурий*. Жития святых Востока и Запада (на латинском языке). Изд. 2-е, 1573—1578, в 7 томах, по экземпляру, хранившемуся в Моск. Синод. типографии, № 3261.
11. Деяния святых (Acta Sanctorum) в 18 томах за месяцы январь — май.
12. Жития святых отцов (Vitae Sanctorum Patrum) *Росвейда* (на латинском языке). 2-е Антверпенское издание, 1628, по экземпляру, хранившемуся в Московском Румянцевском музее, № 1958.
13. *Минь*. Патрология, греческая серия, тт. 114, 115 и 116; латинская серия, тт. 21, 73 и 74.
14. *Руинарт*. Акты мучеников подлинные и избранные (на латинском языке). Изд. 1689.
15. *Ц. Бароний*. Церковные летописи (Annales ecclesiastici), в 12 томах.
16. *Ц. Бароний*. Римское мученикословие (Martyrologium Romanum). Изд. 1589.
17. Греческие церковные историки: Евсевий-Памфил, Сократ-схоластик, Созомен, Феодорит Кирский, Евагрий-схоластик, Феодор-чтец (все в русском переводе); *Георгий Кедрин*. Деяния церковные и гражданские (церковнослав. перевод, 1794); *Никифор Каллист*. Церковная история (на латинском языке).
18. *Петр Скарга*. Жития святых (Żywoty Świętych).
19. Богослужебные книги: Месяцесловы, Месячные Миней, Анфологион, Триодь постная и др.
20. Маргарит. М., 1641.
21. Архив Юго-Западной России, т. V, ч. 1.
22. *Ундольский В. М.* Опыт славяно-русской библиографии. М., 1871.
23. *Каратаев*. Описание славяно-русских книг, 1883.
24. *Родосский*. Описание старопечатных и церковнославянских книг СПб. дух. академии, 1891.
25. Описания рукописей в различных книгохранилищах и библиотеках.

II

1. *Митрополит Макарий*. История Русской Церкви, тт. 10, 11 и 12.
2. *Митрополит Макарий*. История Киевской дух. академии, 1849.
3. *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви (т. I — 1 и 2 — и т. II — 1 и 2).
4. *Голубинский Е. Е.* История канонизации русских святых.
5. *Архиепископ Сергей*. Полный месяцеслов Востока. Изд. 2-е, тт. 1 и 2.
6. *Архангельский А. С.* Очерки по истории западнорусской литературы XVI и XVII вв., 1888.
7. *Абрамович Д. И.* Исследование о Киево-Печерском патерике. СПб., 1902.
8. *Анатолий, архимандрит*. История сирийского монашества.
9. *Барсуков Н.* Источники русской агиографии. СПб., 1882.
10. *Белокуров С. К.* История духовного просвещения в Московском государстве в XVI и XVII вв.
11. *Браиловский С. Н.* Федор Поликарпов Орлов.
12. *Браиловский С. Н.* Указ. материалы, II, 1902.
13. *Васильевский В. Г.* Синодальный кодекс Метафраста, 1897.
14. *Волков Н. В.* Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV вв., 1897.
15. *Голубев С. Т.* Киевская Академия в конце XVII в., 1901.
16. *Голубев С. Т.* Митрополит Петр Могила.
17. *Евгений, митрополит*. Описание Киево-Печерской Лавры.

18. *Иконников В. С.* Максим Грек и его время, 1915.
 19. *Иконников В. С.* История русской библиографии.
 20. История русской литературы. Изд. АН СССР, т. I, 1941.
 21. *Кадлубовский А.* Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902.
 22. *Кекелидзе К. С., протоиерей.* Симеон Метафраст по грузинским источникам. Труды Киевской духовной академии, февраль, 1910.
 23. *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых, как исторический источник. М., 1871.
 24. *Курбский А. М.* Сказания и письма.
 25. *Латышев В. В.* Византийская царская минея. Пгр., 1915.
 26. *Лопарев Х.* Византийские жития святых VIII—IX вв. — Византийский временник, 1910, т. 17.
 27. *Майков Л. Н.* Очерки по истории русской литературы XVII в.
 28. Палестинский Патерик, вв. 1 и 2.
 29. *Петров Н. И.* История Киевской духовной академии.
 30. *Порфирьев И.* История русской словесности. Казань, 1891.
 31. *Папков А. А.* Братства. Изд. Троицкой Лавры, 1900.
 32. *Попов М., священник.* Святитель Димитрий и его труды, 1910.
 33. *Пыпин А. Н.* История русской литературы, т. II.
 34. *Рудаков А. П.* Очерки Византийской культуры по данным греческой агнографии. М., 1917.
 35. *Серебрянский Н.* Древнерусские княжеские жития. Кострома, 1914.
 36. Сказания о христианских мучениках. Изд. Казанской дух. академии.
 37. *Сменцовский М.* Братья Лихуды. СПб., 1899.
 38. *Соболевский А. И.* Жития святых в древнем переводе на церковнославянский язык. СПб., 1904.
 39. *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XV вв. СПб., 1903.
 40. *Соболевский А. И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910.
 41. *Сперанский М. Н.* История древней русской литературы. Изд. 2-е, М., 1914.
 42. *Сперанский М. Н.* Сентябрьская и октябрьская Четия-Минея домакарьевского состава. ИОРЯС АН, 1896, т. I, кн. 2, и 1901, т. VI, кн. 1.
 43. *Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малозвестных и неизвестных памятниках.
 44. *Сумцов.* Иоанникий Голятовский и Иннокентий Гизель — статьи в журн. «Киевская старина» за 1884 г.
 45. *Титов Ф. И., протоиерей.* Русская Православная Церковь в Польско-Литовском государстве. Киев, 1909, тт. 1 и 2.
 46. *Титов Ф. И., протоиерей.* Святитель Димитрий. — Труды Киевской духовной академии, 1909.
 47. *Филарет архиепископ.* История Русской Церкви.
 48. *Филарет, архиепископ.* Историческое учение об отцах Церкви.
 49. *Филарет, архиепископ.* Обзор русской духовной литературы.
 50. *Филарет, архиепископ.* Подвижники Восточной Церкви.
 51. *Филарет, архиепископ.* Русские святые (три тома).
 52. *Шляпкин И. А.* Святитель Димитрий Ростовский и его время. СПб., 1891.
 53. *Шляпкин И. А.* Лекции по литературе. Ч. 2. Юго-Западная Русь в XVI и XVII вв.
 54. *Эйнгорн.* Очерк по истории Малороссии XVII в. М., 1899.
 55. *ХХ.* Святитель Димитрий, митрополит Ростовский. Изд. 1848.
-